
Редакция «Новой газеты»
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)
при содействии
Государственного музея истории ГУЛАГа
Международного историко-просветительского общества «Мемориал»
Фонда имени Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

THE VICTIMS RETURN

Survivors of the Gulag after Stalin

Stephen F. Cohen

PublishingWorks
Exeter, NH
2010

Стивен КОЭН

ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ГУЛАГА
ВОЗВРАЩЕНИЕ
СТАЛИНСКИХ ЖЕРТВ

Перевод Ирины Давидян

Москва
2011

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
ОСНОВАНА В 1995 ГОДУ

Translated from
Stephen F. Cohen. The Victims Return: Survivors of the Gulag
After Stalin
PublishingWorks, Exeter, NH, 2010.
Русское издание – расширенное и дополненное.

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Коэн, Стивен.

Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод
Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.:
АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл. – ISBN 978-5-91022-150-9.

В центре внимания исследования видного американского историка
Стивена Коэна – нелёгкий процесс возвращения и реабилитации жертв
сталинского террора. Среди вопросов, волнующих автора: перипетии это-
го процесса при Хрущеве и после него, роль бывших репрессированных
в политике оттепели, а также неоднозначное отношение к ГУЛАГу и гу-
лаговцам со стороны власти и общества в СССР и постсоветской России.
Достоверность и особая интонация повествования связана с тем, что
многих из жертв автор знал лично.

ISBN 978-5-91022-150-9

© Коэн, Стивен, 2011
© Давидян Ирина, перевод, 2011
© Редакция «Новой газеты», 2011
© АИРО-XXI, 2011

Светлой памяти
Анны Михайловны Лариной (1914–1996),
которую сталинский террор лишил мужа,
маленького сына и двадцати лет жизни,
но не смог лишить человечности

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	11
Глава 1	
ИСТОРИЯ КНИГИ.....	17
Глава 2	
ОСВОБОЖДЕНИЕ.....	36
Глава 3	
ЖЕРТВЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	53
Глава 4	
ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ «ХРУЩЁВСКИХ ЗЕКОВ»	84
Глава 5	
ЖЕРТВЫ ИСЧЕЗАЮТ И ВОЗВРАЩАЮТСЯ ВНОВЬ	110
Эпилог	
СТАЛИНСКИЕ ЖЕРТВЫ И БУДУЩЕЕ РОССИИ.....	139
НЕСКОЛЬКО СЛОВ БЛАГОДАРНОСТИ	152
ПРИМЕЧАНИЯ.....	154
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН	179
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	
ТРУДОВ СТИВЕНА КОЭНА	186

Невозможно скрыть. Люди будут выходить из тюрем, приезжать к родным, расскажут родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как всё было ... что те, кто остался в живых, были репрессированы невинно.

Никита Хрущёв

Вернулись многие — тысячи и тысячи людей, кто уцелел, кто остался в живых. Эти возвращения — великий исторический поворот для всей страны, масштабы этого возвращения людей к жизни трудно себе вообразить...

Светлана Аллилуева, дочь Сталина

ПРОЛОГ

Массовый террор, проводимый Сталиным и его ближайшими сподвижниками в 30–40-х и начале 50-х годов, был самым жестоким не только в истории народов нашей страны, но и всего цивилизованного мира. ... Была создана чудовищная машина уничтожения безвинных людей...

Советский журнал, 1989 г.

Хотелось бы всех поимённо назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Анна Ахматова, Реквием

Сталинский террор в Советском Союзе называют «вторым Холокостом» и, всё чаще в России, «самым настоящим геноцидом своего народа» (1). Оснований для этого предостаточно: за 24 года правления Сталина погибло больше мужчин, женщин и детей, чем в период нацистского уничтожения европейских евреев.

Вопреки мифу о том, что террор был направлен в основном против высших эшелонов советской системы, он не щадил никого. Его жертвой, в равной степени, пали старые большевики (как называли сподвижников Ленина), сталинские выдвиженцы, комсомольцы и священники. Волной террора оказались смыты не только партийные, государственные, военные руководители, но и их секретари, водители и домработницы. «Забирали» – выражение, которое можно было часто услышать в те годы – известных артистов, писателей, ученых, но то же относилось и к миллионам простых рабочих и крестьян. Часто вместе с жертвой арестовывали близких и дальних родственников. В итоге, подавляющее большинство жертв сталинского террора – 70 процентов и более – составили «рядовые» граж-

дане, а вовсе не члены коммунистической партии и других советских элит. Многие арестованные даже не понимали, за что их арестовали: один крестьянин, обвиненный в «троцкизме», думал, что его преступление называется «тракцист» (2).

Начало сталинского массового террора относится к периоду 1929–33 годов, когда безжалостными методами (с применением вооружённой силы, насильственных выселений, часто на верную смерть, целых семей и повсеместного голода) была осуществлена коллективизация 125-миллионного крестьянства страны. В 1936–39 годах кровавыми репрессиями, получившими название «большой террор», оказались охвачены Москва, Ленинград и практически все прочие советские города. Только за 17 месяцев 1937–38 годов были арестованы 1,7 млн. человек, из них более 700 тыс. расстреляны, а от 300 до 400 тыс. сосланы в Сибирь, Казахстан и другие отдаленные районы страны.

В 1939 г. число арестов снизилось, но они не прекращались ни во время, ни после Великой Отечественной войны Советского Союза против нацистской Германии 1941–45 годов. В годы войны целые народности, общим числом порядка 2,5 млн. человек, были насильственно депортированы со своей исторической родины в другие регионы страны, где оказались на грани выживания. После победы депортации подверглись другие малые народы, а также более 1 миллиона репатриированных бывших советских военнопленных были отправлены в сталинские концлагеря и в ссылку. А в конце 1940-х – начале 1950-х годов по советским городам прокатилась новая волна массовых репрессий, в том числе еврейских погромов, которая грозила стать повторением событий конца 1930-х годов. Сталинский террор закончился лишь со смертью его автора и вершителя 5 марта 1953 г.

Сколько советских граждан погибло в годы террора – вопрос, до сих пор дискутируемый даже в среде специалистов и даже после открытия (правда, не полного) бывших секретных архивов. Оценки колеблются (без учета 26,5 млн. погибших в ходе войны) от 12 до 20 млн. человек за период сталинского правления с 1929 по 1953 год. Сюда входят также жертвы коллективизации и массовых депортаций.

Многие жертвы, наскоро осужденные и приговорённые к смерти работавшими поточным методом «тройками» или не

вынесшие пыток, погибали уже на ранней стадии ареста и «допроса» в тюрьме. Пока цифры осужденных были ещё сравнительно невелики, большинство приговоров осуществлялось выстрелом в затылок с последующим захоронением на существующих кладбищах или кремированием. По мере роста числа жертв росли и площади полигонов массовых убийств и захоронений. До сих пор, в XXI веке, их следы обнаруживаются в разных регионах страны. Так, в 2009–2010 годах близ Владивостока была найдена и вскрыта могила с останками 495 человек (3).

Огромное большинство тех, кто сумел пережить или избежать тюремного заключения, попадали в Архипелаг Гулаг, как назвал Александр Солженицын гигантскую систему сталинских тюрем, пересылок, лагерей принудительного труда, спецпоселений и иных форм суровой внутренней ссылки. Общая численность узников Гулага, или зеков, как их называли (от русского слова «заключённый»), в сталинскую эпоху также неизвестна. Используемые некоторыми специалистами цифры 12–14 миллионов могут быть ниже реальных значений.

Миллионы этих узников так никогда и не вернулись из Гулага. Большой процент тех, кто отбывал срок на принудительных работах, от непосильного труда, грубого обращения, недоедания и сурового климата просто обратились в «лагерную пыль». Особенно это касалось больших скоплений лагерей, специализирующихся на заготовке древесины и добыче полезных ископаемых и известных по названиям мест в отдалённых северных и северо-восточных районах страны, где они были расположены: Воркута, Норильск и особенно Колыма с гулаговской столицей – Магаданом. За десятилетие 1931–1940 годов в лагерях, как сообщается, умерли 376 154 заключённых, не считая тех, кто был убит при попытке к бегству. Только в одном из лагерей за шестимесячный период умерли 3 372 зека (4).

Столь чудовищные цифры численности жертв трудно осознать, но нетрудно объяснить. Как любое проявление зла в больших масштабах, сталинский террор подразумевал участие в нём всех уровней системы, от самых верхних до самых нижних. Сталин, поддержанный ближайшим окружением из числа партийно-государственной верхушки, лично инициировал и возглавил террор. Он издавал руководящие директивы, подпи-

сывал «расстрельные» списки и устанавливал нормы численности «врагов народа», подлежащих выявлению в городах и организациях по всей огромной стране (5).

Миллион, если не больше, работников политической полиции, известной в 1930–40-е годы как НКВД, выполняли эти приказы, часто соревнуясь между собой за перевыполнение норм. Возглавляемый двумя сталинскими выдвиженцами – сначала тщедушным и порочным фанатиком Николаем Ежовым, а затем человеком, ставшим воплощением самого зла, Лаврентием Берия, – НКВД осуществлял аресты, допросы, расстрелы, транспортировку и охрану жертв. Ещё ниже уровнем миллионы рядовых советских людей подпитывали террор, строча доносы на своих товарищей по работе, знакомых, друзей и даже родственников. Делали это они из идейных побуждений, из страха, из личной неприязни, амбиций и прочих патологий, которые всегда вылезают наружу в такие периоды.

Но главной подоплёкой террора, систематически умножающей число его жертв, была сформулированная Сталиным и раздутая им до размеров национальной мании теория заговора. Согласно сталинской идеологии, в стране было полно скрытых врагов, прикрывающихся личиной лояльных граждан: убийц, саботажников, предателей, – которые строили заговоры с целью уничтожения советской системы и предательства интересов страны в пользу иностранных держав. По определению и в соответствии с законом, заговор предполагает наличие двух и более преступников. Для каждого арестованного, следовательно, НКВД должен был найти подельников-заговорщиков, которых можно было обвинить в «контрреволюционных» преступлениях, подпадающих под печально знаменитую статью 58 Уголовного кодекса. В большинстве случаев (если не было других указаний) следователи, по-видимому, исходили из численности преступной группы 5–10 человек. Десять арестов, следовательно, влекли за собой сотню; сто арестов – тысячу; тысячи – миллионы.

Поскольку очень немногие из этих заговоров существовали в действительности, если вообще существовали, арестованные граждане были вынуждены давать фальшивые признания и называть имена невинных людей, начиная, как правило, с близких: товарищей по работе, родственников, друзей. Изолированные от окружающего мира, потрясённые и напуганные,

некоторые жертвы быстро ломались, не выдержав угроз, лишения сна и психологического давления («вегетарианских методов», как называли их выжившие), но очень многие были подвергнуты таким жестоким пыткам (которые Сталин лично одобрял и поддерживал), что не могли стоять. Самые стойкие держались до смертного конца или до тех пор, пока перегруженные делами тюремщики не переключались на других арестованных. Чтобы избавить себя от дальнейших пыток, некоторые жертвы ухитрялись покончить с собой в своих камерах.

Большинство, однако, ломалось под воздействием нестерпимой физической боли. Вот, например, преисполненная смертной муки мольба о помощи, посланная известным театральным режиссером Всеволодом Мейерхольдом из тюремной камеры советскому лидеру из сталинского окружения:

... Когда следователи в отношении меня, подследственного, пустили в ход физические методы (меня здесь били – больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху, с большой силой... В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что, казалось, на больные, чувствительные места ног лили крутой кипяток, я кричал и плакал от боли. Меня били по спине этой резиной, руками меня били по лицу размахами с высоты)... «Смерть (о, конечно!), смерть легче этого!» – говорит себе подследственный. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самозащитные разговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот... (6).

Необходимость выбивать из арестованных всё новые и новые фальшивые признания и имена невинных людей требовала применения ещё более экстремальных методов. Женщины подвергались грубому сексуальному насилию, как, например, одна молодая актриса, которую неоднократно насиловали с применением дубинок. Маршалу Василию Блюхеру во время избиения выбили глаз и затем продолжали бить, пока он не умер. Некоторых узников калечили, отрезая им уши или носы. В крайнем случае, использовались угрозы подвергнуть таким же пыткам членов семьи жертвы. Женские крики, слышимые

в тюремных коридорах, и закон, разрешающий приговаривать к смерти детей с 12 лет, делали такие угрозы реальными. Были случаи, когда мужей пытали в присутствии жен и наоборот, а родителей заставляли смотреть на истязания детей или насилие, совершаемое над несовершеннолетними дочерьми. И всё-таки, представ, в конце концов, перед «тройкой», многие, как Мейерхольд, находили в себе мужество отказаться от своих показаний. В любом случае их ждал расстрел – обычно сразу же, в считанные минуты, но иногда после дополнительных жестоких избиений (7).

За последние двадцать с лишним лет в различных городах России и бывших советских республик были составлены толстые «мартирологи» жертв, но имена всех, кто погиб в годы террора, и, следовательно, общее число репрессированных остаются неизвестными. Даже архивы – эти хранилища подлинных, но неполных и фальсифицированных документов – не содержат ответа. Слишком много жертв попросту исчезло, испарилось. «Люди исчезали, как тени», – вспоминала позже дочь Сталина (8). Читатели, знакомые с прославленным романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго» или его популярной экранизацией, могут припомнить, как обыденно Пастернак объясняет в конце, что случилось с его возлюбленной Ларой:

Однажды Лариса Федоровна ушла из дому и больше не возвращалась. Видимо, её арестовали в те дни на улице и она умерла или пропала неизвестно где, забытая под каким-нибудь безымянным номером из впоследствии запропастившихся списков, в одном из неисчислимых общих или женских концлагерей севера.

Расспрашивая людей для этой книги о судьбах нескольких миллионов жертв, которым повезло выжить в сталинских тюрьмах и лагерях, я ни на минуту не забывал о тех десятках миллионов, которые не вернулись. Пусть помнят о них и мои читатели.

Глава 1

ИСТОРИЯ КНИГИ

Каждая эпоха рождает и свой специфический тип источников.

Владлен Логинов, русский историк

Советую Вам прекратить проводить время с людьми, не довольными Советской властью.

Офицер КГБ – автору, 1981 г.

Веками жившие в условиях репрессий и цензуры, русские авторы часто говорят, что рукописи, как люди, имеют собственную историю, и это, без сомнения, относится к данной книге. Я набросал черновую версию этого проекта почти 30 лет назад, в 1983 году. До недавнего времени она хранилась, наряду с многочисленными папками собранных мною документов и материалов, в моём личном архиве. Однако эта тема никогда не переставала быть важной составной частью того профессионального и личного интереса, который связывает меня с Россией.

Этот проект задумывался – и, в основном, так и получилось – как рассказ о людях, которые пережили сталинский ГУЛАГ и в период реформ Никиты Хрущёва (1953–1964) вернулись в советское общество. Я начинал это исследование в очень непростых условиях доперестроечной, застойной Москвы конца 1970-х и начала 1980-х годов, когда сама эта тема (сталинский террор и его жертвы) находилась в Советском Союзе под официальным запретом. Ни один здравомыслящий учёный (а я был профессором Принстонского университета) ни за что не выбрал бы тему, по которой существует так мало информации. Но тема, похоже, сама выбрала меня.

Всё началось ещё раньше, хотя о проекте тогда не было и речи. В 1965 году мы с Робертом Конквестом прогуливались

в лондонском парке и беседовали о его новой работе, ставшей затем знаменитой книгой «Большой Террор». Конквест, с которым я подружился незадолго до того, был уже известным англо-американским автором — поэтом, писателем, литературным критиком и историком. Я же, на двадцать с лишним лет моложе, литературных заслуг не имел вовсе и только-только начал работать над своей докторской о Николае Бухарине, одном из основателей советского государства, осуждённом и казнённом Сталиным как «враг народа» в 1938 году.

Поскольку моя работа о Бухарине, которого в ту пору помнили в основном как прообраз героя знаменитого романа Артура Кёстлера о московских показательных процессах «Слепящая тьма» (*Darkness at Noon*), привела, в конце концов, к этой книге, я должен объяснить, почему я выбрал его как объект исследования. Это не было связано, как позже думали некоторые, с какими-то моими семейными корнями (я вырос вдаль от советской действительности, в Кентукки). Просто в своём студенческом исследовании в университете я предположил, что именно идеи Николая Бухарина, а не Льва Троцкого, как было принято считать, представляли реальную советскую альтернативу сталинизму. Я имел в виду полурыночную, эволюционную новую экономическую политику (НЭП), введённую Лениным в 1921 г. и получившую после его смерти дальнейшее развитие и поддержку в трудах Бухарина. Отстранение Бухарина от руководства, совершённое Сталиным в 1929 году, привело к жестокой коллективизации крестьянства и, тем самым, как я полагал, к террору.

Тогда, в 1965 году, я не помышлял о чём-то большем, чем такой анализ нэповского десятилетия. Но, слушая рассказ Конквеста о найденных им новых материалах по 1930-м годам, я заметил, к слову, что недавно узнал, что вдова Бухарина, Анна Ларина, и их сын Юрий сумели каким-то образом уцелеть в сталинском терроре и живут где-то в Москве. Анна, которая была на двадцать шесть лет моложе своего мужа, провела больше двадцати лет в тюрьмах, лагерях и сибирской ссылке, а Юрий, разлучённый с матерью в возрасте чуть больше года, вырос в детском доме без всякого представления о том, кто были его родители. (Ларина позже рассказала их историю в своих мемуарах «Незабываемое».) (1). Да, ответил Конквест, несомненно, что в Советском Союзе живут ещё

миллионы таких же уцелевших, и мы какое-то время рассуждали, как могла сложиться их жизнь после Гулага.

Зерно было брошено, но взшло оно значительно позже. В 1976 году я начал подолгу жить в Москве в рамках программы советско-американского научного обмена. К тому времени в Нью-Йорке уже была опубликована моя книга о Бухарине, и экземпляр её, тайком провезенный в СССР, попал к Анне и Юрию Лариным, которые встретили меня, как родного (2). Моя общественная жизнь в Москве по большей части была связана с разросшейся бухаринской семьей, которая включала теперь ещё Надежду и Михаила – двух детей Анны Михайловны, рождённых ею в ссылке от второго мужа, Фёдора Фадеева, которого она встретила в Гулаге и который умер вскоре после их возвращения в Москву в 1959 году.

Вскоре я осознал, что большинство людей, с которыми я познакомился через семью Бухариных, также являются выжившими жертвами сталинского террора либо детьми и родственниками жертв. Все публичные разговоры об их страшной судьбе были официально запрещены цензурой вскоре после смещения Хрущёва в 1964 году, и они едва ли надеялись, что когда-нибудь их опыт станет достоянием гласности. По этой причине, а также в силу моего статуса «приемного сына» Анны Лариной, вдовы высокопоставленного старого большевика, имевшей в этой среде большой авторитет, они с готовностью рассказывали мне свои истории и даже передавали неопубликованные мемуары. Внезапно и неожиданно я ощутил себя живущим в некой подземной истории – своего рода ожившей археологии – известной лишь фрагментарно в Советском Союзе и почти совсем не известной на Западе. И писать эту историю, похоже, выпало мне.

* * *

Задуманная мною книга преследовала две цели. Во-первых, после биографии Бухарина, мне хотелось написать своего рода коллективную биографию выживших жертв Гулага – от освобождения в 1950-е годы до попыток вновь обрести своё место в обществе. Другая цель отражала мой интерес к реформам в советской системе. Подавление исторических традиций, как случилось с НЭПом и бухаринскими идеями, часто приводило

в истории к серьёзным политическим изменениям. Даже в ультраконсервативные советские 1970-е годы я полагал, что перемены возможны и, в конце концов, произойдут. В этой связи я хотел выяснить, как возвращение миллионов заключённых после смерти Сталина в 1953 году повлияло на процесс принятия политических решений и саму политическую систему при Хрущёве.

Эта вторая задача была нетипична для традиционной западной советологии. Большинство авторов, твёрдо придерживаясь «тоталитарной» модели, по-прежнему рассматривали советскую политическую систему в отрыве как от истории, так и от общества, считали её не подверженной влиянию последних и, значит, неизменной по существу (3). Воздействие, которое оказали в 1950–60-е годы гугаговские «возвращенцы», заставляло взглянуть на дело иначе. Их судьбы были центральным фактором глубоко историзированной политики того периода, когда споры о прошлом стали неотъемлемой частью борьбы за власть и выбор политических решений среди верхушки партийного руководства. В то же время, личные потребности такого большого числа освобождённых узников и их семей создавали не только низовую социальную базу для дальнейшей десталинизации сверху, но и условия для проверки способности системы к изменению. (Уже тогда, до того как это стало распространенным методом в западной советологии, я пытался соединить социальную и политическую историю.)

Но где мне было взять информацию для такой сугубо эмпирической работы? Почти никакой литературы по этой теме не существовало; лучшие западные книги о терроре, в первую очередь, книга Конквеста, концентрировали внимание на процессе репрессий, а не на судьбах репрессированных (4). В самом же Советском Союзе – стране с безраздельно царящей цензурой, закрытыми архивами, запуганными жертвами и негативно настроенным официальным мнением – существовало только одно, и то довольно фрагментарное, исследование: краткое изложение нескольких постгугаговских судеб в конце третьего тома романа Александра Солженицына «Архипелаг Гулаг», который был издан на Западе в 1970-е годы (5).

Это означало, что я должен был опираться преимущественно на первичные источники. Идеальными были бы мемуары, но их почти не существовало. За границей был опублико-

ван ряд бесцензурных воспоминаний бывших гулаговцев, но для меня они имели ограниченную ценность. Большинство из них относилось к периоду до 1953 года и почти не касалось жизни после Гулага. Другие принадлежали перу репатриированных иностранцев (включая нескольких американцев, уехавших в Советский Союз в 1930-е годы в поисках работы или земли обетованной), чей последующий опыт не был типичен для бывших советских узников (6).

Исключений было всего два. Одно – книга Солженицына «Бодался теленок с дубом» – своеобразные воспоминания писателя не столько о своей жизни, сколько о своей борьбе за право публиковаться в Советском Союзе до депортации из страны в 1974 г. Более ценными были воспоминания бывшей преподавательницы Евгении Гинзбург. Её книга «Крутой маршрут» до сих пор остается одним из важнейших произведений об эпохе сталинского террора. (В 2009 г. отдельные части этого – в английском переводе двухтомного – произведения были экранизированы британскими кинематографистами.) Особую ценность представляла та часть воспоминаний Гинзбург, где она рассказывала о своей жизни после освобождения из лагеря в конце 1940-х годов, в том числе о своей магаданской ссылке, где она учила детей офицеров НКВД и где смогла, наконец, воссоединиться с собственным сыном.

Были, однако, ещё два источника информации, оба советские, важные и мало известные западным исследователям. Первый – внушительная по объёму литература на «лагерную тему», в том числе художественные произведения, опубликованные в период относительного цензурного послабления хрущёвской «оттепели». Ошибочно полагают, будто таких текстов даже в то время было мало – в литературе, мол, лишь один солженицынский «Один день Ивана Денисовича» – или что они не заслуживают внимания по причине своей «советскости». (Варлам Шаламов, которого некоторые считают крупнейшим гулаговским писателем, в своё время отказался проявить неуважение к этим более конформистским авторам.) (7)

Многочисленные заметки и наблюдения о сталинском терроре, включая воспоминания выживших узников Гулага, публиковались в первой половине 1960-х годов в официальной советской печати, порой под видом беллетристики. Это отно-

силось не только к московской и ленинградской прессе, но и к провинциальным изданиям. С подсказки «возвращенцев», я обнаружил залежи информации в журналах, издаваемых в отдалённых советских регионах (Сибирь, Казахстан), где была высокая концентрация лагерного и ссыльного населения, значительная часть которого там осела после освобождения. Доставать такие журналы было нелегко, но результат с лихвой окупал затраченные усилия (8).

Другой письменный советский источник был полностью неподцензурным и включал в себя растущий пласт литературных сочинений, ходящих по рукам в машинописном виде и известных под названием «самиздат». Эти проявления неофициальной гласности догорбачёвской эпохи были весьма разнообразны: от историй, мемуаров, художественной литературы до современных политических и социальных комментариев (9). Неудивительно, что важным компонентом этой новой, «другой» литературы была эпоха террора – темы, реалии и сами авторы – бывшие зеки.

Больше всего, однако, я опирался на личные свидетельства сталинских жертв, с которыми меня сводила судьба. Поначалу я знакомился с ними через семью Бухарина, но очень скоро у меня появились в Москве ещё три уникальных канала знакомств. Два из них – историки-диссиденты и также жертвы террора, с которыми у меня на долгие годы установились тесные личные и профессиональные отношения: Рой Медведев и Антон Антонов-Овсеенко (10).

Рой Медведев, чей отец, советский офицер и преподаватель коммунистической философии, погиб в Гулаге, был уникальной фигурой в диссидентских кругах, причём не только из-за своих смешанных, марксистско-ленинских и демократических взглядов. Педагог и учёный по образованию и политический одиночка по натуре, Медведев, которому в ту пору было слегка за пятьдесят, обрёл известность как автор первой в Советском Союзе, хотя и опубликованной лишь за рубежом, правдивой истории сталинизма «К суду истории» (*Let History Judge*). Эта книга и поныне остается мощным обвинительным аргументом и незаменимым источником информации.

В отличие от многих диссидентов, Рой, который вступил в партию после реабилитации отца в 1956 г. и был исключён из неё в 1969 г., был строгим аналитиком и, ценя факты выше

полемики, несогласие обычно выражал лишь непонимающей улыбкой. Высокий, привлекательный мужчина, слегка сутулый и седовласый, он был похож на оксфордского или кембриджского профессора, и это впечатление ещё больше подчёркивала английская одежда, которую ему присылал из Лондона его брат Жорес – учёный-биолог, лишённый советского гражданства за свою политическую деятельность. Мы с Роем стали друзьями, но наши частые беседы и споры носили академический характер. Он обладал необходимыми мне знаниями о событиях и людях, а также документами, а я знал неизвестную ему западную литературу. Это было, по нашему общему мнению, блестящее сотрудничество (11).

Антон Антонов-Овсеенко тоже был одиночкой, питавшим схожий с Роем интерес к истории, но в остальном эти два человека были совершенно непохожи. Родители Антона, в том числе отец, легендарный Владимир Антонов-Овсеенко, руководивший большевистским восстанием в Петрограде в октябре 1917 г., умерли в сталинских тюрьмах. Как многие дети крупных сталинских жертв, Антон сам почти тринадцать лет отсидел в Гулаге, и этот опыт наложил отпечаток практически на всю его последующую деятельность, от обвинительных литературных трудов и рискованных поступков до выбора жён и друзей.

Почти слепой, но физически крепкий и решительный, Антон обладал бесконечным запасом прочности в том, что касалось исследовательского и литературного труда. (И не только: даже двадцать лет спустя, в свои восемьдесят, он поражал тем, что мог многократно подтянуться на перекладине.) Подобно другому бывшему зеку, Солженицыну, он был ершист, своенравен и излишне уверен в своей обрётённой в Гулаге смекалке. Когда мы подружились, его частые просьбы о моём содействии в обличении «сталинских палачей», прошлых и нынешних, порой вызывали раздражение. Но Антон, как и Рой, пользовался доверием и уважением многих бывших гулаговцев и тоже убеждал их оказывать мне помощь.

Моим третьим каналом стала Татьяна Баева – замечательная молодая женщина, одна из активисток подвергавшегося травле московского движения за права человека. (В знаменитой «демонстрации семи на Красной площади» в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию в августе

1968 г. на самом деле был восьмой участник – 21-летняя Таня Баева. Она была арестована, но, в отличие от прочих, наказания не понесла, если не считать исключения из института.) В рядах этого движения были как сами «возвращенцы», пережившие ужас двадцатилетнего сталинского террора, так и взрослые дети тех, кто не дожил до возвращения. Отец Татьяны, Александр Баев, всемирно известный биохимик, осыпанный почестями и занимавший высокий пост в советской Академии наук в 1970-е годы, в своё время провёл 17 лет в сталинских лагерях и ссылке, где и родилась его дочь (12). Живя в Москве в одном доме, мы с Таней часто по-соседски сталкивались, в результате чего стали близкими друзьями.

В оценках советского диссидентского движения конца 1960-х – середины 1980-х годов женщинам, как правило, уделяется мало внимания, а, между тем, они формировали инфраструктуру этого явления. Они перепечатывали самиздатовские рукописи, организовывали их распространение, обеспечивали надёжные места для хранения материалов и укрытия людей, находившихся в бегах, а также пытались удержать мужчин от излишнего пьянства. И одной из самых деятельных и влиятельных женщин была Таня Баева. Её маленькая квартирка, вся заваленная рукописями и запрещёнными книгами, изданными за рубежом, была регулярным местом встреч активистов правозащитного движения и других диссидентов. Среди них были и бывшие гулаговцы средних лет, особенно мужчины, покорённые Таниной экзотической внешностью, опытом и аурой хранительницы многих тайн. Некоторые из этих людей также стали для меня ценными источниками информации.

К началу 1980-х годов, благодаря посредничеству Анны Лариной, Роя, Антона и Тани, я установил личные контакты с более чем двадцатью бывшими узниками Гулага и другими жертвами террора. Во время своих периодических наездов в Москву я встречался с ними и расспрашивал о прошлом. Наши беседы были более или менее длительными, иногда с продолжением, с глазу на глаз или в небольших тесных компаниях, но всегда с соблюдением строгой конфиденциальности, как того требовало время. Каждый из них вернулся со своей собственной Голгофы, как они сами часто повторяли. Имена многих из них, без сомнения, будут знакомы русским читателям, но ничего не скажут американским. Тем не менее, я чувствую

себя обязанным назвать здесь хотя бы некоторые из них, во-первых, в знак признательности за помощь и, во-вторых, чтобы дать читателям представление о том, что это были за люди.

Большинство из тех, кто были к моменту нашей встречи людьми среднего возраста, в своё время были арестованы или подвергнуты другому наказанию как дети крупных «врагов народа», имевших политические связи с Бухариным. Юрий Айхенвальд и Леонид Петровский были сыновьями известных молодых бухаринцев 1920-х годов. Отец Натальи Рыковой, Алексей Рыков, был преемником Ленина на посту главы советского правительства и некогда союзником Бухарина в руководстве, а отец писателя Камила Икрамова возглавлял ЦК компартии Узбекистана. Оба, и Рыков, и Икрамов, были расстреляны вместе с Бухариным в 1938 г. Отец Игоря Пятницкого, Осип Пятницкий, будучи высокопоставленным членом ЦК ВКП(б), пытался в 1937 г. остановить сталинский террор и спасти Бухарина и прочих, но сам был арестован, подвергся в заключении чудовищным пыткам, а затем расстрелян. Эти дети некогда влиятельных родителей выжили, но потеряли, как ещё очень много других людей, многие годы жизни.

Другие жертвы террора, которых я хорошо знал лично, имели различное политическое прошлое. Так, престарелый Михаил Байтальский, с которым я познакомился благодаря Рою, был одним из двух известных выживших членов троцкистской оппозиции 1920-х годов. В 1960–70-е годы он стал много писать (всегда под псевдонимами, среди которых были «М. Д.», «Домальский», «Аронович» и, возможно, самый известный, «Красиков») на самые разные темы, от судьбы своих пострадавших товарищей до пьянства и антисемитизма в Советском Союзе, став известным и уважаемым самиздатовским автором. А совсем ещё не старый Юрий Гастев, которого тюрьма сделала человеком психологически неустойчивым, попеременно впадающим то в радостное возбуждение, то в уныние, – состояние, усугубленное мальчишеской безответной влюблённостью в Таню Баеву – был сыном расстрелянного большевистского поэта.

Два гулаговца старшего поколения пользовались, как я вскоре узнал, в неконформистской среде особенно безупречной репутацией. Лев Копелев, офицер Красной армии и в то

время правове­рный коммунист и сталинист, был аресто­ван в Гер­мании в 1945 году за то, что выступил с осуждением фактов изнасилования советскими солдатами местных немецких женщин. Похожий на медведя, с белой толстовской боро­дой, он сидел в Гулаге вместе с Солженицыным и в 1962 году помог организовать публикацию сенсационного рассказа на ла­герную тему никому не известного тогда автора, «Один день Ивана Денисовича». (Солженицын позже несправедливо вывел Копелева в образе догматика Льва Рубина в своём ро­мане «В круге первом».) Сочинения самого Копелева, в кото­рых он дал бескомпромиссную оценку своего мировоззренче­ского пути от сталиниста до демократа и гуманиста: «Хранить вечно», «И сотворил себе кумира», «Утоли моя печали», – в переводах читались на Западе раньше, чем были опублико­ваны в России. Будучи лишён в 1981 году советского граждан­ства и поселившись в Гер­мании, он продолжал помогать мне советами и от­тудуа.

Моим любимым возвра­щенцем, однако (не считая, разуме­ется, Анны Лариной), был Евгений Гнедин, которому в ту по­ру было уже под восемьдесят. Ответственный работник совет­ского МИДа в 1930-е годы, он был одним из очень немногих аресто­ванных, кто не оболгал ни себя, ни других, несмотря на побои, которым он подвергался в страшной сухановской тюрь­ме на протяжении нескольких месяцев под личным наблюде­нием Берии. Маленькая гнединская фигурка, его внешняя мяг­кость и улыбочное лицо, казалось, совсем не вязались с личностью человека, который перенёс в жизни так много и на чьих глазах убивали коллег и друзей. И при этом, даже тень ожесточения не омрачила его безмерной мудрости и сострада­ния к людям.

Вернувшись в 1955 году в Москву после шестнадцати лет ла­герей и ссылок, Гнедин подружился со многими более мо­лодыми жертвами, которые продолжали воевать со своим прошлым. Потерявшему опору Ками­лу Икрамову, который провёл в Гулаге 12 лет, попав туда 16-летним, и для которого Гнедин стал наставником в ла­гере и ссылке, он помог понять, что тот должен жить так, словно его отец смотрит на него. Квартира Гнедина была центром притяжения, где часто соби­рались его друзья (в том числе я). Один из них, поэт Владимир Корнилов, написал:

Я временем ужален,
Душа не вся чиста,
До Гнедина я жаден,
Как грешник – до Христа.

...
Хватаю эту повесть
Всей пятернёю чувств,
К серьёзному готовлюсь,
С охотою учусь (13).

Другим моим любимцем был Юрий Ларин. Гнедин заменил ему отца, которого тот не знал, и стал партнёром по тайному переводу на русский язык моей биографии Бухарина. (В середине 1930-х годов Гнедин работал в газете «Известия», главным редактором которой в ту пору был Бухарин.) Изданная в Соединенных Штатах в 1980 г. для подпольного распространения в Советском Союзе, русская версия моей книги имела подпись: «Перевод Е. и Ю. Четверговых», запечатлев день, в который они регулярно собирались для работы. Когда в 1983 г. Гнедин умер в Москве, Юрий написал мне: «Ты знаешь – кого мы потеряли... Без него тяжелее стало жить. Но он был таким добрым и светлым человеком, что кажется, он не умер».

Эти сталинские жертвы были в числе тех, кто изначально сделал мой проект возможным. Несколько позже появились и другие, четверо из которых были особенно важны. Михаил Шатров, племянник Алексея Рыкова и двоюродный брат Натальи Рыковой, потерял в годы террора тридцать родственников, но сумел, тем не менее, стать одним из самых популярных (и подвергаемых цензуре) советских драматургов. Из опыта ранних лет своей жизни, когда он был вынужден скитаться от одного ненадёжного пристанища к другому, и вследствие позиции в официальной культурной жизни, которую он занимал потом, Шатров знал многое о предмете моего исследования. Не меньшими знаниями, хотя и полученными в других обстоятельствах, обладал старший по возрасту и всегда любезный в общении Лев Разгон. Многолетний зек и детский писатель, Разгон имел свои, особые, взгляды как на жертв террора, так и на их палачей, а его рассказы о Гулаге ценятся некоторыми в России наравне с рассказами Солженицына и Шаламова.

Помощь Александра Мильчакова (Саши, как я называл его) была иного рода. Сын комсомольского лидера 1930-х годов, пережившего Гулаг, тоже Александра, он был журналистом на задании. В конце 1980-х годов он стал пионером в деле установления подлинных дат смерти жертв террора и поиска мест их захоронения. Своё внимание он сосредоточил на московском Донском монастыре. Одним дождливым днём он тайком, чтобы не заметил пьяный сторож, провел меня внутрь печально известного ныне крематория, где в конце тридцатых сжигали тела расстрелянных, а их прах сбрасывали затем в общую могилу. Сашины статьи сделали Донской Меккой для родственников жертв, давно нуждавшихся в месте, где можно было бы их оплакать. (В 1989 г. в качестве консультанта *CBS News* я помог Майку Уолласу снять для репортажа в программе «60 минут» внешний облик крематория. Внутрь нас не пустил на сей раз возмутительно трезвый сторож.)

Наконец, была ещё историк Светлана Гурвич, дочь Бухарина от его предыдущего брака с Эсфирь Гурвич. Светлана не сразу приняла меня, и я понимаю почему. Родившаяся в 1924 году, на 12 лет раньше её сводного брата Юрия, и арестованная в 1949 году вместе с матерью, некогда видным советским экономистом, Светлана Гурвич всю жизнь прожила с грозным фамильным клеймом «гносного врага народа». Даже в 1970-е годы, жившая вдвоем со старой и больной матерью в крошечной московской квартирке на маленькую зарплату научного сотрудника, она чувствовала постоянную угрозу со стороны институтских коллег-неосталинистов. Она боялась, что контакт со мной и циркулирующей по Москве моей книгой может ещё больше навредить ей.

Зато когда Светлана, в конце концов, приняла меня, она сделала это со сдерживаемым энтузиазмом, не иссякшим до самой её смерти в 2003 году. Правда, и хроническая неустойчивость её нервной системы давала себя знать. Отныне мы были, как она заявила, «товарищами по оружию» в борьбе за восстановление исторической репутации её отца. (Товарищество не исключало, впрочем, длинного списка ошибок, которые я, по её мнению, сделал в своей книге о нём.) Кроме того, родственники Светланы со стороны её матери не общались с родственниками Анны Лариной, хотя тоже пострадали при Сталине. Их судьбы дали мне дополнительный материал для

исследования. В частности, опыт Светланы и Эсфирь поведал мне больше об особой трагедии женщин в Гулаге и после него, а также о том, кто помогал им, и кто нет.

Читатели не должны думать, что я собирал все эти истории жертв террора согласно продуманному плану. Иные просто сами падали мне в руки. В 1982 году, например, первая жена Солженицына Наталья Решетовская неожиданно попросила меня забрать на хранение в Штаты объёмную рукопись её собственных мемуаров. В ней содержались неизвестные мне истории вернувшихся из Гулага зеков, которых она встречала, пока жила с мужем. Двумя годами раньше судьба столкнула меня с Павлом Аксёновым, первым мужем Евгении Гинзбург, бывшим до ареста в 1937 году председателем горсовета Казани. Это случилось на прощальной вечеринке в честь его сына, известного писателя Василия Аксёнова, уезжающего в эмиграцию в Америку по причине своего собственного неконформизма. Старший Аксёнов хотел говорить со мной о Бухарине, которого он знал, но также ответил на мои вопросы о своей жизни после Гулага. Он лучше, чем кто-либо ещё, объяснил мне, как террор разрушал браки, даже если оба супруга остались живы – как произошло в случае с ним и Гинзбург.

Я не был первым человеком, подвинувшим бывших жертв на сеансы устной, или, как они сами говорили, «живой истории». Во многих случаях, Солженицын, Медведев и Антонов-Овсенко, собиравшие материал для своих бесцензурных книг о советском прошлом, меня опережали (14). Солженицын (если взять неудачный пример) в начале 1960-х навестил Анну Михайловну Ларину в её московской квартире, чтобы расспросить о её опыте лагерной и ссыльной жизни. Позже она сожалела об этой встрече, так как Солженицын, в её присутствии на все лады расхваливавший Бухарина, в своём «Архипелаге» выставил его не в лучшем свете. Напротив, к Рою и Антону Ларина всегда питала только самые тёплые чувства, хотя слушавшиеся время от времени Антоновы эскапады всех нас слегка волновали.

Я был, однако, насколько мне известно, первым иностранцем, который интервьюировал этих выживших жертв Гулага. В этом качестве я всегда отдавал себе отчёт, что, помогая мне, эти люди, в отличие от меня, возможно, вновь подвергают се-

бя существенному риску. Поэтому я действовал очень осторожно, что обычно означало – конспиративными методами. В частности, это значило: никогда не рассказывать об интервью другим людям без согласия интервьюируемого; никогда не говорить о моём проекте или о намеченной встрече по телефону (один бывший зек, чтобы узнать, пришёл ли я, звонил Лариной и спрашивал: «Пирог готов?»); никогда не оставлять никаких записок, рукописей или книг в квартире или номере гостиницы, где я жил. (Результатом последнего предостережения стали, по мнению моего доктора, две операции по удалению грыжи.)

Вскоре я понял, однако, что большинство известных мне жертв террора были частными, избранными случаями: в основном это были пожилые люди, имевшие отношение к плеяде первых руководителей Советского государства и коммунистической партии, до и после Гулага жившие в Москве (15). Чтобы расширить круг своих респондентов, я подготовил подробную анкету на русском языке (чего до меня тоже никто не делал), которую друзья, знакомые и не знакомые мне люди распространяли затем среди бывших узников Гулага в Советском Союзе и тех, кто эмигрировал на Запад (16). К началу 1980-х годов я получил, по различным каналам, двадцать или около того подробных ответов.

Вместе с примерами, почерпнутыми мной из печатных и машинописных источников, я имел теперь сведения почти о 60 лицах. Учитывая, что жертв были миллионы, это была ничтожная выборка. Но, по сравнению с опубликованными недавно на Западе обобщающими работами о сталинской эпохе в целом, основанными на куда меньшем числе источников – дневников и прочих личных документов, найденных в архивах, – это было что-то. (Солженицын говорил, что для своего «Архипелага Гулаг» он собрал 227 показаний, но в основном, похоже, это были письма, полученные им от бывших зеков после публикации «Ивана Денисовича».) (17).

Между тем, время, отпущенное мне для осуществления этого проекта внутри СССР, близилось к концу. О моей двойной московской жизни – исследователя, официально работавшего по обмену над дозволенной темой, но при этом всё больше времени и внимания уделявшего другой теме, недозволен-

ной, — стало известно советским властям. Знали они, несомненно, и о моём деятельном участии в переправке запрещённых рукописей (мемуаров и диссидентских текстов) за границу, а оттуда, в виде тамиздатовских публикаций, обратно в Союз. Мой появлявшийся время от времени «хвост» стал более или менее постоянным, и однажды сотрудник КГБ в академическом институте открытым текстом посоветовал мне прекратить «проводить время с людьми, недовольными Советской властью». (Кого он имел в виду, бывших гулаговцев или диссидентов, я не спросил.)

На самом деле, удавка вокруг моего тесного московского мирка затягивалась уже несколько лет. В 1979 году экземпляры американского издания моей биографии Бухарина были конфискованы на Московской международной книжной ярмарке. В течение года русскоязычное издание моей книги регулярно конфисковывалось сотрудниками КГБ во время квартирных обысков наряду с книгами Солженицына, Медведева, Конквеста и Оруэлла — хоть и комплимент, но знак недобрый. Также в 1980 году советская пресса развернула беспощадную травлю Копелева, ставшую прелюдией к лишению его и Василия Аксёнова советского гражданства; Андрей Сахаров, отец водородной бомбы и главный советский либеральный диссидент, был выслан из Москвы, а отец Дмитрий (Дудко), выдающийся священник, живший с Роем Медведевым в одном доме, где консьерж-кагэбэшник фиксировал всех посетителей, был арестован.

В 1982 году произошли два связанных между собой события, которые затрагивали меня непосредственно. В апреле КГБ неожиданно учинил пятичасовой обыск в квартире Антонова-Овсеенко. Как назло, в это время к Антону заехала Анна Ларина и была вынуждена просидеть там несколько часов. Во время гневной перепалки между хозяином и кагэбэшниками она услышала, как было упомянуто моё имя. (Неоднократно призывавший меня не оставлять «опасные» материалы в моей московской квартире, многоопытный зек хранил нашу тайную переписку в своей.) Вскоре после этого в секретном докладе кремлевскому руководству глава КГБ Юрий Андропов резко обвинил Антонова-Овсеенко в «незаконной и антисоветской» деятельности. Особое внимание он обратил на изданную в том

же году в Нью-Йорке книгу Антона о Сталине «Портрет тирана» (18). Рукопись в Соединенные Штаты вывез я, о чём КГБ, несомненно, было уже известно.

То ли из-за этой моей роли транспортёра подобных материалов, то ли из-за моей собственной книги, то ли из-за гулаговского проекта, но я был выдворен из Советского Союза, после чего долго не мог получить советскую визу, несмотря на неоднократные обращения. Несколько раз мою просьбу о выдаче визы поддерживали, как минимум, два высокопоставленных советских деятеля, включая члена ЦК КПСС, но всё напрасно. Рядом с моим именем, похоже, была поставлена несмыслимая метка, которая оставалась там последующие три года.

Этим политическим обстоятельствам, возможно, способствовали и перемены в моей личной жизни. Когда в 1976 году я начинал опрашивать бывших гулаговцев, я жил в Москве со своей женой Линн и двумя малолетними детьми, Эндрю и Александрой. Никто из них не говорил по-русски, и семейные обязанности сокращали время, которое я мог тратить на свой неофициальный проект, делая его тем самым менее заметным. К началу 1980-х годов, однако, мой брак распался, и моим компаньоном в поездках в Москву, а позднее и женой стала Катрина ванден Хювель, ныне главный редактор и издатель журнала *The Nation*. Знание русского языка и понимание, с которым она относилась к политическим жертвам благодаря своей работе по маккартизму, сделали её активным участником моего проекта. По-прежнему приезжая в Москву по официальному обмену, мы проводили большую часть времени в компании сталинских жертв и диссидентов. Неудивительно, что с середины 1982 года Катрине, как и мне, было отказано в советской визе.

Моё трёхгодичное отсутствие в Москве было наполнено беспокойством о семье Анны Лариной и других русских, которые помогали мне. Но у меня также появилось больше времени, чтобы писать, продолжая преподавание в университете. У меня уже был накоплен большой материал о сталинских жертвах, часть которого я использовал в двух книгах более общего характера, которые я опубликовал за этот период (19). Я также набросал конспект задуманного мною большого исследования о судьбах бывших гулаговцев.

Эта задумка, однако, после 1985 года оказалась отодвинута на задний план драматическими событиями реформ Михаила Горбачёва. Для меня политика нового советского лидера представляла собой ту самую попытку советской реформации, в возможность которой я всегда верил, и, кроме того, она обеспечивала доступ к прежде закрытым архивным документам, необходимым для более полного издания моей биографии Бухарина. Поскольку в 1985 году наши визовые проблемы благополучно разрешились, мы с Катриной стали проводить в Москве как можно больше времени, чтобы иметь возможность наблюдать, как разворачиваются эти исторические события.

За два года в условиях гласности пресса наполнилась новыми данными о подробностях сталинского террора. Осмелев, его жертвы начали рассказывать свои истории публично и, прослышав от друзей о моём интересе, разыскивать меня. Хотя это больше не было моим приоритетом, я не прекращал собирать информацию о жертвах Гулага, которых становилось всё меньше – не прекратил даже в 1991 году, когда не стало Советского Союза, и родилась наша дочь Ника. Мы с Катриной продолжали встречаться со сталинскими жертвами, часто эти встречи затягивались до глубокой ночи, и Ника, едва ли понимавшая, кто эти люди, засыпала на их диванах. (Нике было пять лет, когда умерла Анна Ларина, но она запомнила старенькую женщину, которую она называла «буля», от русского слова «бабуля», и спустя годы написала о ней вступительное сочинение в колледж.)

Но первоочередное значение для меня тогда уже имели другие проекты: описание истории горбачёвских реформ и поиск новых архивных материалов о Бухарине. Пухлые папки документов о гулаговских «возвращениях» пылились в коробках в моей нью-йоркской квартире и в офисе Принстонского университета до середины 1990-х годов – до встречи с Нэнси Адлер. Впечатлённый работой, проделанной этой молодой американской исследовательницей по той же самой теме, и её способностями в плане применения психологического и сравнительного подходов, которыми я не обладал, я дал ей полный доступ к своему архиву. Результатом стала её превосходная книга, увидевшая свет в 2002 году (20). В то время я, наверное, думал, что тема закрыта навсегда.

* * *

Зачем же тогда было публиковать эту книгу сегодня, через тридцать с лишним лет после того, как я её начал? Во-первых, потому что все эти годы меня не покидало смутное чувство вины из-за незавершённой работы и невыполненных обязательств, пусть даже тех, перед кем я их брал – знакомых мне бывших гулаговцев – оставалось всё меньше. Я ждал, похоже, какого-то толчка для завершения начатого. Это случилось в 2007 году, когда ряд друзей Роберта Конквеста решили издать сборник статей в ознаменование его 90-летия. Для этой книги я подготовил переработанную версию того конспекта, который я набросал в 1983 году, что пробудило во мне вдохновение и привело, в итоге, к этой книге.

Другая причина состояла в том, что я хотел опровергнуть впечатление, сложившееся на Западе, будто исследование по такой теме было невозможно до периода горбачёвской гласности или даже до постсоветской «архивной революции». На самом деле, как известно по другим историческим примерам, преступления, подобные сталинским, оставляют после себя выживших жертв, которые готовы дать свидетельские показания даже перед лицом государственных репрессий. Как в этой связи напомнил нам историк Владлен Логинов, «каждая эпоха рождает и свой специфический тип источников» (21).

А самое главное, о возвращении и судьбах бывших узников Гулага до сих пор поразительно мало известно – по сравнению, например, с теми же жертвами Холокоста. Их эпопея «часто игнорируется», как заметил один американский автор, даже в книгах по истории Советского Союза (22). За годы, прошедшие с хрущёвской оттепели, «возвращенцы» время от времени фигурировали на страницах художественных произведений русских и зарубежных авторов: «Всё течет» Василия Гроссмана, «Ожог» Василия Аксёнова, «Пушкинский дом» Андрея Битова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Дом свиданий» Мартина Эмиса, недавние произведения Тома Роба Белла. В России был опубликован ряд мемуаров об их жизни после Гулага, среди которых особенно выделяются книги Копелева и Ефросиньи Керсновской (последняя содержит замечательные рисунки автора, иллюстрирующие её лагерный опыт). Наконец, свидетельства сталинских жертв послужили

материалом для нескольких западных монографий на более широкие темы (23). При этом, несмотря на наличие большого количества доступного материала, книга Адлер остаётся единственным серьёзным исследованием на тему этого «великого возвращения», причём, что особенно необъяснимо, даже в России (24). Как написали мне в 2009 году два бывших зека из Израиля, история эта остается «неоконченной летописью».

Моя книга о возвращении гулаговцев, пускай и не такая объёмная, как я изначально планировал, может служить, тем не менее, обзорным пособием, в котором представлены политическое и социальное измерения этого явления. Кроме того, мой взгляд на вещи несколько отличается от взглядов других авторов, поскольку большую часть своего исследования я проделал по горячим следам, когда те события ещё не стали полностью историей и когда многие жертвы (и палачи) ещё были живы. Личное знакомство со многими из них, без сомнения, повлияло на написанное здесь, в лучшую или в худшую сторону.

Темы и сюжеты этой книги повторяют те, что были в моём первоначальном наброске 1983 года, однако я существенно расширил их за счёт фактических данных, накопленных мною с тех пор. (В примечаниях даны ссылки на соответствующие публикации, появившиеся после 1983 года, некоторые из которых я читал в рукописи до того, как они смогли увидеть свет.) Более новые материалы позволили мне раскрыть полнее те сюжеты, которые тридцать лет назад я знал не слишком хорошо. При этом, сохранив главный фокус книги на времени Хрущёва, я добавил продолжение, содержащее обзор дальнейших судеб жертв террора от 1964 года до наших дней.

Но даже сегодня, однако, я не называю имен всех тех, кто, положившись на моё обещание конфиденциальности, помогал мне в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Хотя большинства из них уже нет в живых, я предпочитаю сохранить инкогнито ряда личностей – отчасти из-за неопределённости ситуации в сегодняшней России, а, возможно, просто потому, что не люблю изменять данным обещаниям и некогда усвоенным привычкам.

Глава 2

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Скорее всего, я буду реабилитирован посмертно

Лев Гумилёв, 1955 г.

Надо экстренно всё делать. Иначе люди умирают, погибают. Если всё будет тянуться годами, то они не выживут.

Ольга Шатуновская, 1956 г.

Сталинская деспотическая личная власть и массовый террор были определяющими элементами советской политической системы почти двадцать пять лет. Его смерть 5 марта 1953 года, следовательно, уже сама по себе обещала перемены к лучшему, но большинство его выживших жертв не сразу разобрались в новой ситуации. Как и весь советский народ, они были потрясены сталинской смертью. Живя столько лет в условиях всеохватного, богоподобного культа личности вождя, они не могли себе представить жизни без него. Как вспоминали позднее Анна Ларина и Лев Копелев, многие жертвы опасались, что будет хуже: ведь только Сталин, по их мнению, знал, что они на самом деле невиновны, а теперь его наследники из страха расправятся со всеми уцелевшими «врагами народа».

Но другие узники понимали, что исторические перемены уже начались. Звуки сталинского похоронного марша наполнили душу Льва Разгона «чувством свободы», хотя до освобождения ему оставалось ещё два года. Камил Икрамов говорил, что при известии о смерти Сталина «в первый раз я почувствовал себя счастливым», потому что «он умер, а я ещё нет». Ещё раньше, когда официальные бюллетени только сообщали, что у Сталина наблюдается периодическое «чейн-

стоксовское дыхание», Юрий Гастев уже знал, что это смертельно, и приветствовал открывших синдром британских докторов Чейна и Стокса как «великих благодетелей человечества» (1). (Годы спустя, когда публичная критика Сталина снова была запрещена, у Гастева вошло в привычку ссылаться на двух «великих докторов» в своих книгах и статьях – к недоумению цензоров и удовольствию сведущих друзей.)

Узники, которые вскоре начали возвращаться из Гулага, были выжившими, в полном смысле слова – такими же, как те, кто вернулся живым из нацистских лагерей смерти. (Даже советские газеты впоследствии обвиняли Сталина в «геноциде своего народа», самом жестоком в истории «цивилизованного мира».) И хотя, в отличие от гитлеровских лагерей, главной целью Гулага был принудительный труд, а не умерщвление, в сталинских тюрьмах и лагерях также погибли миллионы людей. Некоторые гулаговцы, как, например, Камил Икрамов, оглядываясь назад, признавали, что их «шанс выжить не сильно отличался от таких же шансов в Дахау» (2). Большинство освобождённых в 1950-е годы были арестованы в 1940-е, то есть провели в лагерях «только» десять лет и меньше.

Факт выживания поэтому стал непростой и мучительной темой для тех, кто вернулся из Гулага – такой же мучительной, как для жертв нацистских лагерей. Кто выжил и почему? Многие объясняли это «чистой случайностью» или «чудом» (3), но были и более конкретные причины. Одни выстояли, потому что были сильны духом и телом или так сложились обстоятельства: работа досталась менее тяжёлая или досрочно выпустили на поселение. Другие уцелели, поставляя информацию или сексуальные утехы или сотрудничая каким-либо иным способом с лагерной администрацией. Многие из «возвращенцев», которых я знал, не желали говорить на эту тему, а если и говорили, то без упреков в чей-либо адрес, но были и такие, которые обвиняли других зеков в продажном поведении. Часто и, я считал, несправедливо эти обвинения были направлены против женщин. Например, об одной актрисе, которая вновь обрела популярность после Гулага, говорили, что даже в лагере она умудрялась заводить амуры (4). Ещё грубее злые языки выразились о другой бывшей красавице: мол, она отбывала свой лагерный срок в постели.

Подобные вещи заставляли меня чувствовать себя неловко, как было, когда один бывший зек показал мне изуродованный семейный альбом с фотографиями 1930-х годов. В отчаянной, но тщетной попытке спасти свою жизнь, жена одного арестованного начальника повырезала из карточек все изображения мужа, оставив кое-где лишь руку или плечо, касающиеся других политических деятелей, пока пребывающих в фаворе – продиктованный паникой, нередкий поступок в годы террора (5). «Вот так же она вела себя и в лагере», – добавил затем человек, показавший мне этот альбом, в надежде, что я разделю его негодование. Я всегда избегал выносить подобные суждения, объясняя, что никогда не был в подобной ситуации выбора между жизнью и смертью и потому не знаю, как я сам повел бы себя в тех обстоятельствах.

Из-за масштабов и длительности сталинского террора мы до сих пор точно не знаем, сколько политических жертв сумело дожить до свободы, которая последовала за смертью тиранина в 1953 году. Согласно внутренней гулаговской отчетности, 5,5 миллиона человек всё ещё находились в лагерях, тюрьмах, исправительно-трудовых колониях и в ссылке (6). Подлинное число почти наверняка было больше. Составлявшие отчёты лагерные начальники часто занижали численность своего контингента, чтобы уменьшить нормы выработки продукции, задаваемые Москвой на основании этих цифр. Кроме того, отчёты, скорее всего, не включали статистику по всем тюрьмам на территории Советского Союза. Не учитывали они, по всей видимости, и тех многочисленных зек, которые, отбыв положенный им срок в лагере, высылались затем на «вечное поселение» в отдалённые города и деревни, или тех, кто, как дочь Бухарина, сразу был приговорен к ссылке.

Каково бы ни было общее число заключённых в 1953 году, к ним следует добавить ещё несколько миллионов родственников «врагов народа», или, в другой формулировке сталинского времени, «членов семей изменников Родины». (Кто-то отказался от репрессированной родни или умудрился скрыть родство с ними, но многие не стали или не смогли.) История всех этих побочных жертв террора, чьи супруги, родители или братья-сестры стали невольными виновниками их судьбы, как сказал о своей матери, поэтессе Анне Ахматовой, зек Лев Гумилёв (7), до сих пор, по сути, так и не написана.

Судьба детей, оказавшихся «неосторожными в выборе родителей» (ещё одно горькое замечание, приписываемое Гумилёву), была особенно трагичной. Осиротевшие, в результате террора, дети с их «загубленным детством» – некоторые даже покончили с собой – стали «обычным явлением» (8). Ещё в начале массовых репрессий Сталин цинично заявил: «Сын за отца не отвечает». На деле же, работники НКВД имели приказы «братъ», в большинстве случаев, детей вместе с родителями. Взрослые (как мои знакомые, упомянутые ранее) обычно попадали в Гулаг, но и многие более юные не избежали этой участи. Согласно одному источнику, от 4 до 5 миллионов детей прошли за эти годы через специальные учреждения НКВД или Гулага, хотя не все из них лишились родителей (9).

Были случаи, когда маленьких детей спасали от казённого сиротства решительные родственники, которые буквально вырывали их из детских приютов и других учреждений НКВД. Такова была относительно счастливая судьба Майи Плисецкой, ставшей впоследствии всемирно известной балериной, драматурга Михаила Шатрова, писателя Василия Аксёнова, чьи повести и рассказы принесли ему воннегутовскую славу среди советской молодёжи 1960-х годов, а также российского посла в Соединенных Штатах Владимира Лукина. (Я познакомился с Лукиным через Таню Бaeву в конце 1970-х годов, когда его научная карьера едва только восстановилась от неприятностей, вызванных его неконформистскими взглядами.)

Но многие дети рано или поздно оказывались в различных детских приютах, входящих в систему НКВД. (Известны случаи, когда совсем маленьких детей усыновляли офицеры НКВД и лагерные охранники.) Большинство из них вырастали, ничего не зная о судьбе своих родителей и даже о том, кто они были (как произошло с Юрием Лариным), но зато с готовым клеймом «сын или дочь врагов народа» в личном деле. Некоторые детские дома были «относительно счастливыми местами», как было у Юрия – он всегда отказывался признать годы, проведённые там, «трагическими» – с персоналом, посвятившим себя воспитанию и благополучию своих воспитанников (10). Но большинство подобных заведений отличались суровыми, даже ужасными условиями, отсутствием человеческого тепла, необходимого оборудования, нормального питания и медицинской помощи. Так, в одном провинциальном приюте – хотя

это могло быть чрезвычайным случаем – только за двухмесячный период 1934 года шестьдесят детей умерли от «истощения» (11).

Миллионы других родственников жертв сталинского террора номинально оставались на свободе, но настолько страдали из-за своих «испорченных биографий», что не могли зачас-тую нормально жить и работать. В анкете, которую советский человек вынужден был заполнять буквально на каждом шагу, от поступления в вуз и на работу до прописки и путешествия, требовалось обязательно указывать ближайших родственников. Как следствие, отказы были повсеместным явлением. Типичный пример: вдова бухаринца Петра Петровского, отца Леонида, отчаянно нуждавшаяся после ареста мужа, была не в состоянии получить даже самые необходимые социальные льготы и пособия на себя и маленького сына. Не были исключением даже родственники ближайших сподвижников Сталина, многие из которых были расстреляны или попали в Гулаг, в том числе два сына Анастаса Микояна (12).

Впрочем, поскольку террор и его импресарио отличались капризным характером, были и примечательные исключения – люди, достигшие высокого положения при Сталине, несмотря на арест и даже расстрел близких родственников. Первыми в этом списке шли члены сталинского Политбюро, включая его старейшего и ближайшего сподвижника Вячеслава Молотова и номинального президента страны Михаила Калинина. В то время как их жены, по приказу тирана, были арестованы и отправлены в Гулаг, разведённые репрессивным способом мужья сохранили свои позиции на верхушке советской политической системы.

Вот ещё несколько примеров родственников жертв, чьи имена, в отличие от тёмных сторон их прошлого, также хорошо знакомы русскому читателю. Балерина Майя Плисецкая, чей отец был расстрелян в 1938 году, начала свою долгую карьеру в Большом театре в 1943 году. Аналогичная история была у Ольги Аросевой, известной актрисы театра и кино, отец которой, также расстрелянный в 1938 году, был известным советским дипломатом. У прославленного и обласканного властью карикатуриста Бориса Ефимова был расстрелян брат, журналист Михаил Кольцов. А человек совсем другой профессии, Михаил Калашников, создал свой легендарный автомат АК-47,

несмотря на то, что его отец умер в ссылке, а брат сидел в лагере. Брата в лагере имел и Игорь Нетто, что не помешало ему стать звездой советского футбола.

Я мало знаю о том, как эти знаменитые публичные люди справлялись со своими бедами. Плисецкая и Аросева, даже выступая перед Сталиным, старались держаться подальше от политики. Ефимов, который пережил своего брата почти на семьдесят лет и умер в 2008 году в возрасте 109 лет, в своих мемуарах подробно описывал, как он пытался спасти Кольцова. Документы подтверждают, что Ефимов делал запросы, однако люди, которые его знали, сомневались, что он мог пойти на риск во имя своего брата, и указывали при этом на его злобные карикатуры на главных «врагов народа». Что касается Нетто, то он, говорят, беспокоился только о том, что арест брата Льва может повредить его спортивной карьере (13). Здесь тоже не мне судить.

Каждая из этих личных драм имела все основания стать сюжетом глубокого классического русского романа, но две из них выглядели особенно трагическими. Первая была история Сергея Вавилова, младшего брата всемирно известного генетика Николая Вавилова. Николай исчез в 1940 году, несколько лет провёл в тюремных застенках, где и умер от физического истощения, всеми забытый, в 1943 году. Для Сергея «ужас, нависший над братом» был «нестерпимой пыткой». По всем свидетельствам, он делал всё возможное, с значительным риском для себя, чтобы спасти брата и помочь его семье. Узнав неофициальным образом о смерти Николая, Сергей записал в дневнике: «У меня замерзла окаменевшая душа. Работаю, живу, как автомат...» (14).

Между тем, Сталин, чтобы отвести подозрения Запада насчёт Николая Вавилова, назначил в 1945 году Сергея Вавилова президентом советской Академии наук. Некоторые из коллег Сергея были шокированы его согласием принять престижную должность, но он использовал её для неоднократных обращений к Сталину с просьбой о реабилитации брата, однажды даже пригрозив отставкой. В январе 1951 года, видимо, будучи больше не в силах терпеть душевную муку, Сергей тайком отправился в Саратов, где в тюрьме умер его брат, чтобы поискать свидетелей и могилу, но безрезультатно. Через несколько дней после возвращения в Москву Сергей Вавилов неожиданно

скончался, причём почти в тот же день, что и его брат. Он был похоронен с государственными почестями.

Вторая история была несколько иного рода, но не менее трагической. Братья Дмитрий и Григорий Марецкие были молодыми последователями Бухарина, осуждёнными и расстрелянными в конце 1930-х годов, а их сестра Вера Марецкая стала любимейшей актрисой советского народа, четырежды лауреатом Сталинской премии (15). Свою семейную трагедию Марецкая держала в тайне, не поведав о ней даже коллеге, побывавшему в Гулаге. При этом она неофициально использовала своё положение, чтобы в 1943 году освободить из Гулага младшую сестру, отсидевшую два года, а вскоре после сталинской смерти добиться посмертной реабилитации братьев – почти беспрецедентный случай в то время. (Поскольку братья Марецкой были последователями Бухарина, то когда в 1960-е годы знаменитая актриса узнала от сына Анны Лариной, Михаила, что его мать жива, она немедленно дала ей о себе знать.)

Мы можем гадать, как Марецкая, одинокая женщина, скончавшаяся в 1978 году от рака мозга, переносила свою трагедию, блистая при этом как актриса и принимая награды от человека, который отдал приказ расстрелять её братьев. Говорят, она выдержала, благодаря своей внутренней силе, непреходящей любви к актерской профессии и огромному таланту. (То же можно сказать о балеринах Майе Плисецкой и Марине Семёновой, муж которой, старый большевик, дипломат Лев Карахан, погиб в годы террора.) Играя стереотипные роли сталинской эпохи, она наполняла их своим мастерством и личной болью, создав ряд иконических советских образов, которые, в конечном счёте, сделали её неприкасаемой – если такие вообще были при Сталине.

Но блестящие карьеры в семьях, пострадавших от террора, были, ещё раз подчёркиваю, исключением. Огромное большинство родственников осуждённых «контрреволюционеров» терпели такие лишения, что в 1990-е годы российское правительство, в конце концов, признало их тоже «репрессированными» – особенно детей, которые страдали «не меньше, чем родители, репрессированные по политическим мотивам» (16). Как и выжившим в Гулаге, им также требовалась полная реабилитация и интеграция в советское общество.

Мы по-прежнему располагаем, таким образом, только приблизительной оценкой числа политических жертв сталинского террора, оставшихся в живых к моменту его смерти в 1953 году. С учётом всех людей, приговоренных к различным формам лишения свободы, и их ближайших родственников, пострадавших должно было насчитываться не менее 15 миллионов человек (а то и более). Недаром часто говорилось, что «в каждой семье, и в деревне, и в городе, среди интеллигенции, рабочих и крестьян, были люди, родственники или знакомые, которые погибли» в сталинских лагерях и тюрьмах за 20 с лишним лет террора (17).

* * *

За годы через «турникет» Гулага на свободу вышло множество людей (18), в основном осужденных за обычные, а не политические преступления, и часто смертельно больных. Но освобождение, которое произошло после смерти Сталина, было принципиально иным. Предельно политическое, преисполненное вопросов о виновности и невиновности, оно стало источником опасных конфликтов в Кремле.

По мартовской амнистии 1953 года, на свободе оказались 1 миллион заключённых – преимущественно обычных уголовников, осужденных на короткие сроки. В западной литературе о Гулаге, как и в советской, много писалось о различии между приговорами по политическим и неполитическим статьям. На практике, учитывая драконовский характер советских законов, разница часто бывала малозаметной, а порой и вовсе несуществующей. Осуждение голодающих крестьян на годы в Гулаге за украденные крохи колхозного добра, а фабричных рабочих – за опоздание на смену в большинстве обществ сочли бы политическими репрессиями. Но каковы бы ни были в действительности различия между узниками Гулага в 1953 году, освобождение тех, кто классифицировался как «политический», шло медленно, растянувшись на три бесконечных – для тех, кто ещё оставался в Гулаге – последующих года (19).

Главная причина, безусловно, заключалась в том, что новое руководство страны, пришедшее к власти после смерти Сталина, было замешано в его преступлениях. Кровь на руках была у всех ведущих лидеров: Лаврентия Берии, Вячеслава Мо-

лотова, Лазаря Кагановича, Климента Ворошилова, Георгия Маленкова, Анастаса Микояна и самого Никиты Хрущёва. Подтверждением тому служили многочисленные секретные документы, а также показания выживших жертв террора. Однако в том, что касалось степени личной ответственности, а значит, уязвимости, между этими многолетними партийными и государственными руководителями имелись существенные различия.

Наибольшая степень соучастия отличала старших членов нового руководства, ближе всех стоявших к Сталину. Берия много лет возглавлял аппарат террора, лично участвовал в пытках и, вдобавок, был известен как серийный насильник, совершивший надругательство над многими женщинами и девушками (подчас с помощью угроз арестовать или обещаний освободить их родственников). Молотов и Каганович чаще, чем кто другой из руководства, подписывали вместе со Сталиным расстрельные списки. Ворошилов осуществил истребление десятков тысяч советских военных накануне Второй мировой войны. А Маленков, хоть был и младше остальных, возглавил одну из последних сталинских репрессивных кампаний – «ленинградское дело». Причастность Микояна и Хрущёва носила меньшие масштабы и более периферийный характер. К тому же, они единственные демонстрировали раскаяние и подтверждали его своими действиями.

В течение трёх лет после смерти Сталина вопрос о положении его выживших жертв приобрёл как никогда серьёзное значение в борьбе за власть между его преемниками. И вновь только Хрущёв, который постепенно проявлял себя как главный, но не бесспорный лидер, и Микоян демонстрировали желание вернуться к рассмотрению проблемы в полном объёме. (До своего ареста в 1953 г. это пытался сделать и Берия, явно из чувства самосохранения.) Другие сталинские наследники противились, отвергали инициативы и пытались преуменьшить размах преступлений и степень своего участия в них. Так делал и скомпрометировавший себя ставленник Хрущёва, назначенный им на пост главы КГБ (организации, пришедшей на смену НКВД), Иван Серов (20). Уже в 1957 г. Молотов, Каганович и их союзники больше года, к примеру, срывали попытки Хрущёва реабилитировать отца Камила Икрамова.

Как случается, когда власть предрежащие не желают или не способны действовать решительно, новое руководство при-

бегло к долгой бюрократической процедуре пересмотра статуса политических заключённых. При том, что миллионы жертв были осуждены в своё время чрезвычайными органами – «тройками», снять обвинение по «контрреволюционной» 58-й статье могли только военный трибунал Верховного суда и Генеральный прокурор СССР. Обе инстанции буквально потонули в потоке апелляционных обращений выживших жертв и родственников погибших. И хотя новый Генеральный прокурор Хрущёва Роман Руденко, похоже, был готов к исправлению несправедливостей, многие низовые прокуроры, замешанные в старых делах, – нет (21).

Если не считать выживших жертв «дела врачей» – последнего сценария сталинского террора – вышедших на свободу вскоре после его смерти, пересмотр дел принёс больше бюрократических препон и бумажной работы, чем реальных освобождений из тюрем, лагерей и ссылки. Так, одно дело по пересмотру вины заключённого, открытое в 1955 г., заняло папку большего объёма, чем та, на основании которой его посадили. Большинству возвращенцев, которых я знал, в их первых апелляциях было решительно отказано, причём некоторым неоднократно. В ответ на своё обращение в прокуратуру, сделанное в 1954 году, Копелев, как и многие другие, был проинформирован, что в его деле «нет оснований для пересмотра», поскольку он был «осуждён правильно» (22). Он пробыл в Гулаге ещё два года.

Больше всего шансов на раннее освобождение было у тех политических заключённых, кто имел личные связи в партийно-советских верхах. В числе нескольких сотен счастливицов оказались жена Молотова; несколько представителей старой коммунистической гвардии, такие как Александр Мильчаков, Иван Гронский («Мы знаем Ивана», – было сказано при его освобождении), Ольга Шатуновская и Алексей Снегов (последние двое до своего ареста в 1930-е годы были близки к Хрущёву и Микояну и сыграли важные роли после освобождения); взрослые дети расстрелянных деятелей партии и правительства, которых Хрущёв также знал лично. Среди последних были, например, мой друг Игорь Пятницкий и сын расстрелянного в 1937 г. генерала Пётр Якир. (Тяжёлые испытания, выпавшие на долю Петра, который в четырнадцать лет оказался в Гулаге, сделали его заметной и предельно трагической

фигурой советского диссидентского движения 1960–70-х годов.) (23).

Известные деятели культуры и спорта также оказались на свободе раньше других. Большинство уцелели благодаря тому, что давали представления для лагерного начальства. Среди них были актрисы Татьяна Окуневская, павшая жертвой бериевского сладострастия, чей последний фильм демонстрировался в лагере без её имени в титрах, и Зоя Фёдорова, о дочери которой, Виктории, и её отношениях с американским отцом и американским мужем написана книга, до сих пор искушающая продюсеров; четыре брата Старостиных, руководители и тренеры знаменитой футбольной команды «Спартак»; джазмен Эдди Рознер, прозванный «белым Луи Армстронгом», и киносценарист Алексей Каплер, арестованный за связь с дочерью Сталина, Светланой. (Говорили, что отношения шестнадцатилетней Светланы с сорокалетним Каплером были поначалу «страстными», но платоническими, и лишь после его освобождения десять лет спустя переросли в сексуальную связь.) (24).

По сравнению с трудным возвращением домой, ожидавшим основную массу жертв два-три года спустя, некоторым из этой привилегированной когорты было уготовано прямо-таки пятизвёздочное освобождение. Вместо многодневной тряски в жёстком вагоне поезда, Мильчаков прилетел из Магадана в Москву на самолете. Окуневскую встретил из тюрьмы цветами и отвёз домой на машине майор КГБ. Но больше всех повезло жене Молотова Полине Жемчужиной, которая стала, возможно, самой первой возвращенкой. Она была освобождена из московской тюрьмы в день рождения Молотова и на следующий день после похорон Сталина, 10 марта 1953 года, Молотов сам забрал её и отвёз в их бывшую совместную квартиру, где они возобновили свой брак, как будто и не было в нём пятилетнего перерыва, проведённого ею в Гулаге (25).

В прочих случаях, если не считать частичных амнистий, процедура рассмотрения апелляций представляла собой медленный, в каждом случае отдельный процесс, растягивавшийся обычно на месяцы, даже годы, и заканчивавшийся отказом. Из 237412 апелляций, официально рассмотренных к апрелю 1955 года, не более 4 процентов закончились освобождением (26). Ускорению исхода из Гулага способствовали как

сообщения о начавшихся бунтах в лагерях, так и толпы просителей, осаждавших здание прокуратуры в центре Москвы, и растущий поток обращений, поступивших в ЦК партии и в КГБ. К концу 1955 года 195 353 человека были освобождены, из них, правда, только 88 278 человек из лагерей и колоний, остальные – из различного рода принудительных поселений (27). Это было уже значительное число, но оно росло слишком медленно, чтобы успеть спасти жизни всех, кто ещё оставался в неволе. Как в отчаянии написал матери из лагеря в 1955 году Лев Гумилёв: «Скорее всего, я буду реабилитирован посмертно» (28).

Поворотным моментом стала историческая атака Хрущёва на пережитки культа личности Сталина, совершённая им на закрытом заседании XX съезда партии в феврале 1956 года. Новый лидер не сказал всей правды о терроре, он даже не упомянул Гулаг, но, обвинив мёртвого тирана в «массовых репрессиях», производимых на протяжении многих лет, Хрущёв негласно снял клеймо преступников с миллионов жертв фальшивых обвинений. Оценивая его речь в ретроспективе, можно сказать, что его смелые, часто откровенные разоблачения перед лицом собравшейся, ещё по большей части сталинистской, партийной элиты сделали возможным появление, пусть и 20 лет спустя, более успешного антисталинизма Михаила Горбачёва. В этом, безусловно, убеждены многие русские, которые и сегодня винят Хрущёва в смертельном подрыве основ советской системы.

Его почти четырёхчасовая речь не публиковалась в Советском Союзе до 1989 года, но и по-настоящему «секретной», как принято говорить, она никогда не была. Да и сам Хрущёв не стремился к этому. Он распорядился, чтобы её текст был зачитан на партийных и комсомольских собраниях по всей стране, от образовательных, культурных и военных учреждений до фабрик и колхозов. Формально это означало, что в считанные месяцы 25 миллионов коммунистов и комсомольцев услышали хрущёвские разоблачения сталинского террора, включая вопиющие подробности жестоких пыток и массовых расстрелов. Впрочем, «в курсе» оказалось гораздо больше советских граждан, поскольку обычно закрытые партсобрания часто объявлялись открытыми, и те, кто присутствовал на них, после пересказывали услышанное другим (29).

Трехлетняя политика постепенного, избирательного освобождения перестала быть оправданной, и это тоже было замыслом Хрущёва. Ещё до XX съезда он собрал вокруг себя группу из недавно освободившихся ветеранов партии, где самыми заметными фигурами были Шатуновская и Снегов. Эти двое умоляли Хрущёва и Микояна «экстренно» освободить всех политзаключенных, иначе «они не выживут». По настоянию Шатуновской Хрущёв издал указ, предписывающий, чтобы все ссыльнопоселенцы без всяких юридических и бюрократических процедур были «просто освобождены и всё» (30). Его февральская речь дала толчок параллельному процессу массового освобождения заключённых из лагерей на основе ускоренных формальных и импровизированных методов.

Решающее значение имело создание в Москве, также по предложению Шатуновской и Снегова, 97 особых комиссий, которые направлялись непосредственно на места, во все 65 или около того крупнейших лагерей Гулага. В состав каждой комиссии входили от 3 до 7 человек, включая представителей партии и государства и – как гарантия «объективности и справедливости» – одного уже освобождённого и реабилитированного старого большевика, зачастую, правда, исключённого из партии. Все комиссии получили полномочия пересматривать дела на месте и освобождать заключённых, обычно просто на основании снятия обвинения. Не все комиссии выносили справедливые решения, но большинство действовали по совести. (Председатель одной из комиссий, будущий партийный руководитель Советской Украины Пётр Шелест говорил, что всё, что он увидел и узнал тогда, останется с ним на всю оставшуюся жизнь.) (31).

Этот драматический эпизод, связанный с работой выездных комиссий по освобождению, или, как называли их зеки, «разгрузочных партий», ещё ждёт своего историка. Ряд первичных источников свидетельствуют о всплесках личных эмоций, которыми сопровождалось передвижение комиссий по Гулагу. Одно из наиболее полных описаний можно найти в мемуарах легендарного русского эксперта по сибирской золотодобыче Вадима Туманова, сидевшего в ту пору в лагере на Колыме. В 1956 году он уже был зеком с восьмилетним стажем. Слухи о комиссиях дошли и до далекой Колымы, но когда одна из них в июле всё-таки приехала в их лагерь, Туманов

и его товарищи не ждали от неё ничего, кроме нового бюрократического обмана.

Вместо этого собравшиеся за столом тринадцать человек, представлявшие лагерное начальство и членов комиссии, некоторые из них в форме офицеров КГБ и прокуратуры, приветствовали Туманова и серьёзно рассмотрели его дело. В то время как другие дела занимали всего несколько минут, комиссии потребовалось два с половиной часа, чтобы изучить пухлые тумановские папки и выслушать положительные отзывы о нём лагерного начальства и его собственное заявление о невиновности. Затем встал председатель и объявил: «Комиссия с правами Президиума Верховного Совета СССР по пересмотру дел заключённых освобождает Вас со снятием судимости – с твёрдой верой, что Вы войдёте в ряды людей, строящих светлое будущее». Туманов был не в состоянии говорить, «в глазах [были] слезы». При этом он подумал, что надо попросить комиссию освободить также его товарищей-шахтёров (32).

Похожие драматические истории происходили по всей огромной территории Гулага. За несколько месяцев, по официальным отчетам, выездные комиссии освободили примерно 100 тысяч заключённых, а по другим источникам – значительно больше. Но каково бы ни было точное число, оно существенно пополнило нарастающую волну массового исхода из Гулага. К 1959 году большинство выживших жертв сталинских политических репрессий оказались на свободе (33). Среди тех, кто был освобождён выездными комиссиями, было и несколько моих будущих знакомых. Был среди них и ожесточённый годами заключения сын Ахматовой, будущий известный этнограф и философ Лев Гумилёв. А освобождённый комиссией Лев Нетто ехал домой как раз тогда, когда его брат Игорь вёл советскую футбольную сборную к олимпийскому золоту в Мельбурне.

* * *

Вскоре после речи Хрущёва на XX съезде возвращающиеся домой зеки стали привычным зрелищем в поездах и на улицах городов всего Советского Союза. Не имевшие при себе ничего, кроме справки об освобождении с отметкой о пункте следования, железнодорожного билета и небольшой суммы денег

на еду (что делало их объектом придинок со стороны милиционеров и кондукторов), они выглядели истощёнными и состарившимися до срока. Те, кто возвращался непосредственно из лагеря, не пройдя через суровые, но всё-таки относительно рекреационные условия ссылки, были похожи на «человеческие развалины». Один бывший зек описывал себя как «кости, обтянутые кожей». Увидев себя впервые в вагонном зеркале, своё «лицо, изъеденное сибирскими морозами и ядовитыми испарениями переполненных лагерных бараков», многие испытывали шок.

Выходя на перроны вокзалов по всей стране, многие возвращенцы сжимали ручки потрёпанных чемоданов, которые они пронесли с собой через годы Гулага как трофеи выживания. (Анна Ларина до самой смерти хранила свой в кладовке, извлекая его оттуда время от времени в качестве иллюстрации того или иного эпизода из прошлого. Кроме чемодана, она сохранила ещё только одну гулаговскую реликвию – самодельную деревянную ложку, подарок на день рождения от другого зека.) Очевидцы позже вспоминали, что многие возвращенцы были с бритыми головами, одеты в лагерные телогрейки, на ногах – стоптанные сапоги. Когда один такой бывший зек пришёл в комитет партии, смущаясь своего внешнего вида, другой, работающий там (это была Ольга Шатуновская), его успокоил: «Ничего, сейчас многие ходят по Москве в такой одежде» (34).

Не все освобожденные из лагерей и ссылок поехали домой. Некоторым из них, арестованным по серьёзным политическим делам (как, например, бывшей жене Бухарина Эсфирь Гурвич, её дочери Светлане и младшему брату Бухарина Владимиру), было временно запрещено проживать в Москве и других крупных городах. Кое-кто, как Копелев, делал попытки нелегально поселиться в Москве, но милиция быстро находила их и выставляла. Им приходилось начинать новую жизнь в провинциальных городах, где возможности были ещё более ограничены. Были и те, кто просто не знал, куда ехать и что делать. Они «испытывали двойственное чувство: с одной стороны, огромная радость, с другой – неуверенность, мы не знали, что нас ждёт... Мы имели очень смутное представление о жизни на свободе» (35). Кроме того, не все депортированные народы получили право вернуться на историческую родину. Одна из

причин крылась в боязни власти, что возвращение спровоцирует серьёзные конфликты вокруг домов и прочей собственности, давно перешедшей к другим владельцам (как и случилось много лет спустя).

А для многих понятия «дом» просто больше не существовало. Поэт (и бывший зек) Николай Заболоцкий встречал таких стариков «где-то в поле возле Магадана»:

Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их.

Годы заключения стоили им не только их семей, работы, собственности, но и чувства привязанности к чему-либо или кому-либо. Некоторые даже предпочли рутину Гулага, где условия существования несколько улучшились после 1953 года, пугающей неопределённости свободы. В своей повести «Всё течёт» Василий Гроссман вспоминал: «Такие старики не раз встречались ему, — они уже не хотели уходить из лагеря, тут был их дом, еда в заведённый час, подачки добрых соседей, тепло печурки». Но, прибавлял Гроссман, для большинства из них не было «выше счастья, чем ... умереть на воле, хотя бы в десяти метрах от проклятой проволоки» (36).

Сотни тысяч освобождённых зеков — «благоразумные», по оценке Солженицына (37), — остались жить на обширных просторах уменьшившейся гулаговской империи, в основном в Сибири и в Центральной Азии. Они оставались из-за новых семей, которыми успели обзавестись, высоких зарплат, которые им, теперь уже вольнонаёмным, предлагали нуждавшиеся в рабочих руках местные предприятия, или оттого что сердцем прикипели к этим суровым просторам. Туманов остался в Сибири, чтобы внедрять прогрессивные методы золотодобычи. Павел Негретов, автор книги воспоминаний «Все дороги ведут на Воркуту», рукопись которой переслали на Запад мы с Роем Медведевым, стал в Воркуте профессиональным геологом, получив заочное образование и научную степень в Ленинградском университете (38).

За несколько десятилетий столь выраженное присутствие освобождённых политзаключённых изменило к лучшему об-

лик бывших гулаговских столиц: Магадана, Воркуты, Норильска. Но и много лет спустя после того как лагерные вышки и ограждения из колючей проволоки были сметены бульдозерами, посетители этих мест продолжали наткаться на страшные следы того, иного, мира: развалившиеся бараки, братские могилы, черепа с отверстиями от пуль. Встречались им и живые свидетельства той истории: престарелые бывшие гулаговцы и их многочисленные потомки. (Для большинства из них, причём как бывших зеков, так и их бывших охранников, вновь настали нелёгкие времена, когда постсоветское государство прекратило щедрое финансирование этих отдалённых регионов.) (39).

Но миллионы выживших в 1950-е годы всё-таки вернулись домой – или попытались это сделать. Это были люди, некогда столь же разные, сколь разнообразен был сам Советский Союз, представлявшие все классы, профессии и национальности страны Советов. Десятилетиями сталинский террор черпал свои жертвы во всех без исключения слоях и группах общества, сверху донизу. В Гулаге же, как писал Александр Твардовский, чьи родители-крестьяне были сосланы как кулаки:

... за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...

Зато уж вот где без изъятя
Все классы делались равны,
Все люди – лагерные братья,
Клеймом единым клеймлены (40).

Теперь, с общим прошлым в багаже, они пошли каждый своей дорогой.

Глава 3

ЖЕРТВЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Теперь арестанты вернутся, и две России
глянут друг другу в глаза: та, что сажала,
и та, которую посадили.

Анна Ахматова

Множество обобщений было сделано о тех, кто пережил сталинский террор – их болезнях, психологии, семьях и политике – но большинство из них (если не все) являются безосновательными. Жизнь людей после Гулага была почти такой же разнообразной, как жизнь людей вообще.

Одни жертвы были настолько сломлены физически, что скончались в считанные недели или месяцы после освобождения – «глотнув свободы», как говорили о них (1). Кто-то умер по дороге домой: в поезде, на станции, на улице. А кто-то – ещё в лагере, едва узнав о грядущем освобождении, но не дожив до назначенного дня. Так случилось с одним не старым ещё зеком, который пятнадцать лет отсидел на Колыме, надеясь когда-нибудь снова увидеть престарелую мать. Она пережила его. У этих жертв не было жизни после Гулага, не было возвращения.

Другие, напротив, сумели прожить удивительно долгую жизнь, особенно учитывая, через что им пришлось пройти, а также то, что продолжительность мужской жизни в России даже сегодня не превышает 60 лет. Анна Ларина и Евгений Гнедин дожили до 80 с небольшим, брат Бухарина, Владимир, до 88 лет. Солженицын скончался в 2008 году в Москве, не дожив года до 90 лет. Другие перешагнули 90-летний рубеж, среди них Шатуновская, Снегов, Наталья Рыкова, умершая в 2010 году в 93 года, и известный актер Георгий Жжёнов. Мой друг Антон Антонов-Овсеенко и философ Григорий Померанц,

конфидент Шатуновской после её отставки из рядов партийного руководства, и в 2010 году, в свои 90, продолжали вести активный образ жизни.

У меня нет общего объяснения их примечательному долголетию. Может быть, люди, которых я знал и о которых читал, просто обладали особенными генами. А может, вполне по Дарвину, им, выжившим в Гулаге, всё остальное было нипочём. Или они, как Лев Гумилёв, решили: «Лагерные годы не в счёт. Они как бы и не были прожиты», – и твёрдо вознамерились наверстать упущенное (2). (Возможно, стоит добавить, что и среди ведущих сталинских «палачей» было немало долгожителей, в том числе Молотов, Каганович, Маленков.)

Психология людей, переживших Гулаг, также была различной. Для одних лагерь оказался настолько травмирующим опытом, что они до конца жизни продолжали бояться, скрывали своё прошлое, отказываясь обсуждать его даже с членами семьи, и избегали встреч с другими выжившими. Они превратились в послушных советских граждан, «их страх перед собственной мыслью, их ужас перед новым арестом были так всеобъемлющи, что эти люди казались прочней арестованными, чем в пору лагерных принудработ». Другие перестали осознавать себя, своё «я», как одна женщина, которая после десяти лет лагерей говорила: «Мне казалось, меня нет. Это кто-то другой живет в моём теле». Даже два крупнейших гулаговских мемуариста не избежали полностью его наследия. Евгения Гинзбург сожгла «гораздо более резкий» черновой вариант рукописи своей знаменитой книги, опасаясь, что её обнаружат, а Варлам Шаламов, когда писал самые страшные места своих «Колымских рассказов», был «заморожен... Чёрное дерево, обожжённое молнией, которое, видно, уж не зазеленеет» (3).

Другие же и на воле остались «профессиональными зеками», неся своё гулаговское прошлое как знак доблести, подерживая крепкие дружеские связи с солагерниками, и во всеуслышание говорили и писали о нём, потому что не могли не говорить и не писать. Гумилёву ничего не стоило принять «свою легендарную зековскую позу» и снова пересказать историю своей «Голгофы». Коммунист-правдолюбец Снегов, в ответ на вопрос партийного чиновника, в каком он лагере, советском или антисоветском, гордо ответил: «Я с Колымы»,

а один поэт взял себе творческий псевдоним «Валентин Зэка». Семён Виленский создал в Москве общество «Возвращение» и начал собирать свою уникальную коллекцию гулаговских мемуаров. Для них, как для Солженицына, «вопрос, скрывать своё прошлое или гордиться им, не стоял никогда». (В 1974 году, уже будучи известным советским писателем, он появился в КГБ, куда был вызван для беседы, в своей старой лагерной одежде. Получив замечание, что «маскарад неуместен», он был переодет в новый костюм и выслан в Западную Германию.) (4).

Многие «возвращенцы» не отличались ни хроническим страхом перед жизнью, ни излишней смелостью. В особенности это касалось тех, кто вышел на свободу достаточно молодым, чтобы вернуться к профессии или освоить новую, а также тех, кто беспокоился о будущем своих детей. Таким был, в частности, отец Тани, Александр Баев. После своего возвращения в 1950-е годы он сделал блестящую научную карьеру, стал академиком советской Академии наук, но при этом ни разу публично не обмолвился о своих семнадцати годах в Гулаге, предпочитая откровенничать лишь с близкими друзьями и проверенными товарищами по работе. Честный и толерантный человек, он крайне неодобрительно относился к Таниной диссидентской деятельности, в том числе её дружбе со мной, поскольку она ставила под угрозу всё, за что он «страдал» – точно так же, как дочь Бухарина Светлана Гурвич была против публичных протестов, с которыми выступал в 1970-е годы её сводный брат Юрий. Когда сорок лет спустя и за несколько лет до своей смерти Баев, наконец, поведал свою гулаговскую историю, очень многие были удивлены (5).

Огромное большинство бывших зеков, вернувшись, вновь растворились в безымянности советского общества, но очень многие, как Баев, сумели достичь высокого положения и сделать выдающуюся карьеру. Прецеденты, хотя и практически не известные в своё время, случались даже при Сталине, особенно среди зеков, освобождённых в годы Великой Отечественной войны. Вышедший на свободу вместе с рядом других офицеров, арестованных в 1937–38 годах, Константин Рокоссовский, которому в тюрьме вырвали ногти, стал одним из наиболее успешных и популярных генералов военного времени, дослужившись до звания маршала. Другой освобождённый

генерал, Александр Горбатов, довёл свою армию до Берлина, где в 1945 году стал главой советских оккупационных сил. (А его бывший сокамерник занял такой же пост в Вене.) (6).

Выход в годы войны на свободу инженера-ракетостроителя Сергея Королёва имел не менее значительные последствия. Отпущенный для разработки оружия против нацистской Германии, он позднее возглавил советскую космическую программу, а, учитывая пионерскую роль Советского Союза в данной области, можно сказать, что бывший заключённый Гулага Королёв стал отцом космических полетов. И он был не единственным. Его коллега В.П. Глушко, который помог Королёву освободиться в 1942 году, после того как сам вышел из лагеря, сделал так много для мировой астрономии, что в его честь был назван один из лунных кратеров. (В отличие от Королёва, чья работа оставалась глубоко засекреченной, Глушко сделал также политическую карьеру, став в 1976 году членом ЦК КПСС.) (7)

Разумеется, после смерти Сталина гораздо больше бывших гулаговцев сумели сделать карьеру или вернуть былую известность и влияние. Некоторые примеры уже известны читателям. Эдди Рознер, воссоздавший свой джазовый коллектив, вновь обрёл популярность в 1950-е годы, однако пережитое и постепенное вытеснение его музыки западным рок-н-роллом к концу жизни (Рознер умер в 1976 году) ожесточили его. Двое из четвёрки братьев Старостиных, Николай и Андрей, вновь стали влиятельными фигурами в советском футболе, теперь на административных позициях. Бывшая красавица-инженер советского кино Татьяна Окуневская вернулась в профессию, правда, уже на других ролях, как вернулись и актёры Георгий Жжёнов и Пётр Вельяминов. Тамара Петкевич, освоившая актёрскую профессию в Гулаге, после освобождения добилась признания на театральной сцене. Отсидевший десять лет за связь с дочерью Сталина Алексей Каплер также возобновил карьеру в кино, став не только известным режиссером и сценаристом, но и ведущим популярной телепередачи о кино. Два других сценариста, Юлий Дунский и Валерий Фрид, стали успешным творческим дуэтом советского кино. А лагерная подруга Анны Лариной Наталья Сац основала всемирно известный московский детский музыкальный театр (8).

Столь яркие постгулаговские карьеры были, однако, исключениями. Многие талантливые бывшие зеки даже после освобождения не могли вести полноценную публичную жизнь, избегая разговоров о своём прошлом, прячась за псевдонимами или ведя двойную жизнь. Юрий Ларин, к примеру, до конца 1980-х годов добивался признания как художник – без официальной поддержки, без разрешенных выставок, храня публичное молчание о том, кто были его родители. Другим примером был его друг Юрий Айхенвальд – внешне привлекательный и чрезвычайно талантливый человек, с которым я познакомился в 1970-е годы, когда его московская квартира была местом притяжения для политических и культурных неконформистов, в том числе бывших гулаговцев.

Родившийся в 1928 году, Айхенвальд был обладателем дважды «подпорченной» биографии: сначала из-за деда, известного антикоммунистического литератора Юлия Айхенвальда, высланного ленинским правительством из страны в 1922 году, а затем из-за отца, который, напротив, был видным большевиком-бухаринцем, расстрелянным Сталиным в годы террора. После ареста матери в 1937 году Юрий жил у своих престарелых родственников, но к своим четырнадцати годам рос фактически сиротой, предоставленный сам себе. В 1949 году, когда в прицел сталинского террора попали подростки дети его прежних жертв, Юрий Айхенвальд, как и дочь Бухарина Светлана Гурвич, был арестован. Сосланный в Казахстан, он в 1951 году был арестован повторно и помещен в тюремную психиатрическую больницу, где пробыл до своего освобождения в 1955 году.

В начале 1960-х годов Айхенвальд, одновременно преподавая литературу в вузе, был уже выдающимся поэтом, чьи лучшие произведения писались «в стол» или публиковались только на Западе. Диссидентская деятельность, преследование со стороны КГБ и последовавший за этим сердечный приступ заставили его уйти с официальной работы. Чтобы содержать семью и добиться какого-то публичного выражения, Айхенвальд стал переводчиком, в большинстве случаев анонимным, ряда популярных театральных пьес, включая «Человека из Ламанчи» и «Сирано де Бержерака». Таким образом, целое поколение советских зрителей, в том числе члены партийно-советской элиты, сами того не зная, смеялись и задумывались

над стихами бывшего зека, который, будучи сам своего рода политическим Дон Кихотом с альтер эго Сирано, сумел втиснуть в текст перевода строки из своих запрещённых произведений (9).

А что же стало с миллионами других бывших гулаговцев, вышедших на свободу в 1950-е годы? Истории некоторых из них известны. Вадим Туманов, колымский зек, освобождённый выездной комиссией в 1956 году, стал впоследствии сибирской легендой, непревзойдённым специалистом по золотодобыче. Геолог Павел Виттенбург, как и ряд других учёных, публиковал свои труды без указания того, что своё исследование он начал в Гулаге. Корифей советской медицинской науки Лев Зильбер, как и Александр Баев, вновь достиг вершин профессии. Ещё один поэт из бывших зек, взяв псевдоним Роман Сеф, перевел на русский язык «Мою прекрасную леди» и стихи Уолта Уитмена (10). Дальше в этой книге читателям встретятся и другие имена. Но большинство уцелевших жертв сталинского террора бесследно растворились в недрах общества.

Мы, следовательно, можем только догадываться, сколько из них имели свой относительный «хэппи-энд», а скольким не повезло. Когда я спрашивал своих знакомых «возвращенцев», что, по их мнению, случилось с остальными, они обычно пожимали плечами и отвечали идиомой: «Даже у бывших зек были разные судьбы». Можно только предположить — или надеяться — что многие из тех, кто прожил свою жизнь тихо и замкнуто, получили свой «хэппи-энд», по крайней мере, в советском контексте. (Хотя в Гулаге Камил Икрамов настолько испортил зрение, что не мог по достоинству оценить картины своего друга Юрия Ларина, он считал своё возвращение оттуда «счастливым финалом» и «началом новой жизни».) Однако многим повезло меньше. Годы спустя их можно было встретить в домах престарелых, на вокзалах, во всевозможных временных пристанищах, где они влачили жалкое существование безнадежно «бывших» людей (11).

Печальный конец трёх «возвращенцев», трёх известных и уважаемых писателей, может быть показательным в этом смысле. Варлам Шаламов, некогда названный «величайшим из живущих российских писателей», умер в 1982 году в полном одиночестве, брошенный на произвол судьбы и примитивных

условий государственной опеки. Достигший ныне широкого признания писатель Юрий Домбровский был насмерть избит на улице какими-то хулиганами. А хрупкая красавица, «ленинградская мадонна», поэтесса Ольга Берггольц, чьи слова «Никто не забыт, ничто не забыто» высечены на самом известном и почитаемом памятнике жертвам ленинградской блокады, до конца жизни так и не оправилась от последствий сталинского террора. Оба её мужа погибли в 1930-е годы, две дочери умерли совсем маленькими, а третий ребенок, которого она родила в тюрьме, где провела, как запишет в дневнике, «171 день» в 1938 и 1939 годах, появился на свет мертвым. Ольга Берггольц умерла в 1975 году от алкоголизма, с помощью которого она пыталась заглушить терзавшую её боль. «Боль, вино и одиночество», по словам сестры Берггольц, были её спутниками в последние годы жизни (12).

Сколько-нибудь широкие обобщения в отношении политических взглядов бывших гулаговцев также невозможны. Многие жертвы винили в своих бедах всю советскую систему, начиная с Ленина; некоторые из них затем стали известными антимарксистскими диссидентами и религиозными деятелями, как, например, отец Дмитрий Дудко, чьи гуманистические проповеди привлекали в его маленький подмосковный приход как верующих, так и неверующих в 1970-е годы. Другие вернулись из лагеря настолько циничными и ожесточёнными, что уже до конца жизни не смогли поверить ни в какую политику или идеологию. Третьи, как мы увидим, были носителями различных убеждений, породивших широкий идеологический спектр диссидентства 1960–1970-х годов.

Как ни удивительно, но многие выжившие жертвы политических репрессий 1930–1940-х годов, а также дети погибших вступили по возвращении в коммунистическую партию или попытались это сделать. (Приняты были чуть больше половины тех, кто подал заявления.) Причины у них были разные. Для одних, как для многих из почти двадцати миллионов членов партии в 1980-е годы, это был, главным образом, способ получить лучшую квартиру, работу, пенсию и другие государственные блага. Для других это было подтверждение полной реабилитации. Ведь, как написала в заявлении на посмертное восстановление в партии её матери Наталья Рыкова, «судебная реабилитация... без партийной ещё не реабилитация» (13).

Но многие из тех, кто восстанавливался или вступал в партию, делали это из твёрдых политических убеждений. Ветераны партии, исключенные из неё после ареста, как Шатуновская, Снегов, Гнедин, Мильчаков и Копелев, верили в то, что Хрущёв борется против влиятельной оппозиции за возрождение первоначальных, ленинских, ценностей системы, искажённых при Сталине, и хотели поддержать нового лидера. Пронеся веру в советскую революцию через годы Гулага – она помогала им, по их словам, выжить и не сломаться – они, вернувшись, как писала Ольга Берггольц, «шли сначала, / Чтобы получить свой старый партбилет».

Вторая жена Бухарина Эсфирь Гурвич, с которой он состоял в браке с 1920 по 1929 год, была как раз таким человеком. (Его первая жена Надежда Лукина, инвалид, была замучена до смерти в тюрьме, отказавшись оболгать его.) В 1956 году, сразу по возвращении в Москву и воссоединении с дочерью, Эсфирь восстановилась в партии. Она сделала это, потому что «осталась преданной коммунисткой, верящей в правоту дела, которому она посвятила жизнь». Своё освобождение, как и освобождение других старых большевиков, она считала конечным торжеством справедливости. «Люди возвращаются, всё наладится, в это я верю». Только однажды, в конце жизни, в 1989 году, 94-летняя Эсфирь выразила, наконец, сомнение: «Как я оказалась в этой заварухе?» (14).

Среди этих новых партийцев были не только пожилые люди, стремившиеся оправдать политические идеалы своей юности 1920-х годов. Дети унесённых террором родителей, обладатели «испорченных» биографий, также вступали в партию. Они тоже хотели поддержать Хрущёва и тем самым восстановить справедливость в отношении своих родителей. Среди них были мои друзья Рой Медведев, чей отец, офицер Красной армии, был официально реабилитирован на следующий день после знаменитой антисталинской речи Хрущёва 1956 года; Михаил Шатров, потерявший в годы террора много родных; Леонид Петровский, чей отец был расстрелян за связь с Бухариным, а дед был одним из очень немногих старых большевиков, которые избежали ареста; Камил Икрамов, чей отец проходил по одному делу с Бухариным. Были в их числе и сын расстрелянного генерала Пётр Якир, проведший детство в Гу-

лагере, и Булат Окуджава, ставший позже известнейшим советским бардом.

К началу 1970-х годов большинство из них, протестуя против политики преемников Хрущёва, либо вышли из партии по собственной воле, как Гнедин, либо были исключены, как Копелев, Медведев, Якир и Окуджава. В своём заявлении о выходе из партии Гнедин сказал за всех: «Принадлежность к партии вообще противоречит сложившемуся у меня на склоне лет пониманию жизни общества и смысла жизни личности». Несколько человек в этой связи даже вновь подверглись аресту, но наиболее драматическим этот поворот оказался у Льва Разгона. Остававшийся убеждённым коммунистом и в 1950-е годы, когда он вернулся из лагеря, и в конце 1980-х, в пору прославивших его как писателя антисталинских реформ Горбачёва, Разгон, тем не менее, в 1992 году вышел из КПСС и даже свидетельствовал против неё на организованном постсоветским правительством судебном процессе.

Но подавляющее большинство восстановившихся в партии бывших зеков оставались её лояльными и послушными членами до конца жизни. Самым известным представителем этой группы была Галина Серебрякова, сильная и волевая женщина, два мужа которой, оба видные большевики, были расстреляны, а она сама провела 21 год в Гулаге. Выступая на собрании деятелей культуры, на котором присутствовал Хрущёв, она поблагодарила партию, в ряды которой вновь вступила, и лично её вождя за своё «второе рождение, возвращение к свету из бездны». Для всех жертв, оставшихся «твёрдыми и верными ленинцами», сказала она, «главная трагедия» это не потеря детей и не физические пытки, оставившие «пять шрамов на моей груди», а «судьба пролетарской революции, судьба партии» (15).

В этом своём понимании «главной трагедии» Серебрякова не усомнилась, похоже, ни разу, даже после позорной отставки Хрущёва и сворачивания его антисталинских реформ. Она продолжала писать «правильные» книжки на разрешённую марксистско-ленинскую тематику, которые издавались в стране массовыми тиражами. Это стало причиной презрительного отношения к ней со стороны многих советских интеллектуалов, которые, в отличие от Серебряковой, не пострадали. Это чувство разделяли и некоторые бывшие жертвы, которые счи-

тали её представительницей «поколения обманутых», хотя мне думается, её история, как и ряд подобных, были более сложными (16).

Взять хотя бы пример, представляющий для меня особый интерес: возвращение личного секретаря Бухарина Семёна Ляндреса. Подобно Серебряковой и тысячам других жертв, он до конца остался «верующим коммунистом». О послелагерной жизни Ляндреса я узнал от его сына, чрезвычайно успешного автора детективных и шпионских романов Юлиана Семёнова, своим авантурным стилем жизни подражавшего Хемингуэю. Юлиан считал, что было бы нечестно ожидать от сталинских жертв поколения его отца и Серебряковой или от их взрослых детей (здесь он, без сомнения, имел в виду себя), что они захотят снова оказаться не у дел, как они определяли жизнь вне партии (17). И с этим были согласны большинство вернувшихся из Гулага коммунистов, хотя и не все.

Это было только одно из многочисленных политических разногласий между выжившими и вернувшимися сталинскими жертвами, как коммунистами, так и беспартийными. В центре нескольких конфликтов был Солженицын. В 1962 году острые споры разгорелись между бывшими зеками по поводу изображения лагерной жизни в «Одном дне Ивана Денисовича»: одни настаивали, что автор изобразил лагерь слишком мягко, другие, что слишком жёстко. Самые крупные разногласия возникли у Солженицына с другим лагерным писателем, поначалу близким ему по духу, таким же «верным сыном Гулага», Варламом Шаламовым. Если Солженицын воспринимал гулаговский опыт как возможность личного и нравственного спасения, то Шаламов не видел в нем ничего, кроме дегуманизации и смерти. По мере того как слава и идейное влияние Солженицына росли, его бывший «брат» всё чаще отзывался о нём как о «лакировщике действительности» и даже, по некоторым сведениям, как о «лживом политическом манипуляторе» (18).

Вздорный и неуживчивый характер Солженицына делал своё дело: так, он разошелся по «идейным» соображениям с близким другом по Гулагу Львом Копелевым и ещё несколькими бывшими зеками, – но были и другие политические конфликты. Евгения Гинзбург, отказавшаяся восстанавливаться в партии, не смогла простить своего товарища по Гулагу

Милячакова, который, по её презрительной оценке, вернул себе не только партбилет, но и доарестное начальственное мышление. Она полагала, хотя это было не вполне так, что «вместе с арестантским бушлатом он сбросил с себя всякое родство с нами» и «аккуратно связал разорванную нить своей жизни. Тугим узелком затянул он кончики, соединил 37-ой с 54-ым и забросил подальше всё, что лежало посередине». И подобные конфликты были не только данью времени. Много лет спустя словесная война вспыхнула между соперничающими организациями бывших зеков по поводу того, какая из них является более подлинной (19).

Конечно, большинство бывших репрессированных, несмотря на разницу в политических взглядах, испытывали ненависть к Сталину, но и здесь случались разногласия. После распада Советского Союза Владимир Карпов, ещё один репрессированный военный, отпущенный из тюрьмы, чтобы воевать с гитлеровской Германией, а впоследствии глава Союза писателей, и священник Дудко выступили с положительной оценкой роли Сталина в истории советского государства. А ранее маршал Рокоссовский, которому в тюрьме НКВД в 1937 г. сломали ребра и выбили восемь зубов, отказался, как говорили, участвовать в антисталинской кампании Хрущёва, заявив: «Товарищ Сталин мне святой» (20).

* * *

Как бы ни сложились их личные судьбы после освобождения, в своей совокупности миллионы вернувшихся из Гулага были новым важным фактором в жизни советского общества, особенно после обусловленного страхом конформизма сталинского времени. Их общий опыт, общие чаяния и нужды порождали проблемы и конфликты, которые требовали реакции, сочувственной или не очень, со стороны политико-административной системы при Хрущёве.

Когда Евгения Гинзбург написала Клименту Ворошилову, оставшемуся у власти нераскаившемуся сталинисту: «За эти годы я потеряла всё» (21), — она говорила от лица большинства «возвращенцев». И хотя некоторые из них явно решили наверстать упущенное время, перепробовав и испытав все те немногие удобства и потребительские радости, которые существо-

вали в 1950-е годы – многие, например, ни разу в жизни не посылали телеграмм и не видели телевизора – огромное большинство хотело получить базовые элементы своей новой (или возобновлённой) жизни. К таким элементам относились семья, медицинское обслуживание, квартира, работа или пенсия, а также финансовая компенсация за годы, проведённые в заключении, и возврат конфискованной собственности.

В ответ на это правительство, как правило, предлагало заключить неписаный, но часто озвученный общественный договор: «Мы удовлетворим, в определённых пределах, ваши нужды и оставим вас в покое, а вы не будете предъявлять политических требований и ворошить прошлое». (При освобождении многих гулаговцев предупреждали, что они не должны распространяться о том, что с ними произошло.) В конечном счёте, всё, что постсталинское руководство делало или не делало для выживших жертв, определялось не только политикой и свойствами бюрократической системы, но и скудостью и бедностью, характерными для советской жизни вообще. (В стране не было ни одного дома отдыха для бывших узников Гулага, и только один – в современной России в 2010 году.)

Государственные органы мало чем могли помочь семьям, разорванным и разбросанным по стране за годы массовых репрессий. Некоторым «возвращенцам» они помогли найти родственников, но даже это делали в основном друзья, другие родственники и, в некоторых случаях, Красный крест. Проблема усугублялась тем, что, начиная с 1930-х годов, НКВД, а затем его преемник, КГБ, предпочитали не сообщать родственникам правду о смерти близких. Чтобы скрыть факт массовых расстрелов, сталинское «правосудие» изобрело фальшивую формулировку приговора: «десять лет без права переписки». На деле это означало, что жертвы уже нет в живых.

Были люди, которые понимали, что означает эта фраза, кто-то со слезами вспоминал строчку Александра Блока о «царских вратах», откуда «никто не придет назад». Порой агент НКВД или прокурор, огласив такой приговор, говорил жене (мужу): «Вы можете снова выходить замуж (жениться)». Но очень многие верили, что их близкие живы, только находятся где-то далеко, в отдаленном лагере. Сестра Антона Антонова-Овсеенко, Галина, сама оказавшаяся в Гулаге в 1940-е годы, была уверена, что отец тоже где-то в лагере, но «у папы нет

права переписки». Жена и дочь Александра Аросева только в 1955 году узнали, что он был расстрелян. Даже имевший большие связи Борис Ефимов поверил фальшивым заверениям насчёт брата, которые ему дал лично сталинский палач Василий Ульрих (22). В результате, многие родственники жертв ждали, что те вернутся к ним через десять лет, в 1947–1948 годах, а затем после смерти Сталина в 1953 году. Некоторые жёны, как, например, мать Плисецкой, ждали мужей всю жизнь, но так и не дождались.

Эпопея детских страданий, вызванных террором, также растянулась на долгие годы. Те, кто были достаточно взрослыми, чтобы понимать, что их родители арестованы как «враги народа», сталкивались с мучительным выбором между преданностью семье и собственным будущим в сталинском Советском Союзе. Когда Ольга Аросева узнала, что её старшая сестра, боясь исключения из комсомола, отказалась от отца, она её ударила. Как позже объяснила Ольга, «боль об отце жила во мне все эти годы» (23). Она так и не вступила ни в комсомол, ни в партию, хотя это могло бы способствовать её актерской карьере. Подобные решения подчас навсегда разводили выживших членов семьи, делая их чужими друг другу. Что касается тех детей, кто поверил в виновность отцов и годами доказывал свою лояльность, стремясь «отчистить пятно», то у многих из них хрущёвские разоблачения вызвали чувство стыда за свою жизнь. Другие продолжали скрывать факт ареста родителей в годы террора, причём кое-кто делает это и по сей день (24).

Менее травматичной была история Василия Аксёнова, который, будучи подростком, смог навестить свою мать в ссылке в Магадане. Однако, вернувшись в начале 1950-х годов на «большую землю», он оказался увлечён своими собственными юношескими делами, а его мать ушла с головой в проблемы новой семьи. Отчуждение продолжилось и после её освобождения. Ещё меньшие чувства испытывал Василий, обладавший в ту пору уже всесоюзной славой, к своему вернувшемуся отцу, Павлу Аксёнову, вспоминая, что его отталкивали исходившие от бывшего зека «нечистые, нечитаемые запахи». Впрочем, годы спустя, Василий всё-таки помирился с обоими родителями. Похожим образом складывались отношения с вернувшейся матерью и у Елены Боннер, будущей жены знаменитого либе-

рального диссидента Андрея Сахарова. В частности, Боннер возмущали попытки матери вновь начать опекать её, чрезмерная увлеченность гулаговским прошлым и встречи с другими бывшими зеками, включая милейшего Игоря Пятницкого (25).

Маленьких детей, попавших в детские дома и интернаты, обычно удавалось отыскать, однако не всегда; порой поиск растягивался на десятилетия и не завершился по сей день. (Воссоединение разлученных террором семей стало темой передачи современного российского телевидения под названием «Жди меня».) Жена забитого в тюрьме до смерти маршала Василия Блюхера, к примеру, уцелела, но так и не сумела разыскать их младшего сына. А некоторые бывшие зеки боялись разыскивать своих детей, потому что считали, что «за многие годы заключения мы все во многом изменились... Как воспримут эти изменения наши семьи, ведь за прошедшие годы наши дети стали взрослыми, как они встретят своих отцов и матерей, которых почти не знают?» (26). К тому же, воссоединение детей и родителей, которые никогда по-настоящему не знали друг друга, требовало болезненных усилий с обеих сторон.

Анна Ларина и её сын Юрий, отнятый у неё годовалым, находились в разлуке почти двадцать лет после её ареста в 1937 году. В 1954 году, узнав, что его мать жива и находится в сибирской ссылке, он написал ей из детского дома письмо: «Дорогая мама!.. Я не всё понимаю в своей жизни. Именно: почему я ушел из своего родного дома? Где мой папа?.. Прошу тебя ответить мне на все эти вопросы». Ответа на эти жизненные вопросы Юрию пришлось ждать до 1956 года, когда он смог поехать к матери в её далекую ссылку, где и выяснил, что его отец – один из основателей Советского государства и всё ещё презренный «враг народа» Николай Бухарин. Через несколько дней мать и сын были уже навсегда связаны родственными узами. А в 1959 году Анна вместе с Юрием и двумя младшими детьми от брака с мужем-гулаговцем вернулась в Москву. (Свою сводную сестру Светлану Юрий нашёл в 1956 году по телефонному справочнику, отправив потом письмо по выбранному адресу: «надеюсь, он действительно твой».) (27).

Однако были и несчастливые воссоединения. Юная дочь одной гулаговки негативно отреагировала на возвращение матери, которая «выглядела, как нищенка», и своими постгулаговскими «настроениями» оттолкнула её ещё дальше. По сло-

вам дочери, в душе она так и осталась сиротой. Другая молодая женщина так и не смогла понять, что её мать испытала в лагерях, пока много лет спустя, после смерти бывшей узницы, не оказалась в Магадане и своими глазами не увидела братские могилы в вечной мерзлоте. А Елена Боннер, хотя и сумела, на своём последующем опыте, ощутить, что выпало на долю её матери, слишком поздно, по её словам, пожалела о «непреодолимом барьере», который существовал между ними. Похожий опыт был и у Булата Окуджавы с его матерью, которая вернулась «совершенно другим человеком» и которой он позже посвятил свой известный рассказ (28).

Как показывают эти примеры, «возвращенцы» часто оказывались не способны восстановить отношения не только с детьми, но и с другими родственниками, оставшимися на свободе. А причиной порой были просто различия, обусловленные временем. Так, сестра Евгении Гинзбург оказалась для неё совершенно чужим человеком и такой, судя по всему, и осталась. Более серьёзной, хотя и реже упоминаемой причиной был резкий контраст между жизнью прожитой и той, что не удалось прожить. Я слышал разные версии выражения этого чувства; довелось его испытать и герою повести Гроссмана «Всё течёт», двоюродный брат которого вернулся из лагеря: «... Его потрясло известие о приезде двоюродного брата, и его собственная жизнь, полная правды и неправды, встала перед ним...». Учитывая этот контраст жизненного опыта, можно только догадываться, как после тринадцати лет разлуки произошло воссоединение двух братьев: зека с многолетним стажем Льва Нетто и его младшего брата, звезды советского футбола, Игоря. «Игоря – героя спорта – славил весь советский народ. Льва – героя войны и героя норильского восстания – и сегодня знают не так много людей» (29).

Суровому испытанию террором подвергся самый сложный вид семейных связей – брачные отношения, причём даже в тех случаях, когда оба супруга, и муж, и жена, оказывались в лагере. Хорошо известный в интеллектуальных кругах факт полного отчуждения – психологического, эмоционального и политического – которое испытали по возвращении родители Аксёнова (оба – убеждённые коммунисты в 1937 году, когда их «взяли»), был лишь одним из множества примеров разрушенных террором браков. Разделённые десятилетиями массо-

вых арестов в деревне, сельские пары также часто оказывались «чужими» друг другу. Возвращение только ставило точку в процессе «распада» и этих семей (30).

Когда же арестован был лишь один из супругов (обычно муж, хотя и не всегда), варианты воссоединения оказывались самыми разными, от счастливого до трагического. (Некоторые опасались возвращаться к супругам, боясь «скомпрометировать их».) Существовали бесчисленные примеры супружеской верности. Жена Евгения Гнедина, Надежда, не только преданно ждала его все десять лет, пока он отбывал срок в тюрьмах и лагерях, но и добровольно отправилась за ним в казахстанскую ссылку, чем подвергла себя значительному риску. Героизм проявляли и некоторые мужья. Один не только ждал жену пятнадцать лет, но и растил все эти годы детей её арестованной сестры. Как вспоминала по возвращении его жена, по меркам того времени, было бы абсолютно нормально, если бы Адольф снова женился в 1940 году, а дети оказались в детдоме (31).

Но не меньше было и поощряемых властями супружеских отречений, разводов и новых браков. Когда арестовали жену маршала Семёна Будённого, одного из самых известных и бездарных сталинских военачальников, он поспешил отказаться от неё и расторгнуть брак. Многолетний сталинский управделами Александр Поскрёбышев вскоре после того, как его жену забрали, женился вновь. Муж актрисы Татьяны Окуневской отказался от неё, женился вновь, а её мать выгнал из их совместной квартиры. Некоторые жертвы, вернувшись через много лет, обнаруживали, что их супруги сменили фамилии и исчезли вместе с детьми, но не всех это расстраивало. Многие, как герой Шаламова, не хотели возвращаться в семью: «Там никогда меня не поймут, не смогут понять... То, что я видел, — человеку не надо видеть и даже не надо знать» (32).

Женщины, оставшиеся без мужей, были особенно уязвимы в условиях суровой советской действительности. Двери всех «приличных» квартир, писала ещё одна великая мемуаристка и вдова, Надежда Мандельштам, прочно захлопывались перед их носом. Горбачёв вспоминал, как после ареста своего деда, ставропольского крестьянина, «жил в этом чумном, в доме “врага народа”, и родственники и близкие не могли ходить в него, иначе вслед за дедом бы пошли» (33). Многие оказыва-

лись не в состоянии найти работу, чтобы прокормить себя и детей. И всё-таки значительное число женщин, подобно жене Гнедина, хранили верность мужьям, часто даже не зная, живы ли они. Такая преданность не всегда вознаграждалась. Нуждавшиеся в поддержке в новых условиях и не имевшие сведений об оставленных жёнах, мужчины в смешанных лагерях и в ссылке часто обзаводились новыми подругами. Когда одна женщина, прождав мужа десять лет, обнаружила, что он живёт с другой, она его не простила: «... Пережив столько за десять лет, борясь самой со столькими трудностями, можно ли было рассчитывать на какую-то мужскую опору? Нет и нет!» (34).

Влияние террора на брачные союзы оказывалось часто столь глубоким, что трудно было возложить ответственность на кого-либо за их распад. Жены порой винили арестованных мужей, а не сталинскую систему за пятно, которое легло и на их жизнь тоже. Жена Шаламова бросила его, чтобы избежать тени ГУЛАГа, но и он, ставший после лагеря совсем другим, не захотел к ней возвращаться. Наталья Решетовская, первая жена Солженицына, пока он находился в заключении, снова вышла замуж, но вернулась к нему после его освобождения. «Снова дома, всё забыто», – думали друзья, но не всё было так просто. «Верный сын ГУЛАГа» в своём творчестве, Солженицын оставил Решетовскую ради другой женщины (35). (Отсюда горькое напутствие Решетовской, чтобы я берёг её мемуары «от КГБ и от друзей Александра Исаевича».)

Многие вернувшиеся, обнаружив, что их никто не ждёт, вскоре женились снова. (Насмотревшись на своих лагерных друзей, которые по нескольку дней оставались лежать там, где настигла их смерть, Евгения Гинзбург, вышедшая повторно замуж в 63 года, объясняла: «В замужестве помрёшь, сразу похоронят!..».) (36) Очень часто новые супруги также были жертвами репрессий, как, например, в случаях Анны Лариной, Игоря Пятницкого, Льва Разгона, Юрия Айхенвальда, Петра Якира и Антона Антонова-Овсеенко. Иногда такие отношения завязывались в ГУЛАГе, но нередко становились следствием того взаимопонимания, которое могло сложиться только между бывшими зеками. Вот почему многие дети жертв также женились между собой, подчас вызывая беспокойство родителей, как было в случаях Ирины Якир и барда Юлия Кима, Шатрова и его первой жены, Аросевой и её первого мужа, дочери Копелева Лены.

Мужчины часто предпочитали связывать свою судьбу с молодыми женщинами, которые могли дать им то, что забрал Гулаг, в том числе детей. Солженицын оставил Решетовскую ради женщины, моложе его на двадцать два года. Похожая ситуация была у Алексея Снегова, чья политическая роль в хрущёвской политике будет очерчена в следующей главе. Ещё один бывший зек, проживший до девяноста с лишним лет, Олег Волков, возможно, выразился от лица большинства таких немолодых мужчин: «Молодая женщина сумела внушить 60-летнему ... веру в его возможности, создала условия, позволившие забыть о возрасте и с молодой энергией окунуться в работу» (37). Напротив, очень многие вернувшиеся из лагеря женщины, по понятным причинам, так и остались одинокими, пополнив ряды вдов и незамужних женщин послевоенного времени.

Конечно, государство не имело отношения к этим интимным аспектам жизни «возвращенцев», но немного оно сделало и для того, чтобы помочь бывшим жертвам, страдавшим от психологического «постлагерного синдрома». Подобно жертвам Холокоста, многие бывшие зеки жили, терзаемые воспоминаниями, ночными кошмарами и ежедневными отзвуками той своей страшной жизни. Одна бывшая гулаговка, внешне вполне приспособившаяся к мирной жизни и дожившая до девяноста лет, умирая, поднялась на своей постели с криком, что ей нужно идти, её конвой ждёт (38). Она была не единственная, кто не смог забыть. Ежедневные напоминания о пережитом ужасе: громкий шум, внезапный стук в дверь, грубый тон чиновничьего голоса, – могли вызвать приступ паники у бывших гулаговцев, но советская психиатрия этого состояния не признавала. Кто-то из бывших зеков искал успокоения в общении с узким кругом себе подобных, которые были им «как семья», а некоторые даже испытывали «ностальгию» по гулаговскому братству, основанному на совместной борьбе за выживание (39). Многим ли из них удалось обрести душевный покой – неизвестно.

Что касается материальных нужд «возвращенцев», то, несмотря на принятые при Хрущёве законы, мало кому из зеков была выплачена финансовая компенсация за годы страданий и лишений. Стандартная официальная выплата составляла лишь два месячных оклада (по доарестным ставкам). Личные вещи,

конфискованные при аресте или вынесении приговора, тоже, как правило, к ним не вернулись, хотя кое-кому удалось получить частичную компенсацию по суду (40). Некоторые из моих знакомых бывших зеков не получили назад даже семейные фотографии. У Анны Лариной не было ни одного её совместного снимка с Бухариным, хотя их родственник, известный фотограф-портретист, в своё время сделал их множество. (После бухаринского ареста сын фотографа уничтожил все негативы.) У Икрамова на память о любимом отце осталась только шляпа, сбережённая его бывшей няней, по поводу чего его жена заметила: «Что же это за страна такая, когда от человека остаётся одна панамка?»).

Жертвы и их родные часто спрашивали, что стало с тем огромным количеством личных вещей, которые были конфискованы в годы сталинского террора. «Интересно, как они, эти убийцы делили между собой вещи, мебель, посуду, обувь, утварь жертв своих? – задавалась позже вопросом Майя Плисецкая. – Ночами, или на рассвете, или посеред дня? Пялили ли на себя их жирные жёны чужие ношенные одежды или таскали на базарную толкучку?» (41).

Сегодня мы знаем. Многие личные вещи пропали во время сумбурных обысков, которыми сопровождались массовые аресты, или сгорели в печах тюремных котельных, как случилось с неопубликованными работами Исаака Бабеля, известного генетика Николая Вавилова, а также Бухарина, одна из последних рукописей которого до сих пор не найдена. Как отмечали наблюдатели, закопченная труба тюрьмы НКВД на Лубянке день и ночь «посыпала Москву пеплом сожжённых рукописей» (42). Сотни таких же печей провинциальных лубянок, без сомнения, делали то же по всей стране.

Но многое было присвоено сотрудниками НКВД. В Москве грабеж носил хорошо организованный характер. (На Лубянке была замечательная библиотека, основу которой составляли конфискованные книги.) В те годы, когда основная масса населения жила очень скромно, лубянские начальники с радостью перевозили семьи в обставленные хорошей мебелью квартиры своих жертв. Их подчиненным доставались предметы помельче, которые скапливались на складах НКВД либо продавались через специальные магазины, разом возникшие в Москве и других крупных городах в конце 1930-х годов.

(Пятьдесят лет спустя вдове Бухарина анонимно вернули несколько фарфоровых изделий с его инициалами, произведённых в 1920-е годы в его честь. А одна из пропавших картин Бухарина, купленная американским туристом в московском антикварном магазине в 1989 году, обнаружилась в Орегоне.) Большинство новых владельцев «арестованной собственности» явно не ощущали никакой вины, а только «истинную, тайную, манящую близость к року и божественному промыслу» (43).

В провинции, где оперативными работниками НКВД были в основном грубые молодые люди, наскоро набранные на службу из детских домов, мародерство было более спонтанным и хаотическим. Даже во время формальной процедуры «обыска и ареста» они дрались за любую найденную вещь, от денег, ламп и кухонной утвари до поношенной одежды (44). «Конфискации» были настолько распространённым явлением, что люди, опасавшиеся ареста, порой прятали вещи или отдавали друзьям. Большая часть их также пропала, но были исключения. Несколько картин Бухарина и фотографий бывшего предсовнаркома Рыкова, тайно хранившиеся у друзей и родственников с 1937 года, дождались возвращения Анны Лариной и дочери Рыкова Натальи. А семейные документы, которые один из репрессированных руководителей Абхазии (входившей тогда в состав Советской Грузии) накануне ареста спрятал под половицей в своей квартире, через двадцать лет извлек на свет родственник, знавший о секрете (45).

Один эпизод отразил произвольный и циничный характер процесса «конфискаций». Прокурор Андрей Вышинский, главный обвинитель на сталинских показательных процессах 1930-х годов, присвоил себе дачу, участок земли и деньги одной из своих жертв – видного партийного и государственного деятеля Леонида Серебрякова. Когда процесс Серебрякова был ещё в разгаре, Вышинский, заранее зная результат, начал «легальное» переоформление собственности. Умер Вышинский в 1954 году (в Нью-Йорке, где он был советским послом в ООН), но когда чуть позже дочь Серебрякова вернулась из Гулага, семья Инквизитора всё ещё проживала на её даче (46).

Тем не менее, самые насущные потребности жертв сталинского террора советское правительство при Хрущёве удовлетворило. Большинство бывших репрессированных получили

жильё, работу или пенсию, право на медицинское, в частности, стоматологическое обслуживание (последнее было особенно важно в силу распространенности цинги и других заболеваний зубов и десен, вызванных неправильным питанием) и другие скромные привилегии, которые давала система советского соцобеспечения. Некоторым поначалу достались тесные комнаты в коммунальных квартирах, но впоследствии, по мере роста темпов жилищного строительства при Хрущёве, они получили отдельные квартиры. А пенсионная реформа 1956 года расширила понятие трудового стажа, включив в него (по умолчанию) годы принудительного труда (47).

Восстановление этих преимуществ полноправного гражданства не было ни автоматическим, ни легким делом. Будучи осуждёнными «по закону», бывшие репрессированные нуждались и в официальном снятии обвинения, или «реабилитации», которую справки об амнистии и освобождении, как правило, не давали. Без этого статуса многие жертвы не могли получить «чистый» внутренний паспорт, дающий право на проживание в крупных городах, даже если они там жили до ареста. Обретение заветной справки о реабилитации, которая обычно фиксировала отсутствие состава преступления и которая должна была перечеркнуть их «тёмное прошлое» (или «тёмное прошлое» их погибших родственников), оборачивалось ещё одной бюрократической волокитой (48).

И здесь опять-таки проще было тем, кто мог рассчитывать на влиятельную поддержку. Активными «ходатаями» за пожилых коммунистов обычно выступали немногие избежавшие репрессий большевики «ленинской гвардии»: Григорий Петровский, Елена Стасова, Глеб Кржижановский и Вячеслав Карпинский. Все они были по-своему трагическими фигурами. Некогда близкие соратники Ленина, они оказались свидетелями того, как большинство их (и его) товарищей, в невиновности которых они были уверены, были объявлены предателями, убийцами, саботажниками и казнены. Мы можем только догадываться, какие смешанные чувства – страха, облегчения, вины – терзали их всю долгую жизнь на свободе при Сталине.

Судьба Григория Петровского была особенно трагичной. Оба его сына были убиты в 1941 году: старший, бухаринский соратник Пётр, был расстрелян в провинциальной тюрьме вскоре после германского вторжения, а младший, командир

Красной армии, погиб на фронте. Их мать Доменика, не вынеся потери, скончалась месяц спустя от сердечного приступа. Сам Петровский ещё до этих событий имел «жёсткий» разговор со Сталиным, после которого был смещен с поста председателя ЦИК Советской Украины. Он оставался одиноким и безработным, до тех пор пока старый друг, директор московского Музея революции, не устроил его к себе заместителем.

Эту должность Петровский бессменно занимал – если не считать военной поры, когда он сопровождал в эвакуацию тело Ленина – до смерти Сталина, по мере сил стараясь помогать овдовевшей невестке и маленькому внуку. Сталинские власти не разрешили им жить вместе с Петровским, поэтому он нашёл им временное пристанище в провинциальном детском доме, куда невестку взяли учителем, а внука – воспитанником. В конце концов, Петровский сумел забрать их обратно в Москву, где они получили комнату и где будущий историк и диссидент Леонид Петровский пошёл учиться на токаря (49). После сталинской смерти Григорий Петровский, вернув свой статус одного из «ближайших ленинских соратников», начал помогать вернувшимся из Гулага коммунистам получать справки о реабилитации и льготы.

Свои высокопоставленные ходатаи были и у репрессированных деятелей культуры. За них хлопотали сумевшие избежать террора известные писатели, такие, как Илья Эренбург, Константин Симонов, Александр Твардовский и даже – до своего самоубийства – бывший сталинский литературный комиссар Александр Фадеев. Не меньшее значение имела посмертная реабилитация крупнейших представителей советской культуры, погибших в годы террора, так как их статус «врагов народа» накладывал запрет и на их выдающиеся, новаторские произведения.

Так было в случае с театральным режиссером Всеволодом Мейерхольдом, рассказ о пытках которого приведён в начале этой книги. В 1955 г. ходатайство о его реабилитации попало в руки нового прокурора Бориса Рязжского. Молодой, неопытный идеалист Рязжский к тому времени уже пережил потрясение, когда пересматривал следственные дела видных политических жертв репрессий, в том числе, когда увидел кровь на страницах собственноручно подписанного признания одного из заключённых. Дело Мейерхольда, однако, подразумевало

знание культурного мира 1920-х годов, о котором Ряжский не имел никакого представления. Результатом его отчёта, в итоге, стала не только полная реабилитация Мейерхольда, но и открытие для себя тех, по большей части ещё запретных лет, сделанное с помощью Эренбурга и других уцелевших творческих деятелей той эпохи (50).

Чтобы преодолеть ведомственную оппозицию своей реабилитационной политике, Хрущёв дал Ряжскому и ряду других молодых прокуроров «зелёную улицу», открытый доступ к любой информации в особых делах. Однако большинство сталинских жертв, живых и мёртвых, не были столь выдающимися или удачливыми. Для них обретение заветной бумажки оставалось длительным, мучительным процессом, часто зависевшим от воли бездушного чиновника. Тем не менее, за десять лет правления Хрущёва (1954–1964) от 700 до 800 тысяч жертв сталинских репрессий были официально реабилитированы (51). Миллионам других пришлось ждать ещё двадцать лет – до прихода нового советского лидера-реформатора.

* * *

По сравнению с двумя последующими десятилетиями, хрущёвское руководство благоволило бывшим репрессированным, но отношение к ним снизу, со стороны бюрократического аппарата и общества, было далеко не однозначным. Среди чиновников встречались те, кто сочувствовал сталинским жертвам и оказывал поддержку, но многие смотрели на вчерашних зеков «с подозрением». Партийное начальство называло реабилитацию «тухлой» и не доверяло людям с «нечистым» прошлым. (Особенно «нечистыми», в их глазах, были уцелевшие родственники основателей Советского государства, заклеянных Сталиным архиврагами народа, в том числе вдова и дети Бухарина и дочь Рыкова Наталья.) «Клеймо снято, а пятно осталось», – эти слова одного чиновника, обращенные к реабилитированному зеку, вероятно, выражали позицию многих (52).

Эти партийные и государственные функционеры ставили препоны на всём пути их возвращения, от освобождения до реабилитации. Даже в тех случаях, когда закон был на стороне зеков, бюрократы зачастую отказывались выдавать им необ-

ходимые документы, суды выносили решения не в их пользу, государственные чиновники отклоняли их обращения, академические начальники тормозили их исследования, а секретари парткомов наказывали издателей, одержимых «манией борьбы за справедливость». Какой бы ни была политика хрущёвского руководства наверху, чиновники внизу обладали достаточными административными полномочиями, чтобы чинить вред. Один бывший зек настолько отчаялся найти работу, что попытался снова попасть в Гулаг, а поэт Анна Баркова, и так отсидевшая два срока, была отправлена обратно единственно из чиновничьей вредности (53).

Реакция общества также не была единодушной. Вернувшиеся зеки рассказывали много случаев проявления радушия и участия к ним, причём не только со стороны друзей и близких, но и посторонних людей, которые давали им приют, одежду, еду, деньги. Нарождающаяся либеральная интеллигенция и образованные молодые люди видели в них «нечто романтическое», «факелоносцев правды и чистоты» и принимали, «как героев» (54). Так, упомянутая мною ранее нашумевшая публикация о Евгении Гнедине была озаглавлена «Герой поэмы».

Однако многие рядовые граждане отнеслись к бывшим зекам с нескрываемой враждебностью и подозрительностью — как, видимо, и много лет назад, когда их только арестовывали. Плисецкая вспоминала, как была потрясена, когда дворничиха, наблюдающая за арестом её отца, воскликнула: «Скорее бы вас всех перестреляли, сволочи проклятые, враги народа», — и это была не уникальная реакция. Сталин умер, но после десятилетий идеологической обработки, он остался жить, как тогда говорили, «внутри нас». Даже официальная реабилитация не могла оправдать бывших «врагов народа» в глазах людей, которые были уверены, что «дыма без огня не бывает». Усилению этих распространённых настроений после сталинской смерти во многом способствовал мощный всплеск преступности, сопровождавший массовую амнистию 1953 года (55). Разницы между освобождёнными уголовниками и политическими заключёнными многие советские граждане не видели.

Одна социальная группа имела все основания для опасений. К сталинскому террору, длившемуся почти четверть века, так или иначе были причастны миллионы людей — от партийно-государственных аппаратчиков, которые исполняли приказы

Сталина, и сотен тысяч, если не миллионов, сотрудников НКВД, которые арестовывали, охраняли, пытали и расстреливали жертв, до бесчисленной армии стукачей и охочих до клеветы добровольных доносчиков, ставших естественным порождением кровавой чумы. Миллионы других оказались причастны косвенно, унаследовав должности, квартиры, собственность, а иногда и семьи (жён и детей) своих сгинувших сограждан. Два поколения советских людей строили свою жизнь и карьеру, опираясь на последствия террора, который не только уничтожал людей, но и «портит живых» (56).

Конечно, были советские люди, которые, несмотря на всепроникающий и парализующий страх, противились соучастию в терроре. Были школьные учителя, которые переносили экзамены школьникам, психологически травмированным арестом родителей. Были многочисленные «прекрасные люди», как вспоминал Шатров, которые давали приют сиротам. Были начальники, которые брали на работу жён/мужей «врагов народа». Были жители маленьких городов и деревень, которые запечатывали в конверты и отправляли письма заключённых, в отчаянии нацарапанные ими и выброшенные из вагонов гугаговских поездов. Была женщина-врач, добровольно работавшая в госпитале на Колыме. Была вдова советского классика Максима Горького, Екатерина Пешкова, помогавшая заключённым, пока её благотворительную организацию не закрыли в 1938 году. Даже среди прокуроров, следователей и лагерных охранников встречались те, кто проявлял сочувствие к жертвам репрессий (57).

Было много заслуженных, занимающих высокие позиции деятелей науки и культуры, которые, с риском для себя, бросались спасать своих арестованных коллег. Их усилия обычно были тщетны, и частенько они сами становились жертвами, но не всегда. Физик-ядерщик Пётр Капица, сам ходивший по краю, обратился напрямую к Сталину, чтобы заступиться за своего юного протеже Льва Ландау. Оба учёных выжили и в 1960-е годы получили Нобелевские премии. Многие коллеги и друзья Льва Зильбера также ходатайствовали за него перед руководителями страны и самим Сталиным. С не меньшим риском для себя выдающийся биолог Владимир Энгельгардт, вероятно, спас жизнь Таниному отцу Александру Баеву. Благодаря покровительству Энгельгардта, вместо тяжёлых прину-

дительных работ Баеву было позволено работать в лагере врачом. В свою очередь, Баев как врач спас жизни многих других зеков (58).

Однако к 1956 году, когда возвращение из Гулага превратилось в массовый исход, стало очевидно, что в стране назревает глубокий конфликт между двумя группами населения – жертвами и палачами. Как провидчески писала Ахматова, чей сын был освобождён в том самом году, «теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Первые «дрожат за свои имена, должности, квартиры, дачи. Весь расчёт был: оттуда возврата нет» (59).

Повсеместные конфликты были неизбежны. Большинство освобождённых пассивно приняли государственную помощь, но значительное число жертв требовали большего – реальной компенсации, более крупных политических разоблачений, официального наказания виновных. Некоторые пробовали действовать, в том числе подавали иски в суд, а позднее организовывали публичные кампании по изобличению тайных агентов и информаторов Лубянки. Другие мечтали о мести в духе графа Монте-Кристо. В лагерях эта история из французской жизни начала девятнадцатого века многократно пересказывалась знаками для тех, кто роман Дюма не читал.

На деле, впрочем, мало кто решался на подобные крайности. Братья Рой и Жорес Медведевы выследили человека, в своё время написавшего донос на их отца. Теперь он был профессором того же самого Ленинградского университета, где учился Рой. Братья тайком изучили его карьеру и всюду следовали за ним по пятам, но – не более того. Александр Мильчаков вскоре после своего освобождения как-то оказался один у двери кабинета Лазаря Кагановича, близкого сподвижника Сталина в деле террора. Он хотел было ворваться к нему, но прошёл мимо. Их сдержанность не означала прощение. Лев Разгон утверждал, что ко времени возвращения из Гулага его ненависть, злость и желание мести прошли. Но 35 лет спустя, видя, как безжалостно преследует он палачей в своих произведениях, один наш общий друг вспомнил графа Монте-Кристо. К теме Монте-Кристо не раз возвращался в биографии своего отца и Камил Икрамов, которого один друг назвал «самым добрым человеком из встреченных мною в жизни» (60).

В то же время, некоторые жертвы считали, что «не виноват никто» – позиция, до сих пор дебатлируемая в современной России, – поскольку сталинский террор лишал людей выбора. Этот взгляд, возможно, помогает объяснить два нетипичных случая из истории террора и его последствий. В 1950-е годы между младшим сыном одной из главных сталинских жертв Юрием Томским и дочерью покойного диктатора Светланой возник короткий, но успевший наделать шума роман (61). Когда весть о нём дошла до кругов бывших гулаговцев, некоторые из них были возмущены поведением Томского, тоже бывшего зека.

Более долгие отношения связывали актрису Ольгу Аросеву с ещё одним ближайшим сообщником Сталина, Вячеславом Молотовым. Сначала юная Аросева не могла простить Молотову, что он бросил её отца, которого продолжал называть своим «очень близким другом», а также её саму, её сестру и мать. Но затем, благодаря тёплым отношениям с женой Молотова Полиной (читатели помнят историю с её арестом и ранним освобождением), Аросева его почти простила и пожелала ему долгих лет жизни. Когда 96-летний вдовец Молотов скончался в 1986 году, она помогала организовать его похороны (62).

Годы спустя я лично был свидетелем одного ещё более необычного примера прощения. В начале 1990-х годов мне удалось отыскать дочь человека, который в 1937 году допрашивал Бухарина в тюрьме на Лубянке, а позже сам был репрессирован и расстрелян. По обоюдному желанию двух женщин, я познакомил её с бухаринской вдовой, Анной Лариной. Перед встречей дочь следователя, которой было уже за шестьдесят, очень волновалась, но Анна Михайловна сразу же успокоила её словами: «Они оба были жертвы». Однако не следует делать обобщающих выводов из этого случая. Очень мало кому из бывших зек, помимо Лариной и её друзей Гнедина и Икрамова, которые «не хотели мести», не хотели, чтобы «дети и внуки палачей ... становились палачами или жертвами палачей», были свойственны подобные великодушие и отсутствие озлобленности. Гораздо больше было тех, кто разделял мнение Антонова-Овсеенко, что различие между «жертвами и палачами» является абсолютным и «вечным» (63).

По мере того как жертвы Гулага возвращались домой, их столкновения с палачами становились всё более частыми. Иногда жертвы сами искали этих встреч, стремясь оказаться лицом к лицу, к примеру, с 55-летним Александром Фадеевым, бывшим главой советского Союза писателей. Красивый, импозантный мужчина, некогда талантливый писатель, он служил, по его собственному выражению, «сталинским сатрапом», даже вошёл в состав ЦК партии, в то время как десятки писателей, которых он знал лично, сгинули в Гулаге. И вот теперь некоторые из них, внезапно вновь возникнув, искали с ним встречи.

Одни приходили просто в надежде на помощь. (Известно, что Фадеев, не входивший в число худших сатрапов Сталина, был способен на добрые поступки.) Однако хрущёвские разоблачения на XX съезде партии в феврале 1956 г. вынесли «суровый приговор» жизни Фадеева, и встречи с выжившими жертвами только усугубляли его. Вот, например, письмо, полученное им от одного писателя, который провел девятнадцать лет в Гулаге: «На днях я вернулся оттуда, откуда не все возвращаются... Сам я тоже, конечно, не тот уже Ванька Макарьев, которого ты знал, а больной и искалеченный старик» (64). Что именно заставило Фадеева выстрелить в себя в мае 1956 года, неизвестно. Одним из факторов был хронический алкоголизм, но и возвращение жертв сыграло свою роль.

Впрочем, чаще всего встречи носили характер случайных столкновений в публичных местах. Так, один бывший репрессированный упал замертво, столкнувшись лицом к лицу со своим бывшим следователем, зато другой в подобной ситуации увидел «страх смерти» уже в глазах своего мучителя. Одну бывшую доносчицу парализовало после встречи с жертвой. Неприятные встречи происходили в профессиональных учреждениях, где «возвращенцы» неизбежно сталкивались с коллегами, которые, как они знали, приложили руку к их аресту и которые (во всяком случае, некоторые из них) теперь занимали руководящие посты. Реагировали все по-разному: один бывший зек плюнул в лицо доносчику, другой отказался пожать руку, третий сделал вид, что не узнал (65). Таковы последствия возвращения жертв террора на низовом уровне, но нечто подобное происходило и в верхах советской политической системы.

Нельзя не обратить внимания ещё на одно важное последствие «великого возвращения», имевшее ту же политическую направленность. Даже в условиях жесткой, карательной цензуры жизненные испытания такой глубины и значимости неизбежно должны были найти художественное воплощение. Стихийное просачивание так называемой «лагерной темы» из недр советского общества сначала в неофициальную, а затем и в официальную культуру было одним из важных процессов, характеризующих хрущёвскую оттепель. Изучаемая сегодня гораздо шире, чем в конце 1970-х – начале 1980-х годов, когда я впервые познакомился с ней в Москве, гулаговская культура охватила самые разные области, от языка, музыки и литературы до живописи и скульптуры.

Зеки, возвращавшиеся из «малой зоны», как они называли лагерный архипелаг, в «большую зону» советского общества, несли с собой особый жаргон, принятый в Гулаге, но запрещённый к употреблению в публичной речи при Сталине. Некоторых коробила его грубость и очевидная романтизация блатного мира, но я слышал, как эти выражения буднично звучали в речи многих москвичей, особенно интеллектуалов и молодых людей. (Вскоре появились целые словари этого языка.)

Распространению гулаговской лексики способствовали также блатные песни, которые, по выражению наблюдателя, «шагали вслед за реабилитированными в города». Их исполняли или адаптировали популярные барды, в числе которых были и сыновья жертв террора Булат Окуджава и Юлий Ким. Ни одной из песен в те годы не удавалось миновать официальной цензуры, но благодаря «магнитофонной революции» молодёжь без опыта непосредственного соприкосновения с террором распевала и песни Кима о «стукачах», и строчки типа «Будь проклята ты, Колыма, / Откуда возврата уж нету» (66). (Кстати, одно музыкальное возвращение имело официальный эффект. «Реабилитируем саксофоны», – заверил джазмена Эдди Рознера министр культуры.) (67).

Визуальное искусство, в отличие от языка и музыки, было менее портативным, а значит, его проще было запретить. Но,

судя по тому, что я сам видел и слышал, уже в те годы немалое количество картин, графики и даже скульптур на тему Гулага можно было увидеть на закрытых выставках в квартирах, студиях или, как в одном случае, на лужайке перед домом зека, оставшегося жить в Сибири (68). В техническом и жанровом отношении эти работы – практически все они были выполнены самими бывшими зеками – отличались значительным разнообразием: от больших масляных холстов, изображающих аресты и лагерный быт, до мелких карандашных зарисовок истязаний нагих женщин-заклужённых. Ефросинья Керсновская проиллюстрировала рисунками едва ли не каждый эпизод своих объёмных мемуаров о жизни в лагерях и после. О существовании подобного искусства в определённых кругах было известно уже на рубеже 1960–70-х годов, однако первые публичные выставки, состоявшиеся в конце 1980-х годов, стали сенсацией (69).

Одновременно свои переживания бывшие зеки начали излагать в прозе и поэзии. В основной своей массе эта литература оставалась частью андеграундной, или «катакомбной», культуры до времён Горбачёва – но не вся. Небольшой ручеёк произведений на гулаговскую тему, центральное место в котором занимал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, просочился в официальную печать уже вскоре после знаменитой речи Хрущёва 1956 года – задолго до того потока, который хлынул после его же антисталинистских разоблачений конца 1961 года. К середине 1960-х годов лагерная литература выросла в особый, мощный жанр, ставивший ребром нелегкие вопросы о прошлом и настоящем страны – о её «страшной и кровоточащей ране», как признала даже советская правительственная газета (70).

Ни одно из этих социальных явлений, имевших место после 1953 года, не может быть понято в отрыве от того, что по-прежнему являлось жестко-репрессивной политической системой. Чтобы иметь более заметное влияние на общество, эти процессы должны были быть инициированы на самом верху. В то же время, социально-культурное измерение возвращения жертв сталинизма было таково, что оно создавало давление «на нижних этажах», которое требовало от «верхних этажей» реакции более радикальной, чем замечания Хрущёва на пар-

тийном съезде. Но даже эти осторожные разоблачения породили, как показали позже архивные документы, «стихийную волну протеста и надежды, мольбы и веры в восстановление поправленной справедливости». Когда же в начале 1960-х годов ожидаемая реакция последовала, этот «гул подземных пластов» (Солженицын) оказался важным фактором в развернувшейся политической борьбе, определившим не только её причину, но и глубину противоречий между сторонами (71).

Глава 4

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ «ХРУЩЁВСКИХ ЗЕКОВ»

Это он, Хрущёв, открыл и Якира, носился с ним, поощрял его. Он открыл и поднял Солженицына – этого подонка общества.

Михаил Соломенцев, заседание Политбюро, 1972 год

Солженицын сидел в своё время в тюрьме, отбывал наказание за грубое нарушение советского законодательства и был реабилитирован. Но как он был реабилитирован? Его реабилитировали два человека – Шатуновская и Снегов.

Леонид Брежнев, заседание Политбюро, 1974 год

Александр Солженицын, описавший свой лагерный опыт в романе, который принёс ему Нобелевскую премию и мировую известность, был не единственным из выживших обитателей «Архипелага», кто заслуживает нашего внимания. Мало кто знает, но при Хрущёве вернувшиеся из Гулага зеки играли значительную роль в политике. Некоторые из них серьёзно повлияли на политику Кремля и тем самым помогли спасти жизни тысяч других жертв террора.

Правда, в отличие от ряда других коммунистических стран, в Советском Союзе ни один из деятелей, переживших репрессии и чистки, не вернулся в политическое руководство страны. Об этом задолго позаботился Сталин, уничтожив всех, кто потенциально мог это сделать. Только Александр Мильчаков, в своё время возглавлявший всесоюзный комсомол, мог бы претендовать на высокое политическое назначение, но сердечный приступ в 1956 г. оборвал эти ожидания. Ряд «возвращенцев» получили должности в руководящем аппарате пар-

тии, но в основном в низовых звеньях – то ли по состоянию здоровья, то ли потому что «пятно осталось». Некоторым, по их словам, доверяли, но, как Вилли Ломану из пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера», – не вполне доверяли (1).

Многие бывшие зеки, тем не менее, сумели по возвращении занять номенклатурные посты, некоторые даже выбились в *начальники*. Среди них были маршал Рокоссовский и несколько генералов, покоритель космоса Королёв, академик Баев. Другие возглавили престижные академические институты, в частности, экономики и мировой литературы. Директор ИМЛИ Борис Сучков, например, был не только бессменным главой института с 1966 года до своей смерти в 1974 году, но и членом-корреспондентом Академии наук и лауреатом Ленинской премии. Даже директором музея легендарного крейсера «Аврора» был бывший зек Борис Бурковский, знакомый Солженицына по Гулагу (2). В 1970-е годы я часто спрашивал своих знакомых разных профессий, есть ли среди их начальства кто-то, кто сидел при Сталине, и многие отвечали утвердительно.

Но наиболее важную политическую роль играла немногочисленная группа бывших гулаговцев, неожиданно объявившаяся близ центра кремлевской власти. Ольга Шатуновская и Алексей Снегов до репрессий были партийными руководителями среднего уровня, а Валентина Пикина – секретарем ЦК комсомола. Освободившись одними из первых, в 1953–1954 годах, они, теперь пятидесятилетние, благодаря личным связям с Хрущёвым и его ближайшим союзником Микояном, быстро оказались в окружении двух лидеров.

В 1970-е годы, когда я начал заниматься этим проектом в Москве, Шатуновская и Снегов уже давно были не у дел, но продолжали оставаться легендарными фигурами в кругу бывших гулаговцев из числа моих знакомых. О них говорили, иногда с выражением личной признательности, как о героях, даже спасителях. Оба в дальнейшем стали ценными источниками для бесцензурных книг об истории террора, написанных Роем Медведевым и Антоном Антоновым-Овсенко. Вместе с Пикиной и некоторыми другими их называли «хрущёвскими зеками», причём этот термин был в ходу как у сторонников, так и у ненавидевших их противников Хрущёва.

Было очевидно, что Хрущёв с Микояном доверяют этим недавно реабилитированным «врагам народа» больше, чем сталинистам, которые продолжали доминировать в партийно-государственном аппарате. В 1955 году по личному распоряжению Хрущёва Шатуновская и Пикина заняли должности в КПК – Комитете партийного контроля ЦК, главном юридическом органе партии, осуществлявшем надзор за процессом реабилитации. Снегов и ещё один «возвращенец», Евсей Ширвиндт, оказались в руководстве Министерства внутренних дел, которому подчинялся Гулаг (по определению сына Хрущёва, Снегов был «комиссаром» его отца в МВД), а Александр Тодорский, бывший до лагеря офицером, получил звание генерал-лейтенанта и «брошен» на реабилитацию жертв сталинского террора в армии (3). Другие реабилитированные гулаговцы, как мы видели ранее, вошли в состав выездных комиссий по освобождению, направленных в 1956 году в лагерь.

Шатуновская и Снегов были самыми влиятельными и самыми «неукротимыми», как выразился о Шатуновской один писатель, из всех «хрущёвских зеков». Оба прожили долгую жизнь: Снегов умер в 1989 году, Шатуновская годом позже, – но при этом остались малоизвестными персонами. О Снегове сохранились лишь устные рассказы и несколько фрагментарных мемуаров и архивных документов (4). Больше информации имеется о Шатуновской. Известно, что при Горбачёве она сама публично рассказала часть своей истории. После её смерти семья опубликовала мемуары, которые она тайком наговорила на магнитофонную ленту, а её друг, Григорий Померанц, независимый философ и сам бывший репрессированный, написал книгу о её жизни и деятельности. В ней Шатуновская представлена, пускай несколько необъективно, «одной из самых замечательных женщин в политической истории России» (5).

В частных беседах и в переписке Шатуновская и Снегов, как позже вспоминали сыновья Хрущёва и Микояна, «открыли глаза» обоим лидерам на масштаб и ужасы сталинского террора. В силу той роли, которую они играли, «Снегов и Шатуновская, – писал сын Хрущёва, – стали первыми в российской истории уполномоченными высшей властью наблюдателями за соблюдением того, что сейчас называют «правами

человека»» (6). Это они, два бывших зека, вставших на сторону Хрущёва, подтолкнули его издать указ о немедленном освобождении ссыльных, а затем помогли убедить нового партийного лидера выступить на XX съезде с его исторической антисталинской речью. И они же впоследствии, настаивая, что «иначе люди умрут», уговорили Хрущёва и Микояна послать «разгрузочные» комиссии непосредственно в лагеря (7).

Это было только начало. Позже, когда вокруг десталинизации в правящих кругах развернулась нешуточная борьба, Шатуновская со Снеговым понадобились Хрущёву и Микояну, чтобы служить им «глазами и ушами» (8), а, возможно, также и совестью. Как я уже пояснял, среди сталинских наследников не было никого, на ком не лежала бы ответственность за тысячи загубленных жизней, но раскаявшимися сталинистами стали только Хрущёв с Микояном. (Я не нашёл сведений о том, что другие – Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков – делали что-то, чтобы помочь уцелевшим репрессированным после смерти Сталина, не считая, конечно, освобождения Молотовым собственной жены.)

О Микояне, маленьком армянине с большими усами, не лишенном, по отзывам, способности сострадать, вспоминают обычно как о функционере, служившем при всех советских лидерах, от Ленина до Брежнева. Но его усилия в деле освобождения и реабилитации жертв террора после смерти Сталина также заслуживают внимания. Как старший член нового руководства, Микоян поддержал и даже подталкивал Хрущёва в его антисталинских инициативах, предприняв, в свою очередь, ряд своих. Так, во время открытых заседаний XX съезда, ещё до знаменитой речи Хрущёва, он, единственный из всех выступающих, назвал по имени, чем фактически оправдал, нескольких репрессированных деятелей, включая Владимира Антонова-Овсенко, отца Антона. Кроме того, он был председателем самой первой комиссии по реабилитации и курировал возвращение ряда депортированных народов.

В частном порядке Микоян проявлял даже большую активность, лично и подчас по своей инициативе выступая в поддержку многих жертв, не зависимо от их прошлой политической принадлежности. Среди них были бывший сталинист Мильчаков и дети ведущих сталинских оппозиционеров Бухарина и Рыкова; Булат Окуджава и его мать, которую Микоян

когда-то знал лично; юная Елена Боннер, будущая жена Сахарова, а также уцелевшие жертвы последнего из актов террора, «ленинградского дела», к которому был серьёзно причастен действующий и всё ещё влиятельный член руководства Маленков (9).

Тот факт, что Микоян иногда лично встречался с родственниками жертв, к аресту которых он сам приложил руку (сын Бухарина Юрий Ларин был в их числе), говорил, по всей видимости, о его потребности в прощении. (Возможно, здесь сыграло свою роль и не покидающее его чувство вины за то, что не сумел предотвратить арест двух собственных сыновей.) Этим же, возможно объяснялась и его дружба с бескомпромиссной Шатуновской. Один случай личного вмешательства Микояна особенно впечатлил «возвращенцев». Престарелый Михаил Якубович после освобождения из лагеря остался без жилья и средств к существованию. Не сумев, как в других случаях, добиться его реабилитации в Москве, поскольку Якубович был членом антиленинской партии в 1917 году, Микоян устроил ему прописку и пенсию в Советском Казахстане. Подобные поступки, по мнению некоторых, говорили, что Микоян был сталинистом, наиболее мучимым совестью (10).

Не зависимо от степени личного раскаяния, Микоян мало что мог бы сделать, не сыграв Хрущёв свою, гораздо более значимую роль. Принято считать, что антисталинизм Хрущёва носил исключительно прикладной характер, что это была не более чем тактика в его борьбе за власть с другими наследниками Сталина. Да, действительно, Хрущёв использовал сталинскую тему, порой выборочно и непоследовательно, в борьбе за личную власть. Но само по себе это обстоятельство не может объяснить, почему Хрущёв сделал антисталинизм такой важной и неотъемлемой частью своего десятилетнего пребывания у власти. Не являются объяснением также страдания его собственной семьи, из всех членов которой «только» его невестка, как подчёркивал Хрущёв, была репрессирована и оказалась в Гулаге. (Немудрено, что Молотов был потрясен внезапным поворотом в своей судьбе: «Я думал, что он будет тем же человеком, каким был».) (11)

Конечно, одной политикой невозможно объяснить ни серьёзный риск, на который Хрущёв шёл, открыто разоблачая преступления власти, ни его чрезвычайные инициативы, касав-

шиеся судьбы уцелевших жертв репрессий. Борьба за власть не требовала от него, к примеру, обнародовать такое количество деталей этих кровавых преступлений; назначать на высокие посты бывших зеков, даже тех, перед кем он лично был виноват; давать полномочия Ряжскому и другим молодым прокурорам опротестовывать сфабрикованные дела; определять детей жертв, вроде Леонида Петровского или Петра Якира, в престижные академические институты или защищать их, как писателя Василия Аксёнова, от своих же подчинённых. На самом деле на свой антисталинизм Хрущёв истратил больше политического капитала, чем приобрел в итоге – как было, к примеру, в 1961 году, когда он фактически принудил членов Политбюро и ЦК принять его решение о публикации солженицынского «Ивана Денисовича» (12).

Автор лучшей западной биографии Хрущёва называет его речь на XX съезде, изобличающую сталинские преступления, «самой смелой и самой безрассудной вещью из всех, что он сделал», и задается вопросом: «Хотел ли он [таким образом] укрепить свою власть или успокоить остатки совести?». В частных беседах Хрущёв часто говорил о своей совести. О том, что слышит «голоса погибших товарищей» и надеется, что люди, совершившие преступления, найдут в себе силы признать это, а когда признают, это принесет им снисхождение, если не оправдание. Ещё более откровенен он был с Михаилом Шатровым, признаваясь: «У меня руки по локоть в крови... Это самое страшное, что лежит у меня на душе». Годы спустя после его отставки он всё ещё надеялся «умереть честным человеком» (13).

Жертвы террора, знавшие Хрущёва, или те, кто хотел его понять: Солженицын, Якир, Шатуновская, Антонов-Овсеенко, Медведев, Айхенвальд, Копелев, Шатров, Анна Ларина и другие, – полагали, что его решение об изобличении преступлений сталинской эпохи можно объяснить только «душевным движением». Многие также были уверены, что толчком к его нравственному пробуждению стало влияние «хрущёвских зеков». (Померанц называл Шатуновскую «серым преосвященством» Хрущёва.) Как иначе, подчёркивали они, объяснить выдвинутое им на съезде в 1961 году удивительное предложение о сооружении национального мемориала в память о жертвах сталинских репрессий – мемориала, которого нет в стране и по сей день? (14).

Изобличение преступлений сталинской эпохи, в которых была замешана часть руководства, не раз за десять лет приводило Хрущёва к конфликтам с влиятельными оппонентами, и всегда определённую роль в них играли его зеки. Когда он инициировал судебные процессы над Берией и другими руководителями сталинской госбезопасности в 1953–55 годах, выжившие жертвы, в том числе Снегов и Пикина, предстали перед судом, чтобы дать показания. В основном это были постаревшие, всеми забытые или вовсе неизвестные жертвы, но когда Берия увидел Снегова, которого знал до его ареста в 1939 году, он оторопел: «Ты ещё жив!» (15)

Тремя годами позже, когда Хрущёв тайне готовил свою политическую бомбу для XX съезда партии (опять при поддержке, в том числе моральной, Снегова), он позаботился о том, чтобы какое-то количество освобожденных зеков были приглашены и заметны в зале среди остальных 1400 делегатов. (Сколько именно делегатов-гулаговцев было на съезде, неясно. По некоторым данным, Хрущёв намеревался пригласить сто человек, но оппозиция так сильно возражала, что они со Снеговым были вынуждены сократить список чуть ли не до десяти.) Внезапное появление этих давно пропавших без вести, скорее всего погибших товарищей вызвало среди делегатов, как рассказывал мне тридцать лет спустя один из них, настоящий «шок». А когда в следующем, 1957 году Хрущёв пошёл на открытое столкновение с попытавшимися свергнуть его нераскаявшимися сталинистами в ЦК: Молотовым, Кагановичем, Маленковым и Ворошиловым, — Шатуновская и Снегов снабдили его свидетельствами их личного участия в сталинских преступлениях.

В двух последующих случаях Хрущёв сделал ставку на то, чтобы общество услышало голоса уцелевших жертв террора. В октябре 1961 года он пошёл в публичное наступление на упорно не желавший сдаваться культ личности Сталина, убрав тело деспота из ленинского Мавзолея, где оно находилось с 1953 года. Чтобы обеспечить видимость спонтанной инициативы, он позаботился, чтобы ещё одна бывшая репрессированная, старая большевичка и друг Ленина Дора Лазуркина, внесла соответствующую резолюцию на заседании съезда. Перед этим она обратилась к делегатам: «Вчера я советовалась с Ильичём, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал:

“Мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии”». Той же ночью тело Сталина было вынесено из Мавзолея. (Молотов не простил этого Лазуркиной, обозвав её годы спустя «ведьмой».) (16).

Чтобы подкрепить свои разоблачения и доказать обоснованность освобождения миллионов жертв массового террора, Хрущёву также было необходимо развенчать миф о сталинском Гулаге как об «исправительно-трудовом учреждении». И он сделал это, разрешив в 1962 году публикацию солженицынского рассказа «Один день Ивана Денисовича». Неприкрашенный рассказ бывшего зека о жизни в лагере, пересыпанный лагерной лексикой и исполненный писательского мастерства, с очевидностью показал всю жестокость Гулага и невиновность его политических жертв. Мои знакомые «возвращенцы» позже вспоминали свою реакцию на сенсационную публикацию рассказа. Наконец-то, думали они, правда вышла наружу, и от неё уже не отмахнуться. Но они были правы лишь наполовину.

В начале 1960-х годов вернувшиеся из лагерей бывшие репрессированные способствовали десталинизации ещё в одном важном отношении. Споры вокруг прошлого часто становятся горячим материалом для политики, но редко этот процесс достигает такого накала, как в советские 1950–60-е годы, когда сталинская эпоха была ещё «живой историей» для большинства советских граждан. Их понимание её определялось десятилетиями самопожертвования и фальшивой официальной историей, которая держалась на цензуре и репрессиях. Согласно этой официальной версии, Сталин в советской истории – это череда непрерывных великих достижений страны, от коллективизации и индустриализации до победы над нацистской Германией и последующего превращения в супердержаву. Постсталинские элиты были продуктом той эпохи, она обеспечивала легитимность их власти и привилегий, поэтому они были решительно настроены «защищать прошлое, защищая себя», как убедился вскоре молодой писатель (и сын репрессированного) Юрий Трифонов (17).

Однако масштабы, в которых происходило возвращение людей к жизни, как заметила со своего высока даже дочь Сталина, были неопровержимым свидетельством параллельного существования, наряду с историей великих побед, истории не

менее великих преступлений. Многие вернувшиеся хранили молчание, но не все. Эти другие, как и предвидел Хрущёв, рассказывали «родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как всё было». Так, в московский академический институт отечественной истории из лагерей вернулись примерно 10–12 человек, которые откровенно говорили о том, что пережили. Для слушателей, в особенности молодых людей, «их свидетельства проливали новый свет на события» (18).

В идейном отношении большинство жертв оставались в 1950–60-е годы преданными сторонниками Советской власти, винившими в своих бедах преимущественно Сталина. Их опыт, тем не менее, способствовал пересмотру истории, необходимому для хрущёвской политики реформ. Но были среди них и представители репрессированных несоветских традиций. Старый меньшевик Михаил Якубович и эсерка Ирина Каховская, например, жаждали справедливости в отношении своих убиенных товарищей. Солженицын, отец Дудко и Гумилёв отстаивали более ранние российские религиозные и националистические ценности. А мой друг, бывший троцкист Михаил Байтальский хотел оправдать не только своих партийных товарищей, но и свои иудейские корни.

Подобно жертвам Холокоста, многие из тех, кто пережил сталинские лагеря, писали свои, не совпадающие с официальной историей, мемуары о ГУлаге, потому что «Это не должно повториться», как озаглавил свою рукопись Сурен Газарян. Анна Ларина, например, начала писать свои воспоминания в 1960-е годы, работая над ними втайне много лет, прежде чем в конце 1970-х отдать готовые главы мне на хранение. Некоторые из этих ценных свидетельств истории двадцатого века, как, например, книга Гнедина «Катастрофа и второе рождение», до сих пор существуют только на русском языке, но другие доступны в английском переводе, в том числе «Незабываемое» Лариной, «Крутой маршрут» Гинзбург, упомянутые ранее три книги Копелева, «Непридуманное» Разгона и «Тетради для внуков» Байтальского.

Для этого старшего поколения гулаговцев писать правду о Сталине, говоря словами Антонова-Овсеенко, это был «долг перед всеми погибшими от его руки. Перед теми, кто пережил ночь. Перед теми, кто придёт после нас» (19). (Самым монументальным продуктом этого морального долга был, конечно,

«Архипелаг Гулаг» Солженицына.) Что касается детей сталинских жертв, у которых вся жизнь была ещё впереди, перед ними вставал непростой вопрос о выборе собственного будущего в советской системе. (Аксёнов и Боннер последовали советам своих матерей идти в медицину, поскольку «врачам в лагерях было проще выжить».) Имея перед глазами пример жизни своих родителей, большинство предпочли отставить в сторону прошлое и выбрать политический конформизм. Для них «самым ценным в жизни стали семья и работа» (20). Так, из известных, Святослав Фёдоров, чей отец вернулся, отсидев семнадцать лет в Гулаге, стал в 1960–70-е годы пионером в области глазной хирургии, изобретая революционную методику оперативного лечения катаракты, глаукомы и близорукости.

Действительно, многие дети жертв репрессий сделали успешную партийно-государственную карьеру. Одного такого молодого карьериста писатель Анатолий Рыбаков встретил в начале 1960-х годов во время своей поездки по Сибири, где искал следы сталинского террора. Вся «кулацкая» семья этого молодого человека была сослана в эти края и частично погибла, не выдержав суровых условий. Сам же он остался в Сибири, стал секретарем райкома комсомола и ожидал повышения – перевода на партийную работу в Москву. Брат его и сестра также успешно двигались по советской карьерной лестнице. Обиды на власть, как писал Рыбаков, они не чувствовали (21).

Более примечательным является «феномен Петра Машерова», чей отец умер в лагере в 1938 году. Сам Машеров, будучи главой компартии Белоруссии и кандидатом в члены союзного Политбюро, на протяжении 15 лет, с 1965 года и до своей смерти в автомобильной катастрофе в 1980 году, входил в состав правящей элиты Советского Союза. Но и в этом случае, говорят нам, нет ничего удивительного в том, «что сын незаконно репрессированного Советской властью (реабилитированного в 1959 году) человека мог быть искренним и убеждённым сторонником этой самой власти... Таковы были и время, и люди, выкованные в горниле 1930–1940-х годов» (22).

Но не все дети жертв пошли по конформистской стезе, некоторые последовали примеру ищущих правды старших товарищей. Братья Рой и Жорес Медведевы и Антонов-Овсенко начали собирать материал для своих исторических исследований, изобличающих деспотическую роль Сталина. Юрий Три-

фонов, Леонид Петровский, Юрий Гастев, Пётр Якир и Камил Икрамов писали биографии своих пострадавших отцов. (Большинство делали это из сыновьего долга, а Гастев взялся за это, после того как в прокуратуре ему сказали, что это лучший способ добиться реабилитации отца.) Между тем, группа детей расстрелянных генералов, ратующих за «восстановление исторической правды», собирали документы для музеев и школ в различных городах (23).

Лишь малая часть этой исторической правды могла быть опубликована в СССР во время и сразу после хрущёвской оттепели. Но наружу, наряду со всё более откровенными литературными описаниями, не только солженицынскими, вышло достаточно, для того чтобы напугать всю чиновничью братию. Становилось понятно, что власть и привилегии, как минимум, одного поколения этих чиновников были также результатом политики террора в отношении миллионов их сограждан. Неудивительно, что они «боялись Истории» (24).

* * *

Антисталинизм был одновременно силой и слабостью хрущёвского руководства. Обличение преступлений власти придавало моральное измерение другим его инициативам и способствовало прогрессивным переменам. Социальные нужды, которые испытывали «возвращенцы», к примеру, ускорили осуществление реформ в области соцобеспечения и права. Кроме того, антисталинизм хрущёвского руководства вдохновил новое, реформаторское, поколение советских интеллектуалов и партийно-государственных деятелей. Некоторые из них, как молодой прокурор Рязский, сыграли свою роль немедленно. (Сын Николая Вавилова был так признателен прокурору за реабилитацию отца, что много лет спустя разыскал его, к сожалению, лишь для того, чтобы узнать, что старик совсем утратил память.) (25). Другие, получившие название «шестидесятники» и считавшие себя «детьми XX съезда», постепенно продвигались по этажам советской системы. Их черёд, под руководством Михаила Горбачёва, наступил на тридцать лет позже.

Но хрущёвские разоблачения одновременно вызвали к жизни и мощную оппозицию его политике. Угроза, которую пред-

ставляли преступления прошлого, нависла не только над ближайшими сподвижниками Сталина, теми, кто подписывал расстрельные списки – Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Маленковым, – но и над множеством менее значимых фигур с пятнами крови на биографии. Среди этих последних были и два близких к хрущёвскому кругу деятеля: первый постсталинский глава КГБ, генерал Иван Серов, имевший непосредственное отношение к депортациям народов в годы войны, а позже – к печально знаменитой пыточной тюрьме, и будущий главный идеолог партии, один из наиболее могущественных и реакционных политических олигархов брежневской эпохи, Михаил Суслов.

Их попытки саботировать хрущёвскую политику возвращения и реабилитации жертв террора нашли яркое отражение в мемуарах Шатуновской (26). Когда Хрущёв и Микоян распорядились освободить ссыльных, Маленков и Суслов не давали хода этому указу, пока Шатуновская не пожаловалась Микояну, а тот не поставил в известность Хрущёва. Маленков, Суслов и другие пытались также повлиять на состав выездных комиссий по освобождению узников Гулага. Оппоненты Хрущёва ненавидели его зеков, отныне бывших «в моде», особенно Шатуновскую, которая использовала свою позицию в КПК не только для того, чтобы принимать прошения о реабилитации, но и чтобы активно ходатайствовать за них. Агенты Серова следили за ней, перехватывали её почту, прослушивали телефоны и пытались «изолировать», поскольку она «очень плохо влияет на Никиту Сергеевича». А когда Хрущёв включил Шатуновскую в состав комиссии по расследованию преступлений сталинского времени, доверив ей допрашивать Молотова, Кагановича и других, они протестовали против того, чтобы «бывшие каторжники судили нас» (27).

Сталинисты, точнее неосталинисты, сдаваться не собирались. Хрущёв назначил главой нового Комитета государственной безопасности своего давнего друга генерала НКВД Серова, но был вынужден сместить его. Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку уйти от ответственности классическим способом: председательствуя на заседаниях комиссии, где расследовались преступные эпизоды с их участием. Когда это не удалось, они попытались лишить ожидаемого эффекта речь Хрущёва на XX съезде, а затем ослабить её последствия.

Их агенты, между тем, прочёсывали секретные архивы партии и НКВД в поисках документов, подтверждающих участие в терроре самого Хрущёва, одновременно уничтожая те, что демонстрировали их вину. (То же самое, только в пользу Хрущёва, делали его представители.) (28) А когда и это не сработало, они совершили в 1957 году попытку сместить Хрущёва, едва не увенчавшуюся успехом.

У этих людей были все основания страшиться «судного дня» (29). По мере того как споры о прошлом становились всё более острыми, стали возникать вопросы о судебной ответственности верхушки руководства, подобные тем, что десятилетиями раньше официально прозвучали на Нюрнбергском процессе. Избежать сравнения было нелегко. В Нюрнберге, где судили преступления против человечности, Советский Союз был одной из стран, представляющих обвинение. (Назначенный Хрущёвым новый генеральный прокурор СССР Роман Руденко был главным обвинителем на процессе.) И теперь, когда так много узников Гулага вернулись и заговорили о том, что они там пережили, аналогия между репрессиями сталинского времени и Холокостом становилась всё более очевидной.

Когда в 1953–55 годах одни сталинские преемники судили и казнили других («бериевскую банду»), они попытались максимально сузить дело. Судебные заседания были закрытыми, Берия был фальшиво обвинён в измене и шпионаже, а его преступления объявлены делом исключительно его рук, к которым прочие наследники Сталина отношения не имеют. Но даже тогда обвинение в «преступлениях против человечности» было выдвинуто, по крайней мере, в одном случае, а присутствие бывших гулаговцев в качестве свидетелей говорило о реальности чудовищных преступлений. (Благодаря архивным стараниям неутомимого Никиты Петрова, мы сегодня знаем больше о тех тайных судебных процессах и данных на них свидетельских показаниях.) В 1956 году отклики на доклад Хрущёва на XX съезде показали, что эта проблема готова была вот-вот выйти на поверхность. На партийных собраниях в низовых организациях звучали, правда, тут же пресекаемые, вопросы об ответственности всего руководства, включая Хрущёва, за то, что произошло (30).

Тем не менее, вскоре Хрущёв перешёл ещё один рубикон, хоть и снова за закрытыми дверями. На пленуме ЦК в июне

1957 года он и его сторонники устроили своего рода суд над Молотовым, Маленковым и Кагановичем. Цитируя шокирующие документы, добытые Шатуновской и другими, они обвинили Молотова и Кагановича в том, что они, наряду со Сталиным, несут ответственность за 1,5 миллиона арестов, совершённых только в 1937 и 1938 годах, и лично санкционировали в этот период 38 679 смертных приговоров, 3 167 – лишь в один из дней. Собственноручно подписанные ими кровожадные приказы зачитывались вслух: «... Всех к расстрелу... Мерзавцу, сволочи ... одна кара – смертная казнь» (31).

Казалось, близится советский Нюрнберг. Когда обвиняемые, защищаясь, попытались представить свои действия как «ошибки», их громко поправили: «Преступления!». Один из сторонников Хрущёва бросил в лицо трём главным сталинским сподвижникам угрозу, от которой должны были похолодеть многие из сидящих в зале партийных бонз: «Если бы только народ знал, что у них с пальцев капает невинная кровь, то он встречал бы их не аплодисментами, а камнями». Другому члену ЦК, до того момента также поддерживавшего Хрущёва, это показалось чрезмерным. Он «глубочайшим образом» был убеждён в неправомерности утверждения о том, что «во главе нашей партии столько-то лет стояли и руководили люди, которые являются убийцами, которых нужно посадить на скамью подсудимых» (32). В итоге, однако, Молотов, Маленков и Каганович были всего лишь выведены из состава Президиума и из членов ЦК и отправлены на незначительные должности подальше от Москвы.

Это был, безусловно, драматический момент, но, всё же, наказание было несоизмеримо с преступлениями этих людей. Сразу после смерти Сталина, в середине 1950-х годов, от 50 до 100 сотрудников госбезопасности, начальников и особо жестоких следователей – один из них никак не мог вспомнить, пытал ли он Тодорского – были привлечены к суду; от 25 до 30 человек были приговорены к смертной казни, остальные получили различные тюремные сроки. (Точные цифры до сих пор неизвестны.) Ещё 2 370 человек, по некоторым данным, были уволены или понесли административные наказания с лишением званий, наград, партийного членства – вплоть до пенсий. В целом, в период между 1954 и 1963 годом примерно 46 тысяч офицеров КГБ были отправлены в отставку, хотя не все из них за злоупотребления эпохи террора (33).

Кроме того, не менее десятка высокопоставленных чинов – генералов НКВД и лагерных комендантов – покончили жизнь самоубийством после хрущёвских разоблачений; большинство застрелились, некоторые вскрыли себе вены. (Много лет спустя подобная сцена была показана, хотя и применительно к другому времени, в «оскароносном» русском фильме «Утомлённые солнцем».) Но больше всего политический истеблишмент взволновало самоубийство бывшего сталинского литературного генерала Александра Фадеева. Культурный, сугубо гражданский человек, Фадеев лично никого не пытал и не расстреливал, он только смолчал, когда арестовывали его коллег, а так поступали многие члены сталинской элиты.

«Хрущёвские зеки» восприняли эти проявления торжества справедливости как только первые шаги и умоляли лидера наказать всех виновных и даже устроить публичный суд над сталинским режимом. Хрущёв же не хотел «варфоломеевских ночей», как он это называл, и не хотел, без сомнения, по нескольким причинам. Как, спрашивалось, судить о степени соучастия человека в преступлениях террора, длившегося более двадцати лет? Рой Медведев полагал, что это зависело от того, «что человек мог сделать для предотвращения преступлений». Но как тогда быть с «честными» и «добрыми» энкавэдэшниками, о которых вспоминали Серебрякова, Икрамов и Разгон? Или с рядовыми охранниками Гулага, этим «пестрым сборищем малообразованных и низкооплачиваемых горемык»? Или с отчимом моего московского издателя, рядовым солдатом, которому приказали депортировать чеченцев? (35).

Существует мнение, что массовый террор был возможен только вследствие массовой вины. По некоторым оценкам, пять процентов населения были тайными информаторами, и не меньше миллиона людей работали в системе Гулага, включая завхозов и библиотечарей. Недаром один процветавший при Сталине, а после проникшийся чувством вины поэт написал, что все, кто промолчал, несут ответственность «за кровь Лубянки, тьму допросов». (У Шатуновской был экземпляр этого неопубликованного стихотворения.) Однако, следуя этой логике, возражал Хрущёв, пришлось бы «отправить в заключение больше людей, чем освободилось при реабилитациях» (36).

К тому же, он имел глубоко личную причину не заходить так далеко. «Палачи», пошедшие под суд или совершившие самоубийство, настаивали, что они «только выполняли приказы» вышестоящих властей, и указывали при этом на членов нынешнего советского политического руководства. Между тем, враги Хрущёва распространяли материалы, подтверждающие, что он сам подписывал расстрельные списки и у него самого, как позже узнал его поклонник Горбачёв, «руки в крови» (37). Завести больше дел по преступлениям сталинской эпохи или сделать большее число из них публичными значило бы для Хрущёва (и для Микояна) подвергнуть себя ещё большей опасности.

И всё-таки на XXII съезде партии в октябре 1961 года Хрущёв совершил свою самую серьёзную, с точки зрения последствий, атаку на сталинское прошлое и его многочисленных защитников. Он и его сторонники не только существенно расширили, по сравнению с 1956–1957 годами, объём разоблачений и обвинений, но и представили их публично. Впервые на страницах газет и в радиорепортажах о работе съезда, прозвучали слова о «чудовищных преступлениях» и необходимости восстановления «исторической справедливости», а также шокирующие рассказы об арестах, пытках и убийствах, происходивших при Сталине по всей стране. Чтобы усилить впечатление, стране напомнили, что от террора пострадали «не только сами работники, но и их семьи, даже абсолютно безвинные дети, жизнь которых была надломлена, таким образом, в самом начале». Воздействие новых разоблачений на публику было огромным. Бывший зек Солженицын, чьи романы об этом времени ещё не были опубликованы, был потрясен: «Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде!» (38).

Это было ещё не всё. На сей раз Хрущёв не ограничился, как раньше, обвинением сталинистов в преступлениях против членов партии. В постановлении о выносе тела Сталина из мавзолея говорилось о «массовых репрессиях против честных советских людей». И впервые Хрущёв и его союзники заявили о «прямой персональной ответственности» Молотова, Кагановича и Маленкова за эти «незаконные» акты и потребовали исключить их из партии (что вскоре и случилось), а это подразумевало, что они вполне могли быть затем привлечены к суду.

Грозный призрак будущих процессов, замаячивший в связи со ссылками на «имеющиеся многочисленные документы», как и призыв Хрущёва «тщательно и всесторонне разобраться в такого рода делах, связанных со злоупотреблением властью», вызвали трепет в рядах тех, кто также нёс «прямую персональную ответственность».

Съезд был победой «хрущёвских зеков». Своим более радикальным антисталинизмом он был в значительной мере обязан их влиянию на Хрущёва и, как выяснилось годы спустя, одному важному закулисному обстоятельству. В процессе подготовки к съезду Хрущёв создал при президиуме ЦК так называемую «комиссию Шверника» с целью, как он намекнул на съезде, «всесторонне разобраться» в самых тёмных делах сталинских 1930-х годов. Работа комиссии сосредоточилась на убийстве первого секретаря ленинградской парторганизации Сергея Кирова, ставшем первой искрой «большого террора», и последующих судебных процессах и расправе над Бухариным и другими основателями Советского государства.

Ведущую роль в следственной работе комиссии играла Шатуновская. Не доверяя аппаратчикам из ЦК, она набрала себе в помощники других бывших гулаговцев. (Особенно радовался возвращению в строй Мильчаков.) Результатом их работы – кропотливого поиска в секретных архивах и опроса уцелевших свидетелей – стали 64 тома засекреченных документальных свидетельств. Комиссия пришла к выводу, что те трагические события были спланированы Сталиным с целью развязать массовый террор, который консолидировал его личную диктатуру и превратил советскую политическую систему в полицейское государство. Накануне съезда Шатуновская передала Хрущёву предварительный отчёт о находках комиссии. Когда он читал этот отчёт, рассказывала Шатуновская, «он плакал» (39).

* * *

Хрущёвские инициативы, выдвинутые им на съезде партии в 1961 году, явились причиной трёхлетней борьбы в советском истеблишменте и в обществе между «друзьями и недругами» десталинизации (40). Ослабление цензуры позволило историкам начать критику всей сталинской эпохи, даже таких её «священных коров», как коллективизация и война (особен-

но её начального периода, показавшего неготовность страны к германскому вторжению, и немыслимой – 26,5 миллионов погибших – цены победы). Открывшиеся данные о насильственной коллективизации крестьянства ставили под сомнение основу существующей политической и экономической системы, а правда о войне ломала рационалистические построения, на которых зиждилась внутренняя и внешняя политика пост-сталинского режима.

Но ещё больший эффект оказала хлынувшая потоком литература о терроре. Напечатанный в 1962 году «Один день Ивана Денисовича» Солженицына немедленно стал лакмусовой бумажкой, выявляющей различное отношение людей к сталинскому прошлому, однако и другие писатели и редакторы пользовались моментом, чтобы опубликовать повести, рассказы, пьесы и стихи по данной тематике. Расхожим литературным образом, в частности, стала фигура человека, вернувшегося из Гулага, что подчёркивали названия художественных произведений типа «Возвращение Дюжева» или «Возвращение Юрия Митрофановича». Самые известные авторы, такие, как Камил Икрамов или Василий Аксёнов, сами были жертвами террора (41).

Повторяющиеся темы этой плохо замаскированной под вымысел литературы не могли не встревожить членов советского истеблишмента, сделавших карьеру при Сталине. Одной из таких тем было изображение в негативном свете официальных лиц и прочих влиятельных граждан, которые были напуганы возвращением жертв и препятствовали их реинтеграции в советское общество. Другой темой был конфликт отцов и детей, выражающийся в острых вопросах, которые дети задавали отцам, почему те не помогли своим обречённым на гибель родным и друзьям. И над всем этим грозно маячил вопрос об ответственности перед миллионами жертв, которые уже никогда не вернутся. Это от их лица написал поэт Лев Озеров:

Говорят погибшие. Без точек.
И без запятых. Почти без слов.
Из концлагерей. Из одиночек.
Из горящих яростно домов.

Говорят погибшие. Тетради.
Письма. Завещанья. Дневники.
На кирпичной на шершавой глади
Росчерк торопящейся руки.

На промозглых нарах железякой.
На стене осколками стекла.
Струйкой крови на полу барака
Расписалась жизнь – пока была (42).

Подобные публикации, как с горьким сожалением признавался позже Суслов, были результатом хрущёвских политических инициатив. Другим результатом были внезапно ожившие надежды – и страхи – что преступления сталинской эпохи не останутся безнаказанными. В 1956 году один бывший зек, причастный к работе «разгрузочных» комиссий, спросил Шатуновскую: «Кто и когда будет привлекать к суду этих преступников, которые годами уничтожали невинных советских людей?». Вопрос о новых судебных процессах поднимался в 1957 году, но только вскользь и за закрытыми дверями. Отсюда тот чрезвычайный эффект, который имели публичные заявления о людях, замешанных в сталинских преступлениях, сделанные на XXII съезде, включая реплику близкого сподвижника Хрущёва: «Их должны преследовать кошмары, им должны слышаться рыдания и проклятия матерей, жён и детей невинно погибших товарищей» (43).

Осмелевшие и вдохновленные заявлениями руководства и вновь возникшей перспективой суда над ведущими сталинистами, жертвы стали решительнее преследовать тех, кто нёс персональную ответственность за их несчастья. («У него это на лице написано», как сказала об одном из них Евгения Гинзбург.) (44) Некоторые их требования носили символический характер. После того как Хрущёв распорядился очистить города от имени Сталина и демонтировать памятники в его честь, появились петиции с требованием убрать прах сталинского прокурора Вышинского с почётного места захоронения в кремлёвской стене, а останки судьи-палача Ульриха, умершего в 1951 году, с престижного Новодевичьего кладбища.

Большинство призывов к справедливости касались, впрочем, живых соучастников сталинских преступлений, которых

можно было найти практически в любой советской сфере деятельности. Широкую известность в Москве получили три случая, один из которых представлял особый интерес для уцелевших детей членов старой ленинской гвардии. Андрей Свердлов, сын ещё одного основателя Советского государства, был их другом детства, приятелем по играм и школьной скамье. Когда же он предстал перед ними в их тюремных камерах в качестве следователя НКВД, как было с Анной Лариной, они были потрясены и затем деморализованы. Известный своей «патологической жестокостью», Свердлов лично пытал нескольких своих бывших приятелей. В начале 1960-х годов, оставаясь полковником госбезопасности, он начал новую карьеру учёного и писателя, автора детективных рассказов для детей (45). Другая, которых Свердлов предал, организовали кампанию по разоблачению и наказанию предателя.

В другой пострадавшей от террора области ряд высокопоставленных литературных критиков, являвшихся, как было известно, информаторами НКВД, регулярно писали доносы на своих коллег за их политические взгляды. Теперь члены культурного сообщества добивались их разоблачения и наказания, нацарапав на воротах престижной дачи одного из доносчиков: «Осторожно! Злая собака!». Особенной решительностью отличалась кампания по изобличению в «доносительстве» видного литературного критика Якова Эльсберга, который своими действиями способствовал аресту и смерти ряда прозаиков и поэтов. Её результатом стало исключение Эльсберга, по крайней мере, временное, из членов Союза писателей и КПСС (46).

Но более опасной для влиятельных приспешников террора была кампания, инициированная «возвращенцем» Павлом Шабалкиным против двух ведущих партийных философов, Марка Митина и Павла Юдина. Он обвинил их в причастности к аресту и гибели коллег и к собственному длительному заключению, а также в плагиате работ репрессированных. Митин и Юдин, однако, были не просто философами, но и крупными партийными функционерами: оба были членами ЦК партии, а Юдин даже кандидатом в члены Политбюро. Как Свердлов и Эльсберг, Юдин с Митиным избежали реального наказания – оба были назначены в комиссию по написанию новой программы партии – и все четверо окончили свои дни в официальном почёте. Но кампаний, организованных против них,

оказалась достаточно, чтобы вызвать панику и «психическое расстройство» у некоторых из тех, кто также нёс ответственность за репрессии (47).

Неотвратимо, как казалось, вопросы о коллективной вине, подобные тем, что звучали на Нюрнбергском процессе, стали – пусть и осторожно, обиняком – подниматься в подцензурной советской печати. Между строк они прочитывались уже в острой полемике вокруг рассказа Солженицына и других публикаций о терроре, участники которой, как возмущался один культурный функционер, «зачем-то поспешили вытащить на свет литературные трупы». Иногда обвинения были направлены против сталинской тайной полиции, как в романе, герой которого, молодой прокурор типа Ряжского, говорил бывшему майору НКВД: «Вы ещё будете расплачиваться за 37-й и 38-й годы» (48). Но чаще их адресатом были остающиеся у власти политические функционеры. Один такой инцидент, связанный с уважаемым писателем Ильей Эренбургом и затрагивающий самого Хрущёва, произошёл в 1963 году и вызвал гневную реакцию политического и литературного истеблишмента.

В отличие от многих крупных деятелей сталинского времени, Эренбург вёл себя достойно, избегая прямого участия в событиях террора и демонстрируя «готовность делать добро», несмотря на то, что его собственная жизнь неоднократно подвергалась угрозе. После смерти Сталина Эренбург всячески помогал бывшим репрессированным и узникам Гулага. Он помогал добиваться реабилитации, как мы видели в случае с Мейерхольдом. Одну бывшую заключённую, Наталью Столярову, он взял к себе на работу личным секретарем. Он встречался с вдовой и сыном Бухарина, другом своего детства, и не отказывал в советах детям других жертв, которых знал. Василий Аксёнов однажды спросил его: «Как случилось, что Вы уцелели? Это очень важно мне знать». «Не знаю», – ответил Эренбург (49).

Но он, несомненно, знал, по крайней мере, догадывался. В одном месте своих изрядно порезанных цензурой мемуаров, опубликованных в 1963 году, и более полно в издании, которое вышло тридцатью годами позже, Эренбург признался, что при Сталине был вынужден «жить ... сжав зубы», потому что знал, что его арестованные друзья и коллеги невиновны. Это его признание, или «теория заговора молчания», как её стали

называть, вызвало бурную реакцию, и нетрудно понять почему. Ведь если даже далёкий от власти писатель Эренбург знал правду, то её не могли не знать те, кто эту власть представлял, — многочисленные партийно-государственные функционеры. А это значило, возмущался один анонимный автор, что все они «просто спасали свои шкуры и тем самым помогали злу набрать силу» (50).

Ситуация для них ухудшалась ещё и тем, что в начале 1960-х годов в Советском Союзе во множестве издавались книги о гитлеровской Германии, и многие комментарии, судя по всему, явно касались советской системы при Сталине. Читатели невольно переносили свой собственный недавний опыт на описания таких вещей, как культ Гитлера, гестапо, концлагеря и соучастие в преступлениях нацизма множества государственных чиновников. Когда в 1963 году в Москве показали мощный по своему воздействию американский документальный фильм «Нюрнбергский процесс», реакция оказалась ещё более острой. В свете этой аналогии, всё более реалистичных описаний ужасов сталинского террора и всё более громких призывов к торжеству справедливости, нетрудно понять, почему «страх перед ответственностью за свои преступления» охватил бюрократическое сообщество советского государства (51).

В какой-то момент даже относительно молодые люди, которых Хрущёв привлёк в свои советники, решили, что его инициативы угрожают слишком многим людям, возможно, даже системе в целом. В отличие от Суслова, у Леонида Брежнева и других деятелей, правивших страной в последующие 20 лет, не было или почти не было крови на руках, но зато в избытке имелось на подошвах. Стремительно поднявшиеся наверх при Сталине, после того как их предшественников смыло волной террора, они испытывали «комплекс по поводу прошлого». Их поколенческий дискомфорт отчасти объясняет, почему после смещения Хрущёва в 1964 году они ввели жёсткую цензуру на всё, что касалось сталинской эпохи.

С самого начала, как считал сын Хрущёва, антисталинистская политика его отца «практически изолировала» его в возглавляемых им партийно-государственных структурах (52). Учитывая достижения Хрущёва за десять лет пребывания у власти, его сын явно преувеличивает. Однако нельзя отрицать,

что Хрущёв всегда был уязвимым лидером, особенно в том, что касалось сталинского вопроса. Даже одержав победу над Молотовым, Маленковым, Кагановичем, Ворошиловым и Серовым, он впоследствии ещё не раз сталкивался с серьёзной оппозицией. Так, в 1957 году один из его ближайших сторонников не поддержал его, отказавшись отправить «на скамью подсудимых» старших товарищей – сталинистов. А для того, чтобы вынести тело Сталина из Мавзолея, несмотря на то, что идея была посеяна Хрущёвым ещё в 1956 году, ему понадобилось почти шесть лет.

Находившиеся под его номинальной протекцией бывшие политзаключенные, освобождённые из Гулага, также не были гарантированы от нападок. Шатуновская постоянно подвергалась оскорблениям и саботажу во время своей работы в КПК. Недоброжелатели постарались подсунуть на стол Хрущёву лживую информацию о Снегове и Василии Аксёнове. Директор московского академического института предупредил моего друга Игоря Пятницкого, что если тот не уgomонится, то закончит, как его отец. Солженицыну, несмотря на поддержку Хрущёва, ни в 1963, ни в 1964 году так и не дали Ленинскую премию по литературе за «Один день Ивана Денисовича». Не сумели Хрущёв с Микояном и отменить постановление ЦК 1931 года, обвинявшее философа Абрама Деборина, одного из немногих уцелевших. Между тем, партийный начальник Ленинграда отказался предоставлять реабилитации и пенсии жертвам террора, вернувшимся в его город (53).

На первый, поверхностный, взгляд казалось, что съезд партии 1961 года был крупной победой антисталинистских сил и лично Хрущёва. В реальности, однако, большинство новых кремлевских лидеров, разделивших с Хрущёвым коллективное руководство страной, проигнорировали инициативы своего благодетеля, выдвинутые им на съезде, показательно отмолчавшись в вопросе о преступлениях прошлого. А те немногие из высокопоставленных делегатов, кто поддержал антисталинистскую линию Хрущёва, на самом деле, были «против всего этого». Даже решение убрать тело Сталина из Мавзолея, обиженно сетовал один из участников заговора по свержению Хрущёва, «принималось узким кругом руководства» (54).

Сопrotивление хрущёвской политике десталинизации продолжало нарастать и после съезда, что, несомненно, явилось

ответом на его решения. Это наглядно продемонстрировало стихотворение Евгения Евтушенко, опубликованное по распоряжению Хрущёва на видном месте в газете «Правда» в октябре 1962 года. Озаглавленное «Наследники Сталина», оно читалось как мрачное предупреждение – или отчаянная мольба о помощи:

Мы вынесли из Мавзолея его.
Но как из наследников Сталина Сталина вынести?
Иные наследники розы в отставке стригут,
А втайне считают, что временна эта отставка.
Иные и Сталина даже ругают с трибун,
А сами ночами тоскуют о времени старом.
Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
Хватают инфаркты. Им, бывшим когда-то опорами,
Не нравится время, в котором пусты лагерь... (55).

Между тем, позиции Хрущёва ослабевали, он начал терпеть поражения в закулисной борьбе. Он чувствовал себя окружённым противниками, которые «в спину расстреливали меня глазами» (56). В 1962 году Шатуновская и Снегов были смещены со своих постов. Оба жаловались, что Хрущёв их подвёл, пошёл на уступки неосталинистам, не сумев или не захотев опереться на молодые антисталинистские силы в аппарате КПСС. Возможно, это была правда. Возможно, Хрущёв со временем испугался своих собственных инициатив или, подходя к семидесятилетнему рубежу, почувствовал себя слишком старым для борьбы. Непонятно только, где бы он нашёл новых антисталинистов в партии. Их время, их власть были далеко в будущем; ждать оставалось ещё двадцать лет.

Каким бы ни было объяснение, поражения следовали одно за другим. К 1963 году процесс реабилитации был практически свернут. Доклад «комиссии Шверника» о сталинских преступлениях так и остался неопубликованным, а материалы, собранные Шатуновской, похоронены глубоко в партийном архиве. (Даже краткие итоги работы комиссии были опубликованы только через сорок лет, а многие материалы и вовсе исчезли.) В 1964 году помимо отказа в Ленинской премии Солженицыну, большая редакционная статья о «Сталине и его наследниках», заказанная Хрущёвым, так и не увидела свет.

То же случилось с предложенными им и Микояном поправками в Конституцию и реформами КГБ, направленными на то, чтобы не допустить повторения в будущем злоупотреблений сталинской эпохи (57). Между тем, об одной из прошлых инициатив Хрущёва, строительстве мемориала жертвам сталинского террора, больше ничего не было слышно.

Когда в октябре 1964 года ЦК кулуарно отстранил Хрущёва от власти, ни в предъявленном ему обвинении, ни в официальном заявлении для печати о Сталине и сталинизме не было ни слова. Формально семидесятилетнему Хрущёву вменялись в вину только провалы в экономической и внешней политике (один из последних – Карибский кризис 1962 года), реорганизационные просчёты, всё более непредсказуемое личное поведение и нежелание соблюдать принцип «коллективного руководства» (58). Во всём этом была существенная доля правды.

Тем не менее, главной, пусть и фактически неупомянутой, причиной отставки был его антисталинизм в подходах к прошлому и настоящему страны. Именно он, в конечном счёте, был движущей силой его десятилетней попытки реформировать советскую систему, которая отныне уступила место глубоко консервативной реакции. Одним из проявлений этой реакции был рост сталинистских настроений в среде высокопоставленных партийно-государственных чиновников, которые между собой возмущались, что «тысячи вредителей за десятки лет не могли бы нанести столько вреда стране, сколько нанёс Никита» (59).

Хрущёв, возможно, и отступил в политической борьбе, но не отступился от антисталинизма; во всяком случае, в месяцы, предшествующие его отставке, признаков этого не наблюдалось. В январе 1964 года правительственная газета, главным редактором которой был зять Хрущёва, уделила необычайно пристальное внимание действующему провинциальному чиновнику, перенявшему сталинские «преступные и губительные» методы. Когда влиятельный партийный олигарх выступил против недавних публикаций, организованных по распоряжению Хрущёва, пожилой лидер с вызовом ответил: «Если эти стихи Евтушенко и повесть Солженицына антисоветские, тогда я тоже антисоветский». Не прибавило спокойствия оппонентам Хрущёва и то, что всего за три месяца до его отставки та же правительственная газета под редакцией его зятя заяви-

ла, что при Сталине, когда они вошли в элиту, «ложный донос не раз становился лестницей для восхождения в гору» (60).

Прав был Солженицын, когда, оглядываясь назад, назвал кампанию, организованную в 1963 – начале 1964 года с целью отказать ему в Ленинской премии, «репетицией путча против Никиты». Когда стенограмма октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК была, наконец, опубликована сорок три года спустя, это стало ещё более очевидно. Во время закрытых дискуссий, предшествовавших формальным заседаниям, Хрущёва обвинили в том, что он якобы «поносил Сталина последними словами». Сулов, которого особенно возмущало, что Хрущёв «поддерживал всю эту лагерную литературу» (61), представил подробный обвинительный доклад, и единственным членом Политбюро, который попытался защитить Хрущёва, оказался Микоян.

Всякие сомнения исчезли, когда вскоре новое руководство пошло на свертывание антисталинистской политики в отношении прошлого и восстановление некоторых черт сталинизма, в том числе исторической репутации самого тирана. Заинтересованные люди, безусловно, понимали, что означает отставка Хрущёва. Солженицын назвал её «малой октябрьской революцией» и начал тайком переправлять рукописи о терроре за рубеж. В то время как бериевские подручные в тюрьмах торжествовали, некоторые бывшие узники Гулага были обеспокоены: «Что это значит, и не начнут ли нас теперь сажать?» (62).

Глава 5

ЖЕРТВЫ ИСЧЕЗАЮТ И ВОЗВРАЩАЮТСЯ ВНОВЬ

Реабилитированные больше не в моде.

Партийный функционер, 1967 г.

Мы никогда не можем и не должны про-
щать или оправдывать то, что было.

Михаил Горбачёв, 1987 г.

История бывших гулаговцев и других сталинских жертв не закончилась ни с отстранением Хрущёва от власти, ни даже с исчезновением Советского Союза двадцать семь лет спустя. Многие изменилось, но неустойчивый статус сталинских жертв в Советском Союзе и постсоветской России продолжал зависеть от меняющегося официального отношения к Сталину и, с 1964 года в неразрывной связи с ним, к Хрущёву. А официальная позиция по отношению к этим двум историческим фигурам определялась более крупным фактором – соотношением сил реформаторов и консерваторов внутри правящего класса (1).

Со дня смерти Сталина и до наших дней его наследие служит глубоким водоразделом для российских элит и общества в целом. Спор, как я уже отмечал, проистекает из двойственного характера его долгого правления. Оглядываясь назад, на сталинскую эпоху, многие русские по-прежнему видят в ней многочисленные национальные достижения, от индустриализации отсталой крестьянской страны до победы над нацистской Германией, в то время как многие другие видят не менее многочисленные преступления и миллионы жертв. Сталинисты настаивают, что его «ошибки», или «перегибы» полностью искупались историческими свершениями. Антисталинисты парируют, что ничто не может оправдать подобные преступления, и что нация достигла бы большего, причём меньшей ценой, не будь чудовищных сталинских перегибов.

Это неразрешенное, поляризующее общество противоречие почти шестьдесят лет является частью русской интеллектуальной и культурной жизни, но особенно важную роль оно играет в политической борьбе на высшем уровне. Реформаторы, стремящиеся уменьшить или даже вовсе ликвидировать монополистический контроль государства в политике, экономике и общественной жизни, установленный Сталиным в 1930-е годы, всячески подчёркивают преступный характер той эпохи, дабы дискредитировать порождённую ею систему и оправдать предлагаемые реформы. А консерваторы, доказывающие, что многие формы государственного контроля должны быть сохранены, напротив, минимизируют или даже покрывают исторические преступления.

Советская политическая история после Сталина развивалась по этой схеме. Политика Хрущёва представляла собой первую попытку осуществления фундаментальных реформ в унаследованной от Сталина системе. Отсюда разоблачение преступлений террора и реабилитация многих его жертв. Восемнадцатилетнее правление преемника Хрущёва Леонида Брежнева (1964–1982) явилось во многом ответной реакцией на эти реформы и вскоре превратилось, по выражению одного историка и бывшего зека, в «первую по-настоящему консервативную эпоху в России после революции».

Чтобы гарантировать священную незыблемость существующей системы, брежневское руководство, подобно консерваторам во всём мире, нуждалось в героизации прошлого. Поэтому оно с пониманием отнеслось к призыву, озвученному ультраконсервативным поэтом, «вернуть Сталина на пьедестал» (2). В длинной тени, которую отбрасывал этот пьедестал на сталинскую эпоху, его преступления, как и жертвы, были почти не видны. Возникли вновь они только после 1985 года, с приходом Михаила Горбачёва и началом его радикальных антисталинистских преобразований, названных им перестройкой.

* * *

Бывшие узники Гулага, которые опасались, что преемники Хрущёва начнут снова их сажать, не понимали сути нового режима, как не понимают его те западные историки, которые называют политику Брежнева «ресталинизацией» Советского

Союза. Люди, сместившие Хрущёва, представляли высшие эшелоны многочисленного класса партийно-государственной бюрократии, или номенклатуры, который и сам не раз подвергался сталинским репрессиям. Они были заинтересованы не в реставрации того режима, а в гарантиях, что он больше никогда не повторится.

Именно стремление советских чиновников быть свободными от террористической диктатуры вождя над ними стало главной причиной, заставившей их изначально поддержать хрущёвскую десталинизацию. Прожив столько лет в страхе, в условиях, когда их начальники исчезали один за другим, они хотели стать нормальным бюрократическим классом с твердыми позициями и гарантированным будущим для себя и своих детей. К началу 1960-х годов, когда террор закончился, аппарат коммунистической партии вернул себе политическое превосходство и контроль над тайной полицией, они в значительной мере добились желаемого.

Этим стремлением обезопасить себя также объясняется, почему элита самого Хрущёва обернулась против него. Разоблачения и популистские меры, порождённые его политикой антисталинизма, похоже, начали представлять угрозу правящему классу с другой стороны. Антисталинизм уже явился причиной восстаний в советской империи в Восточной Европе. В начале 1960-х годов возникли вопросы и по поводу советского порядка в самом Советском Союзе, от коллективизированного сельского хозяйства до однопартийной политической системы, что являлось питательной почвой для пренебрежения ко «всей власти». Хрущёвский антисталинизм, по мнению правящих чиновников, рождает у молодых людей «наплевательское» отношение к истории страны, представляя жизнь старшего поколения как череду «преступлений и ошибок» и заставляя видеть в ней только «отцов, которых сажали, и отцов, которые сажали» (3).

Брежневское руководство стремилось покончить со всеми этими дестабилизирующими явлениями, не прибегая как к средству к новому террору. За два десятилетия они преуспели в этом, утвердив постсталинский статус-кво, но устранив при этом «эксцессы» хрущёвской десталинизации, смягчив прочие его реформы, восстановив жесткую цензуру и введя практику избирательных репрессий. Лозунгами нового режима стали те же,

что вдохновляли консерваторов во всём мире: уважение к власти, стабильность, почтительное отношение к прошлому и как можно меньше изменений в ту или иную сторону. Лев Копелев, один из самых проникательных интеллектуалов-гулаговцев, в 1978 году подытожил суть брежневской эпохи: «Нами правит не коммунистическая или фашистская и не сталинистская партия, а партия статус-кво» (4).

Вместе с тем, сохранение режима статус-кво, чьи учреждения, административные процедуры и идеологические ортодоксии коренились в сталинской эпохе, требовало реабилитации деспота и его времени, но не его жертв. Как инструктировал историков один высокопоставленный брежневский функционер: «*Все*, я повторяю, *все* этапы развития советского общества должны рассматриваться как позитивные» (5). Исключение составлял этап, связанный с именем Хрущёва, которое, если не считать случайных упоминаний и ссылок на «этого авантюриста», оказалось вычеркнутым из официальной истории.

К концу 1960-х годов Сталин как исторический лидер был возвращён на пьедестал. Серьёзная критика его кампании коллективизации и методов руководства в годы войны подверглась запрету, реабилитации жертв репрессий свёрнуты, и о том, что в стране когда-то был большой террор, практически не упоминалось. Антисталинизм был объявлен «антикоммунистическим лозунгом», изобретённым на Западе врагами Советского Союза, а советские граждане, позволившие себе критиковать сталинское прошлое, как это сделал Хрущёв на двух съездах партии, теперь преследовались по закону за «клевету на советский общественный и государственный строй». Некогда бывшие в чести писатели и историки-антисталинисты подвергались гонениям или запретам на публикацию, а их идейные сторонники в государственных структурах либо отказались от своих взглядов, либо поплатились за них карьерой.

В качестве примера – малоизвестного, но значимого – такой оборвавшейся политической карьеры можно привести Лена Карпинского, молодого, перспективного партийного деятеля, которому была уготована прямая дорога в будущие руководители Советского государства. Я с ним познакомился гораздо позже, а в середине 1960-х годов Карпинский, сын старого друга Ленина, помогавшего жертвам Гулага после возвращения, уже был секретарем ЦК ВЛКСМ, затем членом редколле-

гии главной партийной газеты «Правда». Его заметили и продвигали: «Мы возлагаем на Вас надежды», – говорили ему члены нового брежневского руководства. Не пожелавший, однако, оставить свои антисталинистские убеждения, в том числе поддержку бывших гулаговцев, Лен вскоре был исключен из партии, снят с работы и низведен до положения едва ли не изгоя (6).

В год 90-летия Сталина, родившегося 21 декабря 1879 года, неосталинисты из кремлевского окружения развернули агрессивную кампанию за безоговорочную реабилитацию тирана. Немногие политические деятели типа Карпинского и диссиденты протестовали, как в своё время после отставки Хрущёва, но без особого успеха. Юбилейная статья, опубликованная в «Правде», претендовала на объективность, пытаясь уравновесить «огромные заслуги» Сталина и его «ошибки». Однако главное заключалось в том, что впервые за десять лет официально отмечался день его рождения.

Более того, вскоре стал понятен и реальный смысл «равновесия». В 1970 году брежневское руководство установило комплиментарный мраморный бюст Сталина на его могиле позади ленинского Мавзолея. Открытый для обозрения и посещения, он регулярно был украшен цветами. Возможно, бюст и не означал безусловной реабилитации или восстановления культа личности Сталина, но он снимал с него обвинения в преступлениях, выдвинутые Хрущёвым. Правительства не ставят памятники, даже самые маленькие, тем, кого считают преступниками.

Три эпизода, касающиеся уже знакомых читателям персонажей, демонстрировали, с каким пренебрежением преемники Хрущёва относились к его антисталинистскому наследию. В 1964 году кандидатура самого прославленного писателя-гулаговца Солженицына была номинирована на Ленинскую премию, а десять лет спустя, в 1974 году, он был арестован и выдворен из страны. В 1962 году помощник Хрущёва дал понять, что Бухарин, самая значительная жертва сталинского террора, может быть реабилитирован, заявив на совещании историков: «Ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были». А в 1977 году представитель ЦК КПСС официально информировал семью Бухарина, что «с него не сняты обвинения в уголовных преступлениях, за которые он был осуж-

дён» (7). По сути, это заявление юридически оправдывало знаменитые московские процессы 1930-х годов, а значит, и сталинский террор.

Судьба Молотова, старейшего из живущих сталинистов, ставшего в своё время объектом наиболее серьёзных обвинений Хрущёва, не менее показательна. В 1962 году Молотов был исключен из КПСС, и создалось впечатление, что он будет отдан под суд за преступления сталинского времени. Затем он исчез из поля зрения публики. В 1984 году Политбюро восстановило Молотова в партии, и это было не случайное решение. Преемник Брежнева Константин Черненко, предпоследний (перед Горбачёвым) советский лидер, лично принял в своём кабинете 93-летнего нераскаявшегося сталиниста и поздравил его (8). У обоих, как говорили, в глазах стояли слезы.

Эти эпизоды были общеизвестны, но лишь позже найденные архивные документы показали, как сильно хрущёвские наследники продолжали ненавидеть его и поносить за закрытыми дверями. «Ни один враг, – считали они, – не принес столько бед, сколько принес нам Хрущёв». А Суслов сетовал: «Не всё мы ликвидировали, что осталось нам в наследство от Хрущёва». Особенно их возмущали допущенные им «вопиющие безобразия по отношению к Сталину» и то, что он поддерживал сталинских жертв, этих, как они говорили, «подонков» и «социальный сброд». Хрущёв, полагали они, реабилитировал жертв «незаконно». Брежнев, например, был уверен, что Солженицын не зря сидел при Сталине, и не мог сдержать негодования: «Его реабилитировали два человека – Шатуновская и Снегов». (Это мнение разделяли и другие: новый глава КГБ Владимир Семичастный также считал, что Солженицын был осуждён правильно.) (9)

В этом смысле, брежневские годы были куда более комфортным временем для многочисленных проводников сталинского террора. Те, кто умер ещё до хрущёвских разоблачений, как Вышинский и Ульрих, остались на своих почётных местах захоронения. Те, кто при Хрущёве сел в тюрьму, вышли на свободу, часто до срока, как, например, один «палач», на совести которого было больше тысячи расстрелов. Многие из них получили назад свои звания, награды и пенсии, а некоторые, как генерал НКВД Эйтингон, были назначены «редакторами» крупных советских издательств (10).

Бесчисленные сотрудники НКВД и другие представители сталинского режима, избежавшие наказания, сделали завидные карьеры, в том числе в академической или литературной сфере, и с почётом отошли в мир иной, как Юдин и Митин. (Последний до 1968 года оставался главным редактором главного советского философского журнала.) Когда Климент Ворошилов, главный поделщик Сталина в убийстве тысяч советских офицеров, умер в 1969 году, он удостоился государственных похорон и почетного места захоронения в Кремлевской стене. Сулову, умершему в 1982 году, устроили ещё более впечатляющее прощание, удостоив самой грандиозной со времени смерти Сталина похоронной церемонии и могилы неподалеку от сталинской, на травяной лужайке позади Мавзолея.

Подчищенная биография Льва Шейнина, человека, бывшего правой рукой Вышинского, особенно меня заинтересовала. Работая в 1990-е годы в архиве НКВД, я наткнулся на материал, подробно, в деталях свидетельствующий о той роли, которую Шейнин, работавший в тюрьме на Лубянке, играл в подготовке несчастных жертв, в том числе Бухарина, к сфабрикованным процессам 1930-х годов. На чьей стороне были симпатии Шейнина – как заместитель Вышинского он также присутствовал на расстрелах – становится ясным из того, что он называет «дорогим другом и замечательным человеком» одного из самых жестоких дознавателей НКВД. К концу 1960-х годов Шейнин всплыл вновь – на сей раз как признанный и успешный автор детективных историй (любимого жанра, если читатели помнят, ещё одного отставного палача, Андрея Свердлова) и книги воспоминаний, в которой он предстаёт как борющийся за справедливость следователь прокуратуры (11). Официальные некрологи Шейнина, как и у других, стандартно отмечали его заслуги и умалчивали о его роли в событиях террора.

Соответственно, для большинства сталинских жертв годы между Хрущёвым и Горбачёвым были далеко не лучшим временем. За эти двадцать лет многие бывшие гулаговцы – в отличие от той «возвращенки», которая написала Хрущёву: «Благодаря Вам, я не ухожу из жизни опороченной женщиной» (12), – умерли, так и не дождавшись официального снятия обвинений в преступлениях. В результате «пятно» часто переходило на их детей и внуков, создавая препятствия их будущему в советской системе. То же относилось к родным

и близким миллионов погибших, не получивших посмертной реабилитации. В этом смысле, число побочных жертв террора продолжало расти.

Но и те, кто был реабилитирован при Хрущёве, не чувствовали себя в безопасности после его отставки. Многие вскоре ощутили или им дали понять, что «реабилитированные больше не в моде» и даже, с угрозой, что «слишком многих нареабилитировали» (13). Учитывая обстоятельства: судебный процесс против двух писателей-антисталинистов, Андрея Синявского и Юлия Даниэля, организованный в 1966 году, частичное восстановление официальной репутации Сталина и появление в исторической литературе вновь термина «враги народа», – бывшие зеки вряд ли нуждались в извещении, что их статус изменился. Некоторым из моих друзей-гулаговцев достаточно было узнать про бюст, установленный на могиле Сталина, чтобы испытать «психологический расстрел».

Пока Хрущёв был у власти, присутствие в его окружении Шатуновской, Снегова и других освобождённых зеков сдерживало неприязнь к «возвращенцам» со стороны рядовых советских чиновников. После 1964 года они этого сдерживания уже не ощущали. (Микояна «ушли» в отставку вскоре после Хрущёва.) Снегов, которого когда-то один партийный функционер просил замолвить за него словечко перед Хрущёвым, превратился в объект особенно злобных и мстительных нападок. Инициатором выступал, похоже, Михаил Сулов, влиятельный член нового руководства, чьё соучастие в терроре было раскрыто Снеговым. Другие партийные чиновники грозили не желавшим отказываться от принципов детям жертв – как было с Игорем Пятницким – «судьбой» их родителей. Вообще, по мере погружения страны в долгую зимнюю спячку брежневского застоя и реакции, всё больше бывших зеков, реабилитированных при Хрущёве, «перестали себя чувствовать реабилитированными» (14).

Для большинства, то есть тех, кто после освобождения из Гулага жил тихо, не высываясь, возможно, мало что изменилось. Но те, чьи надежды и активность выросли под воздействием хрущёвской политики, теперь были вынуждены пересмотреть свои перспективы. Из «возвращенцев», с которыми я познакомился в Москве за шесть лет (с 1976 по 1982 год), пока собирал материал для этой книги, больше половины потеряли

всякую надежду на то, что ещё при их жизни сталинские преступления будут полностью изобличены, истории их страданий станут достоянием гласности, а справедливость восторжествует. Они больше не верили в систему и считали Хрущёва «чудом, которого больше не случится».

К началу 1980-х годов, когда в Советском Союзе разрешили эмиграцию граждан, заявивших о своём еврейском происхождении, многие жертвы сталинского террора покинули страну. Их связи с бывшей родиной давно успели раствориться. Но были и другие, чьё существование за пределами России представлялось невообразимым, по крайней мере, для меня. Юрий Гастев, чья жизнь после Гулага была самым тесным образом связана с московскими неконформистскими кругами, в 1981 году эмигрировал в США, где и умер в 1993 году. Эмигрировал и его друг Наум Коржавин, также бывший зек и известный поэт с глубокими русскими корнями; несмотря на визиты в постсоветскую Россию, он по-прежнему живет в Бостоне. Даже Тania Баева, чья московская квартира была столько лет прибежищем для сталинских жертв и недавних диссидентов, в конце концов, уехала в Америку вместе с мужем и сыном. Друзья проводили её традиционным в их кругу тостом: «Выпьем за наше безнадежное дело!».

Другие жертвы сталинских репрессий, впрочем, продолжали верить в искупительные возможности советской системы, хотя и по другим причинам. Политические интеллектуалы, бывшие когда-то убеждёнными коммунистами, как Рой Медведев, Евгений Гнедин, Михаил Байтальский и Лев Копелев, сохраняли уверенность или, по крайней мере, надежду на то, что в один прекрасный день к руководству страной придёт новое поколение антисталинистов, готовое осуществить соответствующие реформы (15). Запрещённая к обсуждению в советской публичной жизни, эта тема постоянно фигурировала в работах Роя Медведева, издаваемых за рубежом, в наших беседах, личных и во время посиделок у Гнедина, а также в серьёзных дискуссиях, которые велись на кухнях всей Москвы и других советских городов в брежневские годы.

Что касается членов семей уничтоженных советских руководителей, таких, как Анна Ларина, Наталья Рыкова, Юрий Томский, Камил Икрамов и Антон Антонов-Овсенко, то для них вера в то, что система когда-нибудь исправит несправед-

ливости сталинизма, была, прежде всего, проявлением преданности своим близким, создавшим эту систему. Беззаветная преданность Лариной вошла в легенду. В 1937 году, накануне ареста Бухарина, она заучила наизусть текст его письма-завещания, в котором он выражает уверенность, что «будущее поколение руководителей партии» его «оправдает» (16). Двадцать лет в Гулаге Анна, как молитву, твердила про себя текст письма, а в 1961 году, надеясь на реабилитацию мужа, пересказала его в ЦК сочувствующей Шатуновской. Опубликовано письмо Бухарина было только в 1987 году, при Горбачёве.

Жертвы Сталина, которые ещё надеялись на полное восстановление справедливости, цеплялись за мысль, что Хрущёв не был ошибкой или отклонением от нормы – и за воспоминания о годах, когда он был у власти. Когда, после семи лет вынужденного затворничества в кругу семьи на подмосковной даче, в сентябре 1971 года он умер, толпа бывших зеков и детей репрессированных попыталась, игнорируя превентивные меры Кремля, прорваться на его похороны на Новодевичьем кладбище. (Из бывших соратников Хрущёва венок прислал только Микоян.) Впоследствии могила Хрущёва с большим черно-белым памятником, сделанным по заказу его семьи и призванным отражать его двойственную роль в истории, была так завалена цветами от анонимных поклонников, что правительство закрыло Новодевичье для публики.

Менее известен факт, что нескольким сталинским жертвам, включая Михаила Шатрова, Петра Якира и Таню Баеву, удалось навестить Хрущёва в последние годы его жизни. Сам теперь своего рода жертва и официально не существующая личность, бывший правитель супердержавы принял их тепло. Они сидели на воздухе, за дачным столом, во главе – сам Хрущёв, полный, в крестьянской рубахе и в соломенной шляпе с полями. Они говорили о многих вещах, но больше всего о том, что вызывало гордость и глубокое сожаление Хрущёва: гордость за то, чего он достиг при власти, и сожаление по поводу того, что он делал при Сталине и что не сделал после смерти диктатора. Он не изменил своему прежнему отношению к Солженицыну, заметив одобрительно: «Я сумасшедший и он сумасшедший». Он читал контрабандные копии его запрещенных романов и с гордостью подчёркивал: «Ни за что Нобелевские премии не дают» (17). Хрущёв тоже надеялся, что его «реаль-

ный» преемник, другой антисталинист, придёт, рано или поздно, к власти.

То, что опальный лидер говорил своим визитёрам в этой связи, эхом прозвучало в двух публикациях, появившихся несколько лет спустя. Первая представляла собой стенограмму довольно жёсткой беседы Хрущёва с представителями брежневского руководства, для которой он был вызван в Кремль в 1970 году. Партийные лидеры были недовольны и грозили наказать Хрущёва за то, что он переправил на Запад свои тайком надиктованные мемуары. (Его сын попросил теневого предпринимателя Виктора Луи, который в своё время тоже был узником Гулага, освобождённым и реабилитированным в 1956 году, нелегально вывезти записи в США.) Тяжело больной, но не смирившийся, Хрущёв в ответ обвинил действующих руководителей в том, что они отреклись от антисталинизма, узаконенного при нём двумя партийными съездами. Он напомнил им, «сколько людей погибло, сколько расстреляно» при Сталине, и добавил, возвращаясь к теме, которая способствовала его свержению: «Убийц надо разоблачать» (18).

В своих мемуарах, которые ныне доступны во всей полноте, Хрущёв обратился к теме возможного преемника, который когда-нибудь непременно придёт и унаследует его антисталинизм. В 1970-е годы большинство западных специалистов не верили в такую возможность, но Хрущёв смотрел дальше и оптимистичнее, как и во время той встречи с жертвами на даче:

Я, конечно, жалею, что ... в годы моего участия в руководстве страной мне не удалось завершить это. Ну, что ж, то, чего не сделал один, сделают потом другие А если не другие, то третьи, потому что правое дело никогда не пропадает (19).

Разделявшие оптимизм Хрущёва сталинские жертвы, тем не менее, в репрессивные брежневские годы должны были решать для себя, стоит ли рисковать и вступать в борьбу за эти цели. Принимая во внимание уже перенесённые ими страдания и возможные последствия такой борьбы для их семей, особенно для детей, естественно, что люди делали разный выбор. Один известный писатель был так напуган обыском, произведённым КГБ в доме его друга, что сжёг рукопись своей пьесы об эпохе террора. (В 1988 году он переписал её заново.)

Узнав, что глава КГБ назвал её мемуары «клеветническим произведением, помогающим нашим врагам», Евгения Гинзбург также сожгла свою рукопись, но вскоре восстановила её и позволила переправить и опубликовать на Западе за десять лет до своей смерти в 1977 году (20).

Снегов, после краткого периода решительного протеста против реабилитации Сталина – на одном собрании он выступил в защиту историка, подвергнувшегося нападкам за критику сталинского военного руководства, – ушел от публичной жизни, замолчал и замкнулся. Другие, как я уже говорил, вдохновляемые родными, посвятили себя тайному написанию мемуаров. Некоторые, как Ларина, Шатуновская, Икрамов и младший брат Бухарина Владимир, писали или диктовали исключительно «в стол», слабо надеясь на будущую «оттепель». Но были и те, кто, как Гнедин, Байтальский и Якир, печатал свои произведения для распространения в самиздате, а если подворачивался шанс, переправлял для публикации за рубеж.

Некоторые жертвы, и их было не так уж мало, в принципе не желали хранить молчание. Возвращение государственной цензуры сталинской поры сделало Роя и Жореса Медведевых политическими изгоями у себя на родине, вынужденными отказать от своих первоначальных профессий, но при этом широко известными и признанными историками на Западе. Антонов-Овсенко, как он часто говорил мне, ощущал свою миссию в том, чтобы «разоблачать сталинских палачей и их наследников в КГБ». (Когда сотрудники этого органа проводили у него обыск в 1982 году, он кричал им: «Я напишу о вас в своей книге!») Солженицын и Копелев так безжалостно сражались с прошлым и настоящим на страницах своих книг, что были выдворены из Советского Союза. По тем же причинам был вынужден, в конце концов, покинуть страну и Василий Аксёнов.

Существовал, впрочем, и третий путь, промежуточный между молчанием и открытым неповиновением. С окончанием террора и ослаблением партийно-государственного контроля в разных сферах, советские авторы могли писать о терроре не напрямую, а завуалировано, используя намёки и умолчания – как говорили, «между строк». Так Леонид Петровский и Антонов-Овсенко сумели опубликовать в 1970-е годы биографии своих расстрелянных отцов. Обе книги подверглись жес-

токой цензуре, в них даже не были упомянуты истинные причины смерти героев. Кроме того, книга Петровского была сильно сокращена, практически до размеров брошюры, и издана в отдалённом Советском Казахстане, а Антонов-Овсёенко был вынужден опубликовать свою под псевдонимом (21). Оба смертельно переживали по поводу компромиссов, на которые им пришлось пойти, но утешали себя тем, что вернули своих отцов из небытия.

Немало бывших зеков было и среди читаемых и публикуемых поэтов той поры, и они тоже, как Юрий Айхенвальд, вкладывали аллюзии на свой гулаговский опыт в строчки своих стихов. Эти авторы, включая Николая Заболоцкого, Анатолия Жигулина, Бориса Ручёва, Ярослава Смелякова, Андрея Алдан-Семёнова, неизвестны большинству западных читателей, но были популярны среди читающей советской публики. Другие «возвращенцы», которые знали, что эти поэты также сидели при Сталине, постоянно искали и находили в их стихах скрытые намеки на собственный лагерный опыт. (Моя неудачная попытка охарактеризовать это их занятие как гулаговскую настольную игру не встретила понимания.)

Самыми выдающимися «междустрочными» писателями о терроре были, впрочем, два прославленных сына крупных сталинских жертв: драматург Михаил Шатров и писатель Юрий Трифонов. Действие большинства пьес Шатрова происходит в досталинский период советской истории. В них изображаются драматические события, но, по необходимости, без главных действующих лиц: не реабилитированных на тот момент Бухарина, Рыкова, Томского и Троцкого. Мне иногда было любопытно, понимают ли цензоры, что шатровская аудитория умеет не только бегло читать между строк, но и легко восполняет сделанные им пропуски.

В «Большевиках», например, на которых в битком забитый московский театр меня водила Анна Ларина в конце 1970-х годов, центральной темой Шатров сделал страстные дебаты, развернувшиеся между соратниками Ленина после серьёзной попытки покушения на его жизнь в 1918 году: является ли она достаточным оправданием для развязывания террора против оппонентов большевиков? На сцене брежневской поры разворачивалась замечательно искренняя, хотя и несколько абстрактная дискуссия о моральности, эффективности и последст-

виях политического террора (22). Мне же было интереснее наблюдать за параллельной драмой в зрительской аудитории, которая вздохами одобрения или возмущения демонстрировала, насколько травмирующим и незабываемым был опыт сталинского террора для советского общества.

Влияние Трифонова было куда более значительным. Талантливый писатель, чьи романы и повести имели более широкую аудиторию, чем пьесы Шатрова, сделал темой своих произведений сам сталинский террор, акт предательства и его последствия для жизни людей 1970-х годов. В центре двух романов Трифонова, опубликованных в брежневское время, – разбухшие совестью воспоминания успешных советских людей, которые в годы террора сделали фатальный выбор, затронувший их друзей и коллег. Как заметил Лев Копелев, Трифонов ничего не утаивает. «Он не упоминает лишь о том, что определённо запрещено. Он полагает, что читатель знает, на что он намекает» (23).

Некоторые советские интеллектуалы критиковали Трифонова за то, что он не выходит за рамки официальной цензуры, но бывшие гулаговцы любили его произведения. Знали они и о его личной драме. Родившегося в 1925 году Трифонова, как и многих его героев, террор оставил сиротой. Это было поколение людей, которые подчас совершали выбор, о котором впоследствии жалели. В 1951 году за свою первую конформистскую повесть Трифонов получил Сталинскую премию. Позже он раскаялся в том своём «предательстве» родителей, опубликовав на излёте хрущёвской «оттепели» замечательно откровенную книгу о судьбе своего отца. (Личными материалами для этой книги с ним поделился вышедший в отставку Микоян.) (24). Его романы 1970-х годов служили ещё большей покупительной жертвой. В этом отношении Трифонов, умерший в 1981 году, был предтечей того исторического, политического и личного покаяния, которое станет одной из главных черт горбачёвского времени.

Наконец, сталинские жертвы и их близкие сыграли важную роль в советском диссидентском движении и в распространении бесцензурной литературы, известном как самиздат. Отпечатанные на машинке и ходившие по рукам копии рукописей выросли во второй половине 1960-х годов в крупное явление в форме петиций, протестующих против кремлёвской реабили-

тации Сталина. Многие имена, встретившиеся читателям в этой книге, были в числе первых авторов самиздата: Евгений Гнедин, Лев Копелев, Камил Икрамов, братья Медведевы, Антон Антонов-Овсенко, Андрей Сахаров, Юрий Айхенвальд, Игорь Пятницкий, Юлий Ким, Юрий Гастев, Пётр Якир, Леонид Петровский, Юрий Ларин, Татьяна Баева и Михаил Байтальский.

Более того, в то время как сталинский террор и его жертвы практически исчезли из официальных средств массовой информации, они стали центральными темами самиздата, к которому присоединялось растущее количество рукописей, опубликованных за рубежом и тайком ввезенных обратно в страну. Хотя число читателей этих книг не превышало нескольких тысяч, этого было достаточно, чтобы передать знание о сталинской эпохе другим, особенно молодому поколению, выросшему за годы долгого брежневского правления. И опять самыми важными книгами оказывались те, что были написаны жертвами сталинского террора: «К суду истории» Роя Медведева, «Архипелаг Гулаг», другие романы Солженицына, воспоминания Гинзбург, Копелева и других бывших зеков.

К началу 1970-х годов, когда разовые протестные акции самиздата вылились в относительно широкое диссидентское движение, призывающее к фундаментальным изменениям в советской системе, три его крупнейших представителя были людьми, на которых сталинский террор оказал сильное влияние (25). На левом фланге Рой Медведев, отец которого умер в Гулаге, выражал интересы социал-демократической традиции марксизма-ленинизма. На правом бывший зек Солженицын отстаивал русские националистические традиции. А между ними был физик-ядерщик Андрей Сахаров, мать жены которого вышла на свободу при Хрущёве.

Большинство известных мне сталинских жертв, ставших позже диссидентами, стойко переносили все невзгоды как прошлой, так и последующей жизни, но один не сумел. Трагедия Петра Якира, сына расстрелянного в 1937 году командарма, разыгралась в той самой длинной тени сталинского террора, которую последний отбрасывал на последующую советскую эпоху. После семнадцати лет, проведённых в Гулаге, куда Якир попал четырнадцатилетним, он вышел на свободу при Хрущёве. Большой, дружелюбный, беззаветно преданный делу

исторической справедливости, он был исключительно смелым человеком, но мучительно страдал от своих гулаговских воспоминаний и – чем дальше, тем больше – от алкоголизма. Свержение Хрущёва, который лично его поддерживал, сделало Якира одним из главных организаторов диссидентских тайных и публичных акций, а также соавтором, совместно с Леонидом Петровским, ряда страстных антисталинских манифестов.

В результате, в июне 1972 года Якир был арестован. Тогдашний глава КГБ и будущий советский лидер Юрий Андропов лично курировал это дело. (Говорят, что Андропов специально выждал несколько месяцев после смерти матери Петра, бывшей гулаговки и вдовы реабилитированного командарма.) Что конкретно говорили и делали Якиру в московской тюрьме КГБ, остаётся неизвестным – ему могли пригрозить разоблачением факта его вынужденного сотрудничества с НКВД в 1940-е годы – но через четырнадцать месяцев он объявился на национальном телевидении с отречением от своей диссидентской деятельности и с информацией, которая привела к многочисленным допросам, обыскам и арестам. Сам Якир отделался относительно мягким наказанием, которое свелось к трём годам вынужденного проживания в городе недалеко от Москвы. Затем ему было разрешено вернуться в столицу. Хронически больной и ведущий замкнутый образ жизни, он умер в 1982 году, в пятьдесят девять лет, в день, когда хоронили Брежнева.

Многие товарищи Якира по диссидентскому движению обвиняли его в том, что он «сломался», но большинство жертв сталинского террора их не поддерживали. Анна Ларина, знавшая Якира и его мать в Гулаге, вспоминала его как «чудесного, загубленного мальчика Петю Якира» (26). Она всегда говорила о нём с уважением и любовью. Обычно откровенная Таня Баева, близкая подруга дочери Якира Ирины и её мужа, Юлия Кима, отказалась сообщить мне, что ей было известно о его личной трагедии, и также никогда не отзывалась о нём критически. Ещё один бывший узник Гулага сказал только: «Они могли найти способы сделать это с любым из нас».

Сегодня никто не сомневается в значимости диссидентского движения, но в отношении того, насколько большую роль оно сыграло, оценки расходятся. Одни русские уверены, что имен-

но оно стало причиной тех демократических изменений, которые начались в Советском Союзе в конце 1980-х годов при Горбачёве. Другие утверждают, что важнейшим фактором стал новый лидер, которого поддерживали ряд членов правящей элиты. Как человек, знакомый и с диссидентами, и с окружением Горбачёва, а также как историк, я придерживаюсь последней точки зрения. В России политические реформы всегда начинались сверху, теми, кто обладал властными полномочиями их инициировать.

Но вклад диссидентов был, тем не менее, важен. Поддерживая в советском обществе память о сталинском терроре и антисталинизме хрущёвского времени, а также смело и настойчиво защищая демократические и прочие еретические идеи, они помогли подготовить советский политический истеблишмент к переменам, которые последовали за эпохой брежневского консерватизма. В знак признания этих их заслуг Горбачёв позволил бывшим диссидентам принимать участие в официальной политике и снял запрет с публикации их произведений.

В этом отношении сталинские жертвы, двадцать лет бывшие не в чести у власти и лишённые публичности, способствовали своему повторному появлению на сцене, так сказать, второму великому возвращению, на сей раз более благожелательно воспринятому советским правительством. Но, учитывая их возраст и годы, проведённые в нечеловеческих условиях, очевидно, что немногие из бывших гулаговцев дожили до этих исторических перемен.

* * *

Годы пребывания у власти Горбачёва помнятся в основном тем, что привели к концу Советского Союза, но они также вывели на авансцену политической жизни сталинских жертв – в первый и, возможно, последний раз в истории. В 1980-е годы «вся страна», по наблюдению одного социолога, «размышляла над феноменом Сталина» (27). Поток полных подробностей публикаций о массовом терроре не шёл ни в какое сравнение с разовыми, фрагментарными откровениями хрущёвской эпохи, и то же касалось масштабов восстановления исторической справедливости и количества реабилитированных граждан. Один престарелый гулаговец, освобождённый, но не реабилитиро-

ванный в 1950-е годы, позже назвал Горбачёва «святым Михаилом, нашим избавителем».

Но главная миссия нового лидера была куда значительнее. Советская реформация, или перестройка, которую Горбачёв попытался осуществить в 1985–1991 годах, была призвана заменить введённый Сталиным режим монополистического контроля существенно более демократической и ориентированной на рынок системой. Чтобы преодолеть мощное сопротивление своим реформам, Горбачёв должен был развенчать освящающие существующий порядок догмы и табу сталинского времени, а для этого, в свою очередь, изобличить – причём полнее и последовательнее, чем это сделал Хрущёв – преступления, совершенные в 1929–1953 годах. Ему нужна была, следовательно, альтернативная советская история. Такая была только одна: период более рыночной и менее драконовской новой экономической политики 1920-х годов, – однако камнем преткновения на пути её восстановления во всей полноте служила криминализация Сталиным политического символа той эпохи – Николая Бухарина.

Реабилитация Бухарина стала одной из первых закулисных схваток, ожидавших Горбачёва на его пути после прихода к власти в 1985 году. (Даже будущий максималист Ельцин, в ту пору – партийный лидер регионального масштаба, считал, что делать это «слишком рано», на что Горбачёв возражал: «Нет, уже поздно».) Только в 1987 году он сумел публично признать и радикализовать долго отвергаемый хрущёвский антисталинизм, объявив Сталина виновным в «реальных преступлениях». Для него это было безоговорочным решением: «Мы никогда не можем и не должны прощать или оправдывать то, что было». В ноябре в телевизионном выступлении перед советским народом Горбачёв лично реабилитировал имена и Бухарина, и Хрущёва (28).

Результатом, по выражению двух российских историков, стал «бухаринский бум», разразившийся в советской политике и культуре (29). Из «архиврага народа» Бухарин превратился в одного из величайших героев нации, даже в подлинного наследника Ленина. Составляющими «бума» стали сотни хвалебных статей в прессе, переиздания его трудов, исследования, положительно оценивающие роль идей Бухарина, три полных биографии, помимо ставших бестселлером мемуаров

Анны Лариной, годовая выставка в Музее Революции, три художественных фильма, целый ряд романов, пьес и стихов, а также многочисленные визуальные артефакты, от значков с его изображением до живописных полотен.

Всё это должно было не только сделать Бухарина «сталинской жертвой номер один», но и, как вспоминал помощник Горбачёва, «открыть шлюзы» исторической правде. По мере того как гласность, или постепенная отмена цензуры, набирала силу, и в советских средствах массовой информации стало появляться всё больше рассказов о терроре, в том числе от лица самих выживших, пресса, радио и телевидение, специализированные сборники статей наполнились именами и других видных жертв сталинских репрессий (30). С публикацией в Советском Союзе в 1990 году «Архипелага Гулаг» этот год получил название «года Солженицына», хотя для меня и он, и два предыдущих года были временем подлинного возвращения сталинских жертв. (Сам Солженицын вернулся в Россию в 1994 году.)

Не остались без внимания и безвестные жертвы террора. Хрущёвским комиссиям понадобилось восемь лет, чтобы реабилитировать 700 тысяч человек. Горбачёв за два года реабилитировал более миллиона сталинских жертв, а в 1991 году издал президентский указ о реабилитации всех оставшихся. Между тем, движение за восстановление справедливости росло и снизу. В 1988 году в прессе распространилась информация, что общественные организации начали находить места массового захоронения людей, расстрелянных в конце 1930-х — начале 1940-х годов. К 1991 году таких мест было обнаружено около сотни. (Захоронение в Донском монастыре, где Саша Мильчаков показывал мне крематорий, именовалось «общая могила № 1». Надпись на могильном камне гласит: «Здесь захоронены останки расстрелянных жертв политических репрессий 1930–1942. Вечная им память».)

Впервые у сталинских жертв появились собственные независимые организации, представляющие их интересы. В создании самой важной из них принимали участие люди разных поколений. В 1987 году молодые антисталинисты вспомнили хрущёвский призыв о строительстве национального памятника жертвам политических репрессий. В 1988 году группа, состоящая из известных интеллектуалов и общественных деятелей среднего возраста, опираясь на петиции с десятками тысяч

подписей и поддержку Горбачёва, основала Общество «Мемориал», вскоре уже имевшее отделения по всей стране (31). Его целью было не только установление личности и увековечение памяти погибших, но и помощь выжившим жертвам террора, которых оставалось всё меньше, в том числе посредством благотворительности. Когда банковские счета, на которые можно было перечислять пожертвования, были опубликованы, деньги (обычно очень небольшие суммы) приходили со всей страны.

К сожалению, очень многие жертвы террора, которых я знал в 1970-е годы, умерли до прихода к власти Горбачёва, но другие оставались в строю и были готовы играть свои новые роли. Больше всего, конечно, я был счастлив за Анну Ларину. Её воспоминания о жизни с Бухариным, а затем о пребывании в Гулаге и в ссылке, опубликованные в Москве в 1988 году, сделали её самой знаменитой политической вдовой Советского Союза. «Представляешь, – говорила она удивленно-смущенно, – эта старая зека в 74 года стала звездой!» Её сын Юрий, с устранением политических препятствий, наконец-то добился признания как художник. А дочь Бухарина, Светлана Гурвич, хотя и не без опаски, смогла продолжить карьеру историка.

Другие мои знакомые, каждый по-своему, также вышли из тени. О пьесах Шатрова «Диктатура совести» и «Дальше, дальше, дальше» говорили, что они превратили театр в виртуальный парламент ещё до того, как Горбачёв торжественно открыл заседания реального в 1989 году. Рой Медведев и Андрей Сахаров были избраны депутатами нового законодательного органа. Леонид Петровский, одновременно писавший новую, полную, версию биографии своего отца, был, казалось, на всех баррикадах перестройки. Статьи Мильчакова идейно возглавили движение поиска массовых захоронений, и вместе с Юрием Айхенвальдом, уже не скрывавшим своего имени, он вошёл в число основателей общества «Мемориал». Прессу заполонили обвинительные статьи Антонова-Овсеенко о Сталине и «банде Берии». Рассказы Льва Разгона о Гулаге сделали ему имя как писателю и телевизионному персонажу. А смертельно больной Камил Икрамов, умерший в 1989 году, успел завершить книгу о трагедии своей семьи (32).

Сталинские жертвы, «одновременно и трагические, и святые», теперь пользовались сочувственным вниманием нации

или, по крайней мере, тех официальных лиц и рядовых граждан, которые поддерживали реформы Горбачёва. Второе возвращение пострадавших от террора, мертвых и живых, было характерной чертой перестройки, проявившейся повсеместно, от кино- и телеэкранов, больших музейных выставок и «вечеров памяти» до уличных митингов. Вот сокращённый репортаж, написанный моей женой, Катриной ванден Хювель, для журнала *The Nation* о двух типичных событиях, имевших место в Москве в марте 1989 года:

Антисталинизм был главной темой носящих характер эпидемии московских митингов. В Институте международных отношений был дан «Политический спектакль», поставленный силами студентов и «Мемориала». Вечер, в программе которого фигурировали речи, фильмы, выступления начинающих рок-групп, привлёк больше тысячи зрителей. Среди выступающих были Анна Ларина, зять Хрущёва, пользующийся растущей известностью, и писатель, рассказавший о недавно обнаруженных полигонах смерти НКВД.

В промежутках между выступлениями и отрывками из антисталинского фильма «Покаяние» играли рок-группы с такими названиями, как «Архипелаг Гулаг» и «НКВД». В антракте зрители перетекли из зала в институтское фойе, где «Мемориалом» была организована выставка фотографий и документов о сталинском терроре, а также представлены проекты памятника жертвам репрессий.

На следующий день «Мемориал» устроил митинг в Парке имени Горького, собравший около трёх тысяч человек. В потоке устремившихся в парк самых разных людей были и пожилые заключённые сталинских лагерей, и молодые пары с детскими колясками (33).

Впервые особое внимание было приковано к детям террора, многие из которых в результате репрессий остались сиротами и которые продолжали быть побочными жертвами. Некоторые до сих пор ничего не знали о том, что случилось с их родителями, а те, которые что-то знали, продолжали мучиться от неведения по поводу остального. Газеты вскоре оказались заполнены письмами с просьбами помочь найти информацию о близких. Вот, например, письмо от жителя Новосибирска:

В 1937 году я лишился отца и деда, в 1956 году узнал об их смерти и посмертной реабилитации. Все эти годы совесть моя не знает покоя. Какой же я сын и внук, если не могу поклониться их могилам? (34)

Побуждаемые политикой Горбачёва, высокопоставленные чиновники обещали помочь. Делегации жертв террора были приняты Председателем нового законодательного органа Анатолием Лукьяновым и, отдельно, проявившим необычное для его статуса участие генералом КГБ Анатолием Краюшкиным. (Интеллектуал Краюшкин, в молодости мечтавший стать актёром и выглядевший соответственно, очень помог мне, когда мы познакомились с ним позднее: до 1995 года он возглавлял архив КГБ.) (35). Необходимой информации о пропавших родственниках, правда, эти встречи не принесли. Поиск таких сведений сделался важным направлением деятельности «Мемориала», но поначалу более результативными, чем любая структура, оказались в этом плане усилия двух замечательных – и неожиданных – личностей.

Один был сам сыном жертвы террора. Отец Саши Мильчакова, как читатели помнят, вернулся из Гулага в 1950-е годы, но Саша не смог перестать думать о тех, кто не вернулся, и их семьях. Тридцать лет спустя горбачёвские инициативы развязали Мильчакову руки. Маленький, взъерошенный, излишне живой и общительный в свои пятьдесят с лишним лет, он носил костюм с не подходящим к нему галстуком, даже когда исследовал могилы, с трудом выволакивая ноги из кладбищенской грязи – возможно, чтобы убедить встревоженных сотрудников органов и кладбищенское начальство, что он профессиональный журналист. Следуя за ним повсюду, я думал, что Саша – самый убежденный и решительный искатель сгинувших, забытых и безвестных жертв террора.

Уже в 1988 году Мильчаков произвёл сенсацию, опубликовав ряд статей об обнаруженных в Москве массовых захоронениях жертв НКВД. Человек безграничной энергии, он затем переключился на судьбы отдельных жертв, выуживая из КГБ, унаследовавшего архивы НКВД, данные о точных датах расстрела, местах захоронения и даже тюремные фотографии. Учитывая, что он мог опираться на поддержку очень немногих сотрудников этого ведомства при сопротивлении большинст-

ва, успех Мильчакова был поразительным. Когда в популярной московской газете стали печататься его «расстрельные списки», сначала с десятками, затем с сотнями имён, родственники людей, пропавших полвека назад, с нетерпением ждали каждую новую порцию в надежде узнать, наконец, их судьбу. Большинство ждали напрасно, но многие дождались (36).

Другой их герой, облачённый в джинсы молодой человек двадцати с небольшим лет, по виду почти студент, был ещё более неожиданной фигурой. В 1986 году Дмитрий Юрасов, молодой архивист, хранитель фондов архива Верховного Суда СССР, наткнулся на записи о миллионах неизвестных дел, датируемых 1930-ми годами. Папки содержали подробную информацию о жертвах и смертных приговорах, а также письма обречённых узников с отчаянными мольбами о помощи. (Одно из этих писем – письмо режиссера Мейерхольда с описанием своих мучений – приведено в начале этой книги.) В течение года Юрасов тайком составлял картотеку, в которую вошли данные примерно на 123 тысячи дел, а затем незаметно выносил карточки домой, пока его не поймали и не уволили из архива.

Обнародовав свои сенсационные находки, высокий «архивный мальчик» с привлекательной внешностью и мрачным видом, стал перестроечной знаменитостью. В 1989 году Юрасов был уже частым гостем многих моих знакомых: Медведева, Шатрова, Петровского, Икрамова, Антонова-Овсеенко, Анны Лариной, в квартире которой я впервые встретил его, и других. (В 1990 году я инициировал его поездку в США с выступлениями в ряде американских университетов, включая мой родной Принстон.) Отношения Юрасова с людьми, во множестве обращавшимися к нему с вопросами относительно пропавших родственников, носили особое свойство: он пытался ответить каждому. Поэтому, несмотря на безобразные перепалки с бывшими сторонниками, в которые он оказался втянут позже, для этих людей он всегда был «наш Дима».

Пристальное внимание общества к сталинским жертвам неизбежно привело к возобновлению официально приостановленного в середине 1960-х годов поиска их палачей и призывов к суду над последними. «Живы те, кто убивал! – зывал главный редактор самого популярного советского журнала конца 1980-х годов. – Должен состояться второй Нюрнберг!».

Вняв этому призыву, журналисты принялись искать уцелевших «палачей на пенсии», принимавших участие в репрессиях полвека назад. Результатом их поиска стала горстка стариков, которые либо настаивали, что их жертвы были «врагами народа», а они лишь «выполняли приказы», либо в страхе жались по своим углам, едва ли в состоянии понять, в чём их обвиняют, и вспомнить свои преступления. (Годы спустя один бывший «палач» из числа неглавных публично раскаялся в содеянном.) (37)

Из жертв, которых я знал, мало кому этот спектакль доставил удовольствие, а реального судилища и вовсе не хотел никто. Некоторые поддерживали идею посмертного, символического суда над Сталиным, и все приветствовали развернутый в средствах массовой информации суд над сталинской эпохой, частью которого была выходящая за рамки процесса дискуссия о национальной «совести и покаянии». Большинство, однако, были согласны с Роем Медведевым, считавшим, что подлинный вердикт может быть вынесен «только судом истории» (38). Между тем, Анну Ларину и других побочных жертв террора волновала судьба ни в чём не повинных родственников рядовых сталинских подручных, которые теперь подвергались преследованию. «Что за жизнь у них будет, – переживала Ларина, – если имена, фотографии и адреса их отцов и дедов появятся в прессе?»

Мы с Лариной оказались участниками двух таких историй. Когда в Москве в 1989 году была опубликована моя биография Бухарина, неожиданно объявился человек, 91-летний писатель Валентин Астров, единственный из молодых бухаринцев, кто пережил сталинский террор, который решил ответить на высказанное мною в книге (и позже подтверждённое) предположение, что он уцелел благодаря тому, что помогал сдавать ближайших товарищей. Явно подвигаемый семьёй к «установлению истины», Астров опубликовал в центральной газете большое письмо с оправданием своего поведения (39). Редактор призывал нас с Лариной ответить и ещё больше пристыдить Астрова. Но ни у неё, ни у меня не хватило духу сделать это. (Впоследствии, когда Юрий Айхенвальд позвонил Астрову, чтобы обвинить в том, что тот предал его родителей, у него сложилось впечатление, что старик не помнит, о чём речь.)

История с 65-летней дочерью Лазаря Когана, следователя, допрашивавшего Бухарина в тюрьме на Лубянке, была более пронзительной и щемящей. Несмотря на его прямую причастность к уничтожению её мужа, Анна Ларина испытывала определённую симпатию к Когану и его семье. Впоследствии она вспоминала, что во время короткой встречи с молодым капитаном НКВД на Лубянке сразу после ареста Бухарина в 1937 году он внезапно крепко пожал ей руку, и, взглянув на него, она «увидела в его глазах неописуемую скорбь» (40). Отчасти поэтому Ларина сказала его дочери, когда много лет спустя я свел их вместе, что Бухарин и Коган «оба жертвы».

Мои собственные чувства имели противоречивое свойство, нараставшее по мере того, чем больше я узнавал от дочери Когана, чья жизнь сначала в детском доме сталинской поры, а затем в каком-то случайном городке была безрадостной. Ей было десять лет в 1938 году, когда Коган исчез с больничной койки госпиталя – его расстреляли в 1939-ом, почти ровно через год после Бухарина – и детские воспоминания об отце, любовь к нему она сохранила на всю жизнь. (Кому-то из читателей, возможно, эта история напомнит рассказ Гроссмана «Мама» о Ежове и его маленькой дочке.) Поскольку надежда на то, что «палач НКВД» будет когда-нибудь, хотя бы частично, реабилитирован, была призрачной, всё, что у неё осталось, это были выцветшие фотографии: Коган с женой и маленькой дочкой и среди товарищей-офицеров, – и короткое письмо отца, адресованное ей.

Это письмо Коган написал в день её рождения в августе 1937 года, когда на него со всех сторон давили, требуя подготовить отказывающегося сотрудничать Бухарина к грядущему процессу, и вскоре после вручения ему ордена Ленина за «службу». Когда дочь Когана показала мне письмо, я прочел его молча, ничем не выдав своей реакции. Читатели могут сами сделать выводы о нём и о том времени:

Танечка, доченька моя родная, моя любимая!

– Поздравляю тебя с днем рождения.

– Крепко тебя целую.

– Живи и расти вместе с нашей солнечной страной, единственной, самой прекрасной – советской страной.

- В нашей стране – всё для тебя.
- И папа твой живет и работает – для тебя.
- И орден Ленина – для ТЕБЯ и для всех детей.
- Расти и будь достойной дочерью своей страны и её вождя товарища СТАЛИНА.

Папа.

Научная объективность – важная вещь, но моя подверглась испытанию в горбачёвские годы. Как только мы с Катриной получили, наконец, въездные визы, мы снова жили в Советском Союзе по несколько месяцев в году. Как один из немногих западных ученых, предвидевших возможность прихода к власти нового антисталинистского руководства, я хотел подвергнуть такому же беспристрастному анализу начавшиеся реформы Горбачёва. Но в Москве возвращение из небытия политической фигуры Бухарина сделало советское издание моей книги провозглашенным символом тех драматических перемен. Я был завален просьбами об интервью и публичных выступлениях.

Я пытался провести черту между моим научным анализом стремительно развивающихся событий и моим долгим личным участием в жизни тех людей, чьи судьбы теперь оказались ими затронуты. Но где проходила эта разделительная черта? (Этот вопрос мы как-то обсуждали с Леном Карпинским, который теперь, после восстановления в партии и до окончательного выхода в 1991 году, был уважаемым писателем и редактором.) В 1989 году я получил неожиданное официальное приглашение принять участие в ежегодном Первомайском параде на Красной площади и сказать оттуда несколько слов для центрального советского телевидения. Моим первым, инстинктивным, желанием было отказаться: предложение выглядело абсурдным. Но Анна Ларина и другие знакомые бывшие гулаговцы переубедили меня, причём весьма характерным способом. «Стив, – сказали они, – ты говоришь, что ты случайный человек во всём, что сейчас происходит, но ты ошибаешься. Это наша общая судьба».

И вот, в сопровождении Катрины и моего сына Эндрю, я был доставлен на празднично украшенную и заполненную тысячами зрителей Красную площадь к месту вблизи Мавзо-

лея Ленина. Другие выступающие уже собрались, включая фантастически юного активиста, недавно обошедшего на выборах председателя горсовета Волгограда (бывшего Сталинграда) местного партийного босса. Над нами, наблюдая с высокой трибуны Мавзолея за ходом трёхчасового парада, стояли Горбачёв и другие руководители государства. Когда подошла моя очередь обратиться к миллионам советских телезрителей, я постарался говорить профессионально (и грамматически правильно по-русски), рассуждая в общих чертах об исторических альтернативах. Но спустя пару дней, когда один российский кандидат в депутаты попросил меня выступить на митинге от его имени, я понял, что смазал ту самую черту. Я твёрдо отказался и с тех пор держался в стороне от политики.

Зато я не видел необходимости сдерживать свои симпатии по отношению к тем жертвам сталинизма, чьи страдания, наконец, обретали публичное признание. С однозначным удовольствием я принимал участие, иногда вместе с Анной Лариной, в мероприятиях в их честь – вечерах памяти. Многие гулаговцы, которых я знал раньше, когда их существование было скудным и обделённым вниманием, теперь, казалось, воспряли, обретя новый статус. Сын Лариной заметил подобную перемену в своей матери. Как он вспоминал позже в телевизионном фильме о Лариной «Вдова революции», который я (вместе с Розмари Рид) делал для компании PBS: «Я был так горд за неё. Она так долго была унижена. А теперь она была так величественна».

Были эмоциональные моменты и более личного свойства. В один памятный вечер в 1988 году мы с Катриной и Анной Лариной смотрели в московском театре спектакль по мемуарам Евгении Гинзбург. Когда игрались сцены ареста и допроса героини, а также угрожающих моментов для её семьи, престарелые гулаговцы в зале стихийно реагировали, и не шепотом, как на пьесе Шатрова десять лет назад, а отчетливыми репликами типа «Да, точно, так всё и было!», «Вот, что они делали со мной!», «Сволочи!» Анна смотрела молча, слегка кивая головой, глаза её оставались сухими. В отличие от моих.

Ещё одно знаковое публичное мероприятие – произошедший в 1989 году первый после 25 лет официальной опалы Хрущёва памятный вечер в его честь – показало, как сильно в горбачёвские годы были перемешаны история, политика и че-

ловеческая память. Вечер проходил в большой престижной аудитории в центре Москвы. Сидя на трибуне вместе с Анной Лариной, Роем Медведевым и некоторыми другими людьми, у которых я тайком брал интервью всего несколько лет назад, я видел лица множества других таких же бывших зеков в ярко освещённом, переполненном зале. Не меньше меня потрясённые происходящими у них на глазах историческими переменами, они смогли, наконец, отдать дань уважения человеку, который дал им свободу. Некоторые из них плакали.

На одном из последующих приёмов журналисты заспорили о противоречивой роли Хрущёва. К тому времени большинство людей уже знали о тёмной стороне его карьеры: о крови на его руках, о том, что он не сказал всей правды о прошлом, о запрете романов Пастернака «Доктор Живаго» и Гроссмана «Жизнь и судьба», о его собственных репрессивных мерах после 1956 года, вновь наполнивших лагеря, и т. д. Но это не уменьшило благодарности к нему бывших гулаговцев, присутствующих в зале. Практически в один голос они повторяли слова, сказанные мне в 1970-е годы Евгением Гнединым: «Я знаю всё, что Хрущёв сделал плохого. Но он вернул мне мою жизнь и семью и дал мне пенсию. О чём мне ещё просить его?». Анна Ахматова выразилась более лаконично, заявив однозначно: «Я – хрущёвка» (41).

Очень многие члены советской элиты и рядовые граждане, однако, не любили Хрущёва – как и человека, который вернул его из небытия. Оппозиция горбачёвской перестройке нарастала и к 1990 году распространилась по всей стране. И неспроста: подразумеваемые ею политические и экономические реформы, обратившие некогда сакральную историю в «мартиролог», поставили под угрозу занятость и материальное благополучие миллионов людей, лишили сотни тысяч партийных и государственных чиновников их бывшего влияния, одновременно порождая требования ещё более радикальных перемен. Для большинства этих людей и представляющих их политических сил всё, что делал Горбачёв, было актами предательства, а его антисталинизм – «идеологией бывших зеков» (42).

Последнее утверждение было политически безосновательно, но содержало в себе долю исторической правды. Целый ряд членов горбачёвского руководства имели репрессированных при Сталине родственников, в том числе министр иностран-

ных дел Эдуард Шеварнадзе; влиятельный партийный функционер, который помог Горбачёву прийти к власти, Егор Лигачёв; а также Борис Ельцин. У самого Горбачёва оба деда были арестованы в 1930-е годы. Они уцелели, в отличие от деда его жены, который был расстрелян. Впрочем, все эти семейные истории не определяли политику перестройки. Лигачёв вскоре стал главным оппонентом Горбачёва в коммунистической партии, Шеварнадзе ушел в отставку, а Ельцин позже лишил Горбачёва руководства.

Правда, при всей своей идейно-политической значимости, материальных последствий для бывших жертв террора анти-сталинистская политика Горбачёва, как правило, не имела. Было несколько примеров возвращения конфискованной собственности. Например, дача осужденного Леонида Серебрякова, конфискованная Вышинским в 1937 году и сменившая после его смерти нескольких высокопоставленных владельцев, включая советского премьер-министра Алексея Косыгина, в конце концов, была возвращена дочери Серебрякова – через тридцать лет после её освобождения из Гулага. Семье Бухарина и некоторым другим семьям, реабилитированным при Горбачёве, как я уже упоминал, анонимно вернули некоторые вещи, пропавшие в 1930-е годы.

Однако, несмотря на всё внимание и все обещания, выданные Горбачёвым жертвам террора, многие из них продолжали владеть столь бедственным состоянием, что одна из организаций бывших узников опубликовала в 1990 году «СОС с архипелага Гулаг» с призывом о частных пожертвованиях (43). Между тем, финансово несостоятельное, лишённое политического единства правительство Горбачёва, было в принципе не способно обеспечить выплату тех компенсаций и льгот, которые были им гарантированы законодательно. И в декабре 1991 года государство, которое взрастило, потом посадило, а потом освободило сталинских жертв, перестало существовать. Почти все бывшие гулаговцы, которых я знал, сожалели по этому поводу.

Эпилог

СТАЛИНСКИЕ ЖЕРТВЫ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

И снова, вместе с миллионами людей, ждущими его прихода, мы повторяем, как заклинание – он рядом, он близко, он придёт.

Русский ультранационалист, 1999

Неужели это он? Да, Сталин вернулся.

Русский ультранационалист, 2004

Когда я заканчиваю эту книгу, двадцать лет спустя после кончины советского коммунизма и почти шестьдесят – после смерти Сталина, его роль в истории продолжает поляризовать Россию. Согласно исследованиям, проведённым в 2009 и 2010 годах, когда это противостояние вновь заявило о себе как о важном политическом факторе, многие россияне считают Сталина «жестоким, бесчеловечным тираном», который «убил миллионы невинных людей», но многие другие уверены, что он был «великим и мудрым руководителем», который «не репрессировал никого из честных граждан», или что число его жертв не так важно, как его достижения (1).

Почему споры о сталинском правлении не стихают и даже усиливаются в XXI веке? Частичный ответ дал в своё время один антисталински настроенный советский журналист, объясняя оппозицию горбачёвским реформам: «Так же, как мы с вами не можем выпрыгнуть из своей шкуры, нация не может выпрыгнуть из своей истории» (2). Сталинизм был большой, формирующей и травмирующей главой новейшей российской истории, и поэтому он до сих пор тяготит и разделяет нацию –

совсем как рабство, не менее формирующий этап американской истории, уже полтора века после отмены влияет на Соединенные Штаты.

Но не меньшая, если не большая, часть объяснения кроется в явлениях и процессах, имевших место в России после конца Советского Союза. Западные комментаторы обычно связывают возрождение симпатий к Сталину с взглядами и политикой Владимира Путина, кадрового офицера КГБ, ставшего вторым постсоветским президентом России в 2000 году. На самом деле, «сталинский ренессанс», как его называют в Москве, начался ещё в бурные 1990-е годы при первом постсоветском президенте Борисе Ельцине, и шёл он не сверху, а снизу.

Ещё в начале своего десятилетнего пребывания у власти Ельцин издал три указа, которые по степени осуждения сталинского террора превосходили меры Горбачёва. Первый реабилитировал всех граждан, пострадавших от политических репрессий, начиная с октября 1917 года (то есть, не только сталинских). Второй признал статус жертв за миллионами детей репрессированных родителей, распространив на них право на компенсации (3). Третьим указом Ельцин объявил 30 октября днем национальной скорби по жертвам советских политических репрессий. Кроме того, он принял закон о допуске бывших репрессированных и их родственников к их делам в архивах бывшего НКВД.

Для тех сталинских жертв, кто обладал здравым умом, физическими силами и финансовыми средствами, чтобы получить допуск в архив, это было серьёзным испытанием, как я имел возможность неоднократно убедиться. В 1992 году Анна Ларина, которая уже плохо себя чувствовала, официально поручила мне ознакомиться от её имени с тюремным делом Бухарина. Изучая содержимое этих толстых папок в ветхом здании «Приемной» Лубянки в центре Москвы, куда в 1930-е годы приходили отчаявшиеся люди в надежде узнать что-нибудь о судьбе своих арестованных близких, я был глубоко тронут зрелищем десяти или более пожилых людей, склонившихся за соседними столами и уткнувшихся носами в желтевшие документы.

Они переворачивали страницы медленно, внимательно изучая каждое ложное свидетельство и признание, погубившее их близких или решившее их собственную судьбу. Одни были

благодарны выпавшей возможности прочитать прежде засекреченные дела и приходили день за днём. Других чтение так расстраивало, что они бросали это занятие и больше не возвращались. Даже сын Евгении Гинзбург, известный писатель Василий Аксёнов, был потрясен этим опытом: «Чтение архивов советского гэбэ наполняет душу мраком, а тело свинцом. Особенно если ты читаешь “дело” собственной матери» (4).

Поначалу принятые Ельциным законы в пользу сталинских жертв не встречали возражения. Сюжеты об эпохе террора регулярно появлялись на телевидении. Общество «Мемориал», основанное в Москве в 1988 году, превратилось во всероссийскую и даже международную структуру, ведущую всё более широкий поиск массовых захоронений, лоббирующую парламентские решения в отношении прав жертв, помогающую возводить памятники на территории Гулага и издающую ценные документальные исследования о судьбах жертв и их палачей. Другая организация, «Возвращение», продолжала активно заниматься сбором и публикацией мемуаров бывших репрессированных. Казалось, до полного осознания масштабов сталинского террора и развенчания его репутации великого лидера рукой подать.

Процесс был прерван решением Ельцина принять экономические меры, известные под названием «шоковая терапия». Введённые в начале 1990-х годов с целью обеспечить быстрый переход к рыночному капитализму, они ввергли постсоветскую Россию в экономический коллапс, более глубокий, чем американская «великая депрессия» 1930-х годов. Приватизация передала наиболее ценные финансовые активы бывшего советского государства в руки близких к Кремлю людей, а гиперинфляция обесценила зарплаты, пенсии и накопления рядовых граждан. Примерно 75 процентов россиян оказались за чертой бедности, их традиционные социальные гарантии превратились в ничто. На улицах городов внезапно объявились миллионы бездомных детей. Средняя продолжительность жизни мужчин упала ниже 60 лет. Страну захлестнули коррупция и мафиозная преступность (5).

С появлением десятков миллионов жертв новой эпохи интерес к жертвам минувшей претерпел «катастрофический спад» (6). (Когда в 1996 году умерла Анна Ларина, на её похоронах не было никого из членов правительства или руковод-

ства коммунистической партии.) Меж тем, репутация Сталина росла на волне социальной боли, гнева и ностальгии по советским временам. Понижение международного статуса России усилило его реноме победителя в войне и создателя сверхдержавы. Внезапное разделение России на богатую и бедную придало видимость социальной справедливости его суровым экономическим мерам. Вопиюще незаслуженные богатства и привилегии заставили взглянуть на его репрессии как на адекватное наказание реальных врагов народа.

Мало что из этих ностальгических воспоминаний соответствовало исторической действительности, но эти ретроспективные оценки, тем не менее, имели значение. В 1990 году менее 10 процентов опрошенных россиян положительно оценивали роль Сталина. Через десять лет количество таковых утроилось, а в 2005 году превысило 50 процентов (7). В то же время, позитивные рейтинги лидеров-антисталинистов, Горбачёва и Ельцина (как и Хрущёва) упали ниже отметки в 10 процентов. Народная поддержка их реформ, начиная с 1985 года, советских и постсоветских, резко уменьшилась.

Особенно неблагоприятно сказались кризисы 1990-х годов на главных политических достижениях антисталинистов, инициированных Горбачёвым: демократизации и исторической гласности. В свертывании демократизации обычно обвиняют Путина, но процесс этот начался ещё при Ельцине, когда он силой разогнал законно избранный парламент в 1993 году, передал средства массовой информации в руки имевших своекорыстные интересы финансовых олигархов и, по сути, обеспечил себе переизбрание на второй срок в 1996 году. Неверно также, что Путин, как утверждают западные обозреватели, «прикрыл» «изучение истории сталинизма» (8).

На самом деле, при Путине мы стали свидетелями открытой политической борьбы между поднявшими голову неосталинистами и антисталинистами по поводу интерпретации советского прошлого. Борьба охватила всю страну, от Петербурга и Москвы до северных поселков бывшего Гулага, и практически все публичные сферы: телевидение, газеты, книги, школы, парламент, политические партии и уличные демонстрации. Большинство западных комментаторов фокусируют внимание только на неосталинистах, не связывая при этом их нынешние политические успехи с ельцинскими девяностыми.

Да, налицо «сталинский ренессанс». Полки книжных магазинов заставлены глянцевыми томами, превозносящими все аспекты сталинского правления, включая террор. На страницах этих книг, а также коммунистических и ультранационалистических газет «Реабилитация Сталина», как гордо заявлено в одной из книжных серий, осуществлена в полном объёме. (В 2008 году, по итогам многомесячного телевизионного голосования, он был назван третьим величайшим российским деятелем — после древнерусского князя и царского министра.) К 2011 году стараниями авторов этих публикаций со Сталина полностью сняты все обвинения в каких бы то ни было преступлениях, совершенных им за годы у власти, и, стало быть, обвинения в терроре (9).

Между тем, в борьбу на стороне неосталинистов вступили влиятельные силы. Администрация Путина поддержала школьный учебник и пособие для учителей, в которых сталинское руководство в 1930-е годы представлено в выгодном свете. Преемница КГБ, Федеральная служба безопасности выступила против ряда антисталинских проектов, арестовала их материалы и, как минимум, одного историка, подвергнув гонениям остальных. Символы сталинской эпохи вновь стали появляться в публичных местах (в частности, в вестибюле одной из центральных станций московского метро), наряду с изображениями самого вождя в виде качественно выполненных плакатов.

Но и антисталинизм вовсе не был «прикрыт» при Путине. Популярное издание «Новая газета» регулярно издает приложение под названием «Правда ГУЛАГа». На его страницах публикуются документы и комментарии о сталинском «геноциде», продолжается «суд над Сталиным» и звучат призывы к «новому Нюрнбергу» (10). Публикуются десятки исторических исследований и мемуаров, повествующих о влиянии террора на рядовых граждан и целые государственные институты, такие как армия, на многие из которых есть ссылки в этой книге. Издается многотомная «История сталинизма», включающая переводы западных авторов.

Без особых помех продолжают работать и ведущие организации антисталинистов. Фонд Горбачёва провёл несколько конференций, посвящённых Хрущёву и Микояну, а также сталинскому террору вообще, которые привлекли много людей. Общество «Мемориал» продолжает искать и обнародовать места массо-

вых захоронений, спонсировать издание местных «мартирологов» и лоббировать интересы жертв. Среди его общероссийских проектов – замечательная серия сборников сочинений старшеклассников о влиянии террора на старших членов их семей (11).

Не исчез антисталинизм и из вещания подконтрольного государству телевидения – главного средства массовой информации российской политики. По произведениям Солженицына, Шаламова, Аксёнова, Рыбакова и других популярных писателей-антисталинистов были сняты художественные фильмы, которые были показаны широкой аудитории. «Круглые столы», посвящённые сталинской эпохе, не обходятся без участия её известных критиков. В 2009 году популярный телевизионный ведущий Владимир Познер, например, назвал Сталина «одним из худших злодеев в мировой истории». А в 2010 году телевизионными каналами рассматривался вопрос о показе нового документального фильма «Нюрнберг, которого не было» об Ольге Шатуновской и её расследовании в рамках «комиссии Шверника», и одновременно рассказ о её судьбе появился в «Новой газете» (12).

Как показывает пример государственного телевидения, антисталинисты тоже, как и их оппоненты, имеют высокопоставленных сторонников. Решением суда ФСБ была обязана вернуть арестованные ею материалы. Суд также отверг иск о клевете, поданный внуком Сталина к «Новой газете», назвавшей его деда «кровожадным людоедом» и «преступником». (Адвокат газеты назвал это решение «преддверием Нюрнбергского процесса над сталинизмом».) Хотя в одних государственных архивах доступ к документам эпохи террора ужесточился (так называемая «архивная контрреволюция»), в других были рассекречены новые, в том числе 18 тысяч в одном только Магадане (13). В 2008 году члены путинского правительства приняли участие в организованной «Мемориалом» конференции по террору.

Другой показательный пример – бывший мэр Москвы Юрий Лужков. Влиятельный политик с кремлевскими связями, он разрешил в 2002 году установить на Арбате памятник покойному поэту, писателю и барду Булату Окуджаве – сыну репрессированных родителей, с хрущёвской оттепели слывшему символом антисталинизма. Кроме того, Лужков передал Ан-

тонову-Овсеенко под первый государственный музей истории ГУЛАГа, открывшийся в 2004 году, ценный объект недвижимости в центре Москвы, на Петровке, и необходимые финансовые средства.

Короче говоря, политическая борьба вокруг сталинской эпохи, начавшаяся при Хрущёве и набравшая такой вес в реформах Горбачёва, снова оказалась на поверхности при Путине. Как заметил один антисталинист в 2007 году – в год семидесятилетия «большого террора» – лежащий в её основе конфликт между «двумя Россиями», увиденный Анной Ахматовой в 1956 году, «не исчерпан до сих пор». И снова характерной чертой этой борьбы является вызывающая острые споры кампания за строительство национального мемориала жертвам террора, возглавляемая сегодня Горбачёвым, обществом «Мемориал» и «Новой газетой» (14).

Что касается роли самого Путина в этой борьбе, то она является противоречивой. Временами он предстаёт адвокатом сталинской эпохи, возможно, пытаясь таким образом подкрепить свои собственные авторитарные политические решения. Так, он неоднократно отказывался критиковать поведение Сталина в войне против Германии, даже его сотрудничество с Гитлером накануне фашистского вторжения. Более того, в 2007 году Путин публично одобрил новый учебник истории, в котором сталинские чрезвычайные меры предвоенных тридцатых годов, включая массовый террор, были представлены как «рациональный» тип «мобилизации общества», «адекватный задачам модернизации», а число жертв минимизировано (15).

В другие моменты, однако, и всё чаще Путин занимает антисталинистские позиции. Ещё в начале своей президентской карьеры он дал указание провести более детальное расследование преступлений сталинской эпохи. В 2006 году ФСБ, которая оставалась в его подчинении, наградила бывшего гулаговца и известного поэта Наума Коржавина. А в 2007 году Путин сам посетил больного Солженицына, чтобы лично вручить государственную награду человеку, ставшему воплощением гулаговской судьбы миллионов. В том же году он принял участие в широко освещенном в прессе мероприятии памяти политрепрессированных на Бутовском полигоне НКВД – месте массового расстрела и захоронения жертв, став первым кремлевским лидером, отметившимся в подобном месте (16).

Кроме того, когда умер Солженицын в 2008 году, путинское правительство устроило ему похороны государственного ранга и приняло меры к увековечению его памяти, а «Архипелаг Гулаг» включило в список обязательной школьной литературы. В 2009 году в выступлении по национальному радио Путин в том же ключе заявил, что достижения сталинской эпохи были неотделимы от преступлений против нации, которым не может быть оправдания. В 2010 году он пригласил премьер-министра Польши принять участие в памятных мероприятиях, посвящённых годовщине расстрела сталинским НКВД тысяч польских офицеров в Катыни, снова став первым российским лидером, посетившим подобную церемонию. Позднее в том же году Путин публично встретился с вдовой Солженицына, чтобы обсудить сокращённую версию «Архипелаг Гулаг», изданную специально для школ. Особенно Путин отметил, что «это событие произошло как раз накануне Дня памяти жертв политических репрессий. Так что это – знаковое событие» (17).

В противоречивой или неоднозначной позиции Путина по отношению к Сталину нет ничего удивительного. Русские в XX веке дважды официально отрекались от своей истории – царской, а затем советской. Но нация не может успешно развиваться без хотя бы минимально объединяющего и вдохновляющего прошлого. Любому российскому лидеру XXI века придется воссоздавать такое прошлое из фрагментов трагической истории страны, что и пытается делать Путин. Тридцатилетняя сталинская эпоха с героической, доставшейся безмерной ценой победой над нацистской Германией и взлётом «от сохи к атомной бомбе» не может быть сброшена со счетов. Отказаться от неё значит, как подчёркивал даже Горбачёв, «отказаться от своего деда, своего отца, от того, что они делали» (18).

К 2008 году, когда Путин передал президентскую власть своему протеже Дмитрию Медведеву, сохранив исключительное влияние как премьер-министр, проблема стала ещё шире, затронув, помимо прошлого, также настоящее и будущее России. Обеспокоенные продолжающимся процессом дезинтеграции базовых инфраструктур страны, российский политический класс и политические интеллектуалы втянулись в не менее жаркий спор о путях и значении модернизации. В этой борьбе

за будущее России сталинское прошлое и его противоречивые уроки опять же занимают центральное место.

С точки зрения прозападной стороны, время почти тотальной зависимости России от направляемого государством экспорта естественных, в основном энергетических, ресурсов прошло. Ей на смену должна прийти диверсифицированная, высокотехнологичная экономика, основанная на творческой инициативе граждан. Следовательно, «успешная модернизация страны невозможна без политической демократизации». Сторонники этого подхода и этого видения российского будущего не находят ничего позитивного в многовековой национальной традиции навязанных сверху трансформаций (сталинская была лишь самой недавней по времени), неизменным результатом которой были полуотсталая экономика и отсутствие личной свободы. Они считают, что всё должно начаться с «десталинизации модернизации» (19).

Для другой стороны, напротив, «оптимальная программа российской модернизации должна состоять в своего рода «неосталинизме» – концентрации ресурсов» в руках государства, обладающего неограниченной властью для «устранения любых преград». Предупреждая об угрозе, которую представляет расширение НАТО на восток, к границам России, адвокаты «жёсткой системы» видят будущее страны в наличии сильного, уверенного в себе государства и непобедимой военной мощи. Вспоминая «спасение страны» Сталиным в 1930–40-е годы, они утверждают: «нас может спасти цивилизованный сталинизм», и даже более безапелляционно: «сталинизм – спасение России» (20).

Читатели могут себе представить, как сказался этот возрождающийся неосталинизм, пусть и «цивилизованный», на ещё живущих бывших гулаговцах. «Сталинский ренессанс» существенно подорвал некогда «священный» статус сталинских жертв, и без того потеснённых в политике и популярной культуре жертвами Второй мировой войны и постсоветской «шоковой терапии». Всё больше людей, начиная с 1990-х годов, откровенно заявляли, что никакого Гулага не было, что в антисталинистских книгах о терроре «90 процентов лжи», что «честные люди» в лагерях не сидели, что «реабилитационная эйфория» была обманом и что знаменитые жертвы, такие, как

Бухарин и Николай Вавилов, были не более достойны уважения, чем их палачи (21).

Ещё живущие немногочисленные гулаговцы смотрят на ситуацию с растущим пессимизмом. Когда я сказал Антонову-Овсенко, ставшему на старости лет блестящим, правда, грустным, афористом, что хотел назвать книгу «Долгое возвращение жертв», он ответил, думая о своём малопосещаемом музее: «Оно было прервано долгим возвращением Сталина». А Григорий Померанц, философ и такой же, как Антон, очень старый бывший зек, предупредил: «И лжепророки нас убеждают: ты сам – дерьмо, но ты часть славной традиции Александра Невского и Иосифа Сталина. И придёт день, когда Православная церковь причислит Сталина к лику святых» (22).

Померанц и мой друг Антон имеют все основания для беспокойства. «Сталин вернулся», как радостно провозгласили его поклонники (23), не оттого, что это было нужно тому или иному кремлёвскому лидеру, а от боли и недовольства, охвативших российское общество после 1991 года. В ответ большинство россиян проклинают антисталинские реформы, начиная с перестройки, и мечтают о «сильном государстве», которое покончит с хаосом и социальной болью. В этом контексте Сталин выступает символом такого государства, которое, как они считают, у них когда-то было, и формой протеста против несправедливости и произвола сегодняшнего дня. Очень мало россиян, как показывают опросы, действительно хотели бы жить при новом Сталине.

Не хотели бы жить при нем и многочисленные идеологи и политики ультранационалистического толка, которые эксплуатируют эти настроения и всеми силами стремятся вычеркнуть память о сталинских жертвах из настоящего и будущего России. Так, воссозданная Российская коммунистическая партия, вторая по численности после путинской «Единой России», судя по её публикациям, официальным мероприятиям и митингам, вернулась к настоящему культу личности Сталина, громогласно клеймя «пигмеями» его оппонентов, от Бухарина и Хрущёва до Горбачёва (24). Однако реальная политическая и экономическая программа коммунистов, которую они озву-

чивают на выборах и в парламенте, не имеет ничего общего с историческим сталинизмом.

Западные комментаторы продолжают возлагать вину за симпатии к Сталину в России на Кремль, который, по их мнению, до сих пор не осудил официально сталинские преступления – хотя, по сути, Горбачёв с Ельциным это сделали – и достойно не увековечил память жертв. Читателям известно, как я отношусь к Сталину и к жертвам, но считаю, что американцы должны избегать подобных суждений. Палата представителей и Сенат США только в 2008 и 2009 году соответственно принесли официальные извинения за рабство, то есть 150 лет спустя после его отмены. Но ни американский президент, ни Конгресс в целом до сих пор этого не сделали, и очень многие политики и рядовые граждане до сих пор предпочитают его приукрашивать. Не существует ни американского национального мемориала миллионам чернокожих рабов, ни даже чего-то подобного тем сотням маленьких провинциальных (сельских, школьных) музеев и памятников, которые возникли и продолжают возникать в память о сталинских жертвах в сегодняшней России.

Нациям, в истории которых соседствуют великие достижения и великие преступления – «величье и беда», как охарактеризовал сталинскую эпоху поэт Борис Слуцкий, – по-видимому, непросто найти способы совместить то и другое. (Невыгодные сравнения с Германией после Гитлера некорректны, поскольку денацификация была изначально навязана побеждённой стране оккупационными силами.) Поколения должны смениться, острота тех и других воспоминаний притупиться, прежде чем будет достигнуто национальное согласие. А пока борьба вокруг прошлого, настоящего и будущего продолжается, и обе стороны попеременно переживают в ней взлет и падение.

Может показаться, что в сегодняшней России антисталинизм проигрывает борьбу в официальной и общественной жизни, но читатели знают, что это всего лишь этап куда более долгой истории. Моя точка зрения остаётся такой же, какой была тридцать лет назад, до прихода Горбачёва к власти, когда западные специалисты были убеждены, что у антисталинистов в Советском Союзе нет политических шансов. Как я утверждал тогда, поскольку для исторических преступлений такого размаха, или такого «библейского масштаба», как пре-

ступления сталинской эпохи, не существует сроков давности (25), они ещё непременно возникнут в качестве важного фактора российской политики, и тому есть, как минимум, две причины.

Во-первых, хотя большинства сталинских жертв, включая тех, кто вернулся из Гулага, сегодня уже нет в живых, население России в значительной мере состоит из их прямых потомков, в частности, их внуков. Некоторые из них успели заявить о себе при Горбачёве, голоса многих других звучат сейчас. (Согласно опросам, 27 процентов россиян сказали в 2006 году, что имеют родственников, репрессированных при Сталине.). Почитание предков есть одна из российских традиций, поэтому маловероятно, что потомки сталинских жертв допустят, чтобы нация забыла их дедов. (Имея это в виду, Камил Икрамов незадолго до смерти восхищался, «какие прекрасные дети и внуки получились у огромного большинства погибших».) (26).

Во-вторых, возглавить новое сведение счётов с прошлым должно, скорее всего, поколение, созревшее в эпоху горбачёвской гласности — точно так же, как «дети XX съезда» и хрущёвской оттепели, включая самого Горбачёва, возглавили его предыдущий этап в конце 1980-х. И российский президент Дмитрий Медведев, который на тринадцать лет моложе Путина и на которого, по его признанию, оказали влияние исторические разоблачения времён горбачёвской гласности, уже сделал шаги в этом направлении.

В 2009 году Медведев лично вмешался в растущее противостояние вокруг темы сталинского прошлого. В феврале он пригласил в Кремль Горбачёва и главного редактора «Новой газеты» Дмитрия Муратова, воспользовавшись возможностью «безусловно» поддержать их кампанию за создание национального мемориала жертвам сталинизма. Осенью того же года Медведев сделал новый шаг, выразив тревогу по поводу того, что молодые люди в России не знают ничего о «размахе террора», «о миллионах искалеченных судеб. О людях, расстрелянных без суда и следствия, о людях, отправленных в лагеря и ссылки... Миллионы людей погибли в результате террора... Миллионы» (27).

Затем такую же недвусмысленную позицию Медведев занял в борьбе вокруг модернизации и будущего России. Заявив,

что «память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах», и отвергнув неосталинистские «оправдания тех, кто уничтожил свой народ», он продолжил: «До сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Я убежден, что никакое развитие страны, никакие её успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь». В подкрепление своих слов Медведев призвал продолжить поисковую работу по установлению мест захоронения и имен всех погибших жертв террора, а также создавать «музейно-мемориальные центры, которые будут передавать память о пережитом – из поколения в поколение».

Очевидно, что политическая борьба вокруг преступлений сталинской эпохи снова идёт в России на самом высоком уровне. И почти наверняка она будет только усиливаться. А раз так, точка в эпопее долгого возвращения жертв ещё не поставлена.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ БЛАГОДАРНОСТИ

Большинства людей, сделавших появление этой книги возможным – жертв сталинского террора, с которыми я познакомился более тридцати лет назад – сегодня уже нет в живых. (Двое сравнительно молодых в ту пору, Михаил Шатров и Леонид Петровский, скончались недавно, в 2010 году.) В надежде, что всё написанное в книге и есть признание их вклада в неё, я не буду называть здесь снова их поимённо, за одним исключением. Я посвятил эту книгу памяти Анны Лариной, потому что без неё книги бы просто не было, и потому что наша двадцатилетняя дружба ещё в очень многом обогатила мою жизнь.

Я счастлив, что наконец-то смогу вручить эту книгу тем немногим сталинским жертвам, кто помогал мне с самого начала. Их имена и их вклад уже известны читателям: Рой Медведев, Антон Антонов-Овсенко, Таня Баева и, конечно же, дети Анны Лариной: Юрий Ларин, Надя Фадеева и Миша Фадеев.

В течение многих лет ценную помощь мне также оказывали другие русские друзья и коллеги, в особенности, Геннадий Бордюгов, Ирина Давидян, Роман Романов и семьи Светланы Гурвич, Владимира Бухарина и Ольги Шатуновской. Относительно недавно Александра Айхенвальд, известный профессор лингвистики и дочь Юрия Айхенвальда, поделилась со мной своими знаниями о жизни отца и других бывших гулаговцев, которых она знала.

Неотъемлемой частью этой книги являются фотографии и иллюстрации, и здесь я тоже благодарен ряду людей. Их имена упомянуты в подписях к фотографиям, но я хочу ещё раз сказать спасибо Александре Айхенвальд, Эмме Гурвич, Степану Микояну и родственникам Ольги Шатуновской за разрешение использовать их семейные снимки; Алексею Солдатенкову за право поместить на обложке копию картины его отца, Игоря Солдатенкова; и не меньшее спасибо – моему другу Дэвиду Кингу, позволившему мне позаимствовать снимки из его уникальных фотоальбомов по истории террора *The Com-*

missar Vanishes (переизданного в России под названием «Отретушированная история») и *Ordinary Citizens*. Все прочие фотографии, если не указан другой источник, взяты из моей личной коллекции.

Немалую помощь я получил также от моих американских друзей и коллег. Как помнят читатели, идею этого предприятия мне изначально подал Роберт Конквест, а Линн Блэр Коэн, моя бывшая жена, была со мной, когда я начинал исследование в Москве. Впоследствии я не раз прибегал к их знаниям и памяти. Нэнси Адлер, чья собственная книга по данной теме имеет непреходящее значение, остаётся моим близким другом и коллегой. Джонатан Сандерс, историк и бывший коллега по *CBS News*, сделал для меня в Москве копии редких фотографий и документов, а Омар Рубио из редакции журнала *The Nation* обработал фотографии и иллюстрации для подготовки в печать.

Особенно большую признательность я испытываю к моей необыкновенно способной, находчивой и энергичной русско-американской ассистентке Арине Чесноковой, чья роль в финальной стадии моей работы над книгой была незаменимой. Не разбираясь в Интернете и вообще в том, что связано с компьютером, я полагался на неё во многих принципиально важных вещах, от поиска и проверки данных, переписки и получения документов и фотографий до подготовки нескольких черновых копий рукописи.

Но самый большой, жизненно важный вклад, без которого книги бы просто не было, принадлежит моей жене и многолетней спутнице Катрине ванден Хювель – Кате, как её называют в России. Ещё в самом начале, когда мы вместе общались с жертвами террора в Москве, её вопросы, глубокие наблюдения и замечания составили основу многих сюжетов, вошедших затем в книгу. Позже я всецело полагался на её суждения о людях, событиях и о том, как лучше выразить ту или иную мысль в книге. За всё это и многое другое я безмерно и нежно признателен.

Стивен КОЭН
Москва–Нью-Йорк
1976–2010

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОЛОГ

1. См., напр.: *Петрушин Пётр, Хлебников Олег* // Новая газета. 2009. 22 апреля и 6 мая; *Антонов-Овсеенко Антон*. Общество и здоровье. 2008. № 1.

2. *Тимофеев Андрей* // Литературная газета. 1995. 23 августа; *Юнге Марк, Биннер Рольф*. Как террор стал большим. – М., 2003. Незаменимым пособием по истории этих событий остается книга Роберта Конквеста «Большой террор», впервые опублик. на англ. яз в 1968 г., на рус. яз – в 1991 г. О крестьянине см.: *Антонов-Овсеенко А.* // Московская правда. 2007. 10 ноября.

3. ИТАР-ТАСС. 2010. 21 октября.

4. Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 26 мая, 2009. 22 июля.

5. О личном участии Сталина в терроре говорят многочисленные архивные документы. См., напр.: *Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф*. Вертикаль большого террора. – М., 2008; *Хаустова В.Н.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 годов. – М., 2010.

6. *Шенталинский Виталий*. Рабы свободы. – М., 1995. С. 30–31. В качестве похожего примера см. письмо Л.И. Невзорова в кн.: *Киришин Ю.Я.* Великая победа. – М., 2006. С. 379.

7. Об избиениях в тюрьме и сексуальном насилии см.: *Тепляков А.Г.* Процедура. – М., 2007. С. 71–76; о рисунках, запечатлевших сексуальное насилие над женщинами, см.: *Baldaev Danzig*. Drawings From the Gulag. – London, 2010. P. 33, 37–39. О Блюхере, мужьях, женах и детях и изнасилованиях см. соответственно: *Катинова А.И.* // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 182–183; *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* // Российская история. 2009. № 1. С. 117; *Икрамов Камил*. Дело моего отца. – М., 1991. С. 119;

Conquest R. The Great Terror. P. 127. О пыточной тюрьме см.: Головкова Лидия. Сухановская тюрьма. – М., 2009.

8. Аллилуева Светлана. Двадцать писем к другу. – М., 2000. (12-ое письмо).

ГЛАВА 1

1. См.: *Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. – М.: Вагриус, 2002* (первое издание – АПН, 1989).

2. По поводу моей книги см.: *Коэн Стивен. Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938. – New York, 1980; М., 1988.*

3. По поводу этой темы см.: *Cohen Stephen. Rethinking the Soviet Experience. – New York, 1985, особенно главы 1, 3–5.*

4. Была, впрочем, довольно полезная диссертация Джейн Шاپиро: *Shapiro Jane. Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union. – Columbia University, 1967.*

5. *Solzhenitsyn Aleksandr. The Gulag Archipelago. Vol. 3. – New York, 1976. P. 445–468.*

6. По поводу гулаговской литературы того времени см.: *Zorin Libushe. Soviet Prisons and Concentration Camps: An Annotated Bibliography. – Newtonville, 1980. По поводу американцев и террора см.: Tzoulidis Tim. The Forsaken. – New York, 2008; а пример информативного мемуара: Herman Victor. Coming Out of the Ice. – New York, 1979.*

7. См., напр., *Tolczyk Dariusz. See No Evil. – New Haven, 1999. P. xix–xx. Chaps. 4–5; Toker Leona. Return From the Archipelago. – Bloomington, IN, 2000. P. 49–52, 73. По поводу Шаламова см. его письмо Солженицыну: Независимая газета. 1998. 9 апреля.*

8. Это были журналы «Сибирские огни», «Байкал», «Простор», «Ангара», «Урал», «Север», «Полярная звезда», «На рубеже» и «Дальний Восток».

9. На радио «Свобода» был составлен постоянно пополняемый каталог под названием «Архив самиздата».

10. См.: *Cohen Stephen*, ed. *An End to Silence*. – New York, 1982. P. 7–14; Антонов-Овсеенко А. Враги народа. – М., 1996. С. 367.

11. По поводу наших отношений см. нашу беседу: Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 94–101; а также *Cohen*, ed. *An End to Silence*.

12. Академик Баев почувствовал себя достаточно свободным, чтобы рассказать свою историю, только много лет спустя. См.: Академик Александр Баев / Под ред. А.Д. Мирзабекова. – М., 1997.

13. Опубликовано в газете: Московский комсомолец. 1966. 13 июля. см. также: *Гнедин Евгений*. Выход из лабиринта. – М., 1994; *Cohen Stephen*. *Sovieticus*, exp. ed. – New York, 1986. P. 104–107. По поводу Икрамова см.: Возвращенные имена / Под ред. А. Прошкина. В 2-х томах. – М., 1989). Т. 1. С. 208–209.

14. См., соответственно: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. В 3-х томах. – М., 2007; и *The Time of Stalin*. – New York, 1981. По поводу конфликтных отношений Солженицына с другими зеками после Гулага см.: *Сараскина Людмила*. Александр Солженицын. – М., 2008. Ч. 5 и 6; а по поводу теплых отношений Медведева см.: Подъем. 1990. № 7 и 9.

15. Они представляли, следовательно, не более 30 процентов от общего числа жертв террора. см.: выше, Пролог, прим. 1.

16. Несколько вопросников было подготовлено после 1985 года. см.: Горизонт. 1989. № 7. С. 63–64; *Adler Nanci*. *The Gulag Survivor*. – New Brunswick, 2002. P. 121; Москвичи в Гулаге. – М., 1996. С. 51–52; *Figes Orlando*. *The Whisperers*. – New York, 2007. P. 662.

17. *Сараскина*. Указ. соч. С. 553; а также упомянутые ранее воспоминания Решетовской. Солженицын назвал свои источники только много лет спустя в издании: *Солженицын*. Архипелаг Гулаг. – М., 2008. Т. 1 С. 13–18. Книга Файджеса (*Figes*) основана на значительно большем, чем у меня, числе примеров, что является её бесспорным плюсом, но он проводил своё исследование в условиях, когда конспирация уже не требовалась, к тому же, у него были команды помощников по всей России. *Figes*. *The Whisperers*. P. 657–665.

18. Доклад был опубликован много лет спустя, см.: Литературная газета. 1996. № 27.

19. *Cohen*, ed. *An End to Silence* (книга основана на самиздатовских материалах Роя Медведева); *Cohen*. *Rethinking*.

20. *Adler*. *Gulag Survivor*.

21. См. предисловие к: *Антонов-Овсеенко А.В.* Портрет тирана. – М., 1995. С. 3.

22. *Applebaum Anne*. *Gulag*. – New York, 2003. P. 515.

23. См.: *Орлова Раиса, Копелев Лев*. Мы жили в Москве. – М., 1990; *Керсновская Ефросинья*. Сколько стоит человек. – М., 2006. В качестве примеров других недавних мемуаров см.: *Туманова Анна*. Шаг вправо, шаг влево... – М., 1995; *Мильчаков Александр*. Молодость светлая и трагическая. – М., 1988; *Негретов Павел*. Все дороги ведут на Воркуту. – Benson, VT, 1985; *Жигулин Анатолий*. Чёрные камни. – М., 1989; *Миндлин Михаил*. Анфас и профиль. – М., 1999; *Шатуновская Ольга*. Об ушедшем веке. – La Jolla, CA, 2001; *Улановская Надежда, Улановская Майя*. История одной семьи. – СПб., 2005; *Григорьев Григорий*. Повороты судьбы и произвол: воспоминания. Книга 1. – М., 2005; книга 2, 2008. Большинство воспоминаний, однако, сконцентрированы на жизни в Гулаге, как, напр., Доднесь тяготеет. В 2-х томах. Сост. С.С. Виленский. – М., 2004. По поводу более общих западных исследований см. выше, прим. 7, 22; *Hochschild Adam*. *The Unquiet Ghost*. – New York, 1994; *Montefiore Simon*. *Stalin*. – London, 2003; *Smith Kathleen*. *Remembering Stalin's Victims*. – Ithaca, 1996; *Merridale Catherine*. *Night of Stone*. – New York, 2001; и *Figes*. *The Whisperers*.

24. Частичными исключениями являются книги: *Dobson Miriam*. *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crimes and the Fate of Reform after Stalin*. – Ithaca, 2009 и *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России. – М., 2006 (последняя сосредоточена, главным образом, на репрессированных народах, а не отдельных гражданах). Тем не менее, Адлер продолжает своё исследование; по итогам конференции, состоявшейся в 2006 году в Гарварде, должен выйти сборник публикаций о гулаговских «возвращенцах»; Кэтлин Смит готовит книгу о 1956 году, где немалое место будет уделено вернувшимся политзаключенным. Кроме того, несмотря на обобщающий характер, ценные наблюдения содержатся в книгах: *Figes*. *The Whisperers* (chap. 8) и *Merridale*. *Night of Stone*. Что касается русских авторов, то у них этой теме посвящено лишь несколько страниц. См., напр.: *Зубкова Елена*. Мир после Гулага. – СПб., 2004; *Zubkova Elena*. *Russia*

After the War. – Armonk, 1998 (chap. 16). По поводу архивных публикаций см.: Реабилитация. В 3-х томах. – М., 2000–2004; Дети Гулага. – М., 2002. Семья Бухарина представляет один из наиболее полно документированных случаев. См.: Ларина. Незабываемое; Юнге Марк. Страх перед прошлым. – М., 2003; Бухарин В.И. Дни и годы. – М., 2003; Гурвич Э.Б. Взгляд в настоящее прошлое. – М., 2010; Россия и Европа. № 4. Под ред. А. Намазовой. – М., 2007 (о дочери Бухарина Светлане Гурвич), а также моё предисловие к книге: *Bukharin Nikolai. How It All Began.* – New York, 1998.

ГЛАВА 2

1. Разгон тоже узнал, что означает сталинский дыхательный синдром. см.: *Разгон Лев.* Непридуманное. – М., 1989. С. 215. По поводу Икрамова см.: *Икрамов.* Дело моего отца. С. 166.

2. *Икрамов.* Дело моего отца. С. 256. По поводу «геноцида»: *Прошкин Александр* // Советская культура. 1988. 30 июня.

3. По поводу темы выживания см., напр.: *Шаламов Варалам.* Колымские рассказы; *Гинзбург Евгения.* Крутой маршрут; *Мандельштам Надежда.* Воспоминания; *Разгон.* Непридуманное.

4. *Kizny Tomasz.* Gulag. – Buffalo, NY, 2004. P. 289.

5. Подробнее и нагляднее об этом см.: *King David.* The Commissar Vanishes. – New York, 1997.

6. См.: *Суслов А.Б.* // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125; История сталинского Гулага. В 7 т. – М., 2004–05. Т. 5. С. 90.

7. *Герштейн Эмма.* Мемуары. – СПб., 1998. С. 355.

8. *Wohl Josephine.* Invented Truths. – Durham, 1991. P. 22; *Рыбаков Анатолий* // Книжное обозрение. 1995. № 45. С. 10. В качестве примеров см.: Дети Гулага; *Yakir Pyotr.* A Childhood in Prison. – New York, 1973; *Икрамов.* Дело моего отца; *Шихеева-Гайстер Инна.* Семейная хроника времен культа личности. – М., 1998; Как наших дедов забирали. – М., 2007; *Matthews Owen.* Stalin's Children. – New York, 2008. По поводу детских самоубийств см.: *Ерошок Зоя* // Новая газета. 2009. 7 октября.

9. См.: Горчева А.Ю. Пресса Гулага. – М., 2009. С. 90–95, а также: *Frierson Cathy A. and Vilensky Semyon S.* Children of the Gulag. – New Haven, 2010; *Hoffman Deborah*, ed. The Littlest Enemies. – Bloomington, IN, 2008.

10. *Matthews.* Stalin's Children. P. 75, 100. По поводу Юрия см.: *Икрамов.* Дело моего отца. С. 148.

11. Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2008. 30 октября. См. также: *Frierson and Vilensky.* Children of the Gulag. P. 312–14; *Hoffman.* The Littlest Enemies.

12. «Испорченным биографиям» – людям, «чьи судьбы были исковерканы политическими репрессиями» (*Карпычев Алексей* // Российские вести. 1995. 28 марта), отведено немало места в книге: *Figes.* The Whisperers. По поводу вдовы Петровского см.: Голоса истории. № 22. Кн. 1. – М., 1990. С. 230. По поводу пострадавших родственников членов сталинского круга см.: *Воробьев Андрей.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 21 апреля.

13. См.: *Аросева Ольга, Максимова Вера.* Без грима. – М., 2003; *Плисецкая Майя.* Я, Майя Плисецкая. – М., 1994; *Ефимов Борис.* Мои десять десятилетий. – М., 2000, а по поводу сомневающегося Эренбурга: *Фрезинский Борис.* Писатели и советские вожди. – М., 2008. С. 201; *Молчанов Владимир* // Политический класс. 2008. 14 октября. По поводу Нетто см.: *Лурье Лев, Малярова Ирина.* 1956 год. – СПб., 2007. С. 214; а также: *Edelman Robert.* Spartak Moscow. – Ithaca, 2009. Более счастливую версию истории братьев Нетто см.: *Рыжков Владимир.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2008. 21–27 февраля.

14. *Pringle Peter.* The Murder of Nikolai Vavilov. – New York, 2008. P. 250, 282. По поводу остального см.: *Вавилов Юрий.* В долгом поиске. – М., 2004; *Шайкин Владимир.* Николай Вавилов. – М., 2006. С. 211–14.

15. Об истории Марецкой см.: *Яковлева Т.* // Комсомольская правда. 1989. 12 июля; а также её вебсайт её семьи: maretski.ru.

16. *Новиков Алексей* // Российские вести. 1995. 28 марта.

17. Новый мир. 1988. № 6. С. 106.

18. См.: *Alexopoulos Golfo* // Slavic Review. Summer 2005.

19. См., напр., переписку между Герштейн, Гумилёвым и Ахматовой: *Gerstein.* Moscow Memoirs. P. 448–70; *Герштейн.* Мемуары. С. 353–386.

20. *Петров Никита*. Первый председатель КГБ: Иван Серов. – М., 2005; *Икрамов*. Дело моего отца. С. 59.

21. *Звягинцев Александр*. Руденко. – М., 2008. Гл. 3–8.

22. См., соответственно: *Matthews*. Stalin's Children. P. 115; *Kopelev*. Ease My Sorrows. – New York, 1983. P. 218. Другие примеры см.: *Григоров*. Повороты судьбы. Т. 2. С. 604–610.

23. См.: *Мильчаков Александр*. Молодость светлая...; *Шатуновская*. Об ушедшем веке; *Yakir*. Childhood. Другие примеры см.: *Коэн Стивен*. Долгое возвращение: Жертвы Гулага после Сталина. – М., 2009. С. 86. По поводу Гронского см.: *Гронский И.* Из прошлого... – М., 1991. С. 196.

24. *Окуневская Татьяна*. Татьянин день. – М., 1998. С. 411, 435–438; *Fyodorova Victoria, Frankel Haskel*. The Admiral's Daughter. – New York, 1979; *Starr Frederick*. Red and Hot. – New York, 1983. P. 194–257; *Montefiore*. Stalin. P. 396–99; *Коэн*. Долгое возвращение. С. 87. По поводу братьев Старостиных см.: *Edelman*. Spartak.

25. *Vasilieva Larissa*. Kremlin Wives. – New York, 1994. P. 155–59.

26. Реабилитация. Т. 1. С. 213. По поводу медленного процесса см. историю посмертной реабилитации Мейерхольда: *Ряжский Б.* Как шла реабилитация // Театральная жизнь. 1989. № 5. С. 8–11. Об этом периоде вообще, см.: *Adler*. Gulag Survivor. Chap. 3.

27. Реабилитация. Т. 1. С. 89, 104. По поводу толп просителей см.: *Ряжский* // Театральная жизнь. 1989. № 5. С. 10; по поводу обращений: *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 431; *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 452.

28. *Герштейн*. Мемуары. С. 359.

29. См.: *Gessen Masha*. Ester and Ruzua. – New York, 2004. P. 307; *Коржавин Наум*. В соблазнах кровавой эпохи. В 2-х т. – М., 2006. С. 704; по поводу решения читать речь на собраниях см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166; а также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 87.

30. *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 286–287.

31. *Шелест П.Е.* Да не судимы будете. – М., 1995. С. 113–115. Относительно деталей работы комиссий источники слегка расходятся, см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 88.

32. *Туманов Вадим*. Всё потерять – и вновь начать с мечты. – М., 2004. С. 168–171. см. также: *Гершман Морис*. Приключения американца в России. – New York, 1995. С. 254–256; *Коэн*. Долгое возвращение. С. 88.

33. *Земсков В.Н.* // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 14. По поводу цифр см. также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 88.

34. По поводу описаний, приведённых в этом и предыдущем абзацах см.: *Svirski Grigori*. A History of Post-War Soviet Writing. – Ann Arbor, 1981. P. 101; *Tzoulidis*. The Forsaken. P. 37; *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 451; *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 282; а также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 88. По поводу придинок и плохого физического состояния зеков см.: *Draitser Emil*. Stalin's Romeo Spy. – Evanston, IL, 2010. Chap. 19.

35. *Григоров*. Повороты судьбы. Т. 2. С. 620.

36. *Заболоцкий Николай*. Стихотворения и поэмы. – М., 1999; *Гроссман*. Всё течёт. – М., 2009. С. 77. См. также: *Вознесенский Л.А.* Истины ради. – М., 2004. С. 686.

37. Гулаг. Т. 3. С. 470.

38. *Негретов Павел*. Все дороги ведут на Воркуту. См. также: *Adler*. Gulag Survivor. P. 231–233; *Коэн*. Долгое возвращение. С. 88.

39. См., напр.: *Hochschild*. Unquiet Ghost; *Thubron Colin*. In Siberia. – New York, 1999. P. 38–48; а по поводу черепов: *Евтушенко Евгений* // Литературная газета. 1988. 2 ноября.

40. *Cohen*, ed. An End to Silence. P. 66–67.

ГЛАВА 3

1. *Applebaum*. Gulag. P. 512.

2. *Ардов М., Ардов Б., Баталов А., Арпишкин Ю.* Легендарная Ордынка. – М., 1995. С. 101. Другие примеры долголетия см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 89.

3. См., соответственно: *Гроссман*. Всё течёт. С. 95; *Орлова, Конелев*. Мы жили в Москве. С. 347–348; *Svirski*. A History.

Р. 197. По поводу женщины см.: *Дорман Олег*. Подстрочник: жизнь Лилианны Лунгиной. – М., 2010 (первая фотовкладка).

4. См., соответственно: *Хлебников Олег* о Шаламове // Новая газета. 2007. 18 июня; *Gerstein*. Moscow Memoirs. P. 423; *Лурье, Малярова*. 1956 год. С. 281; *Снегов Алексей*. Выступление на закрытом заседании историков в 1956 г.; некролог Валентина Зэка (Соколова) // Русская мысль. 1984. 20 декабря; *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 456; *Изюмов Ю.* // Досье. 2003. 29 мая. Другие примеры см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 89.

5. См.: Академик Баев. По ред. Мирзабекова. Гл. 1. В качестве примера похожего поведения см.: *Туманова*. Шаг влево, шаг вправо. С. 213–226.

6. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. – СПб., 2008. С. 123. По поводу Рокоссовского см.: *Braithwaite Rodric*. Moscow 1941. – New York, 2007. P. 38–40.

7. Исторический архив. 2008. № 2. С. 30–41; *Королёва Н.* Отец. Т. 2. – М., 2006.

8. *Сац Наталья*. Жизнь – явление полосатое. – М., 1991. С. 353–356; *Ларина*. Незабываемое. С. 266. См. также: *Petkevich Tamara*. Memoir of a Gulag Actress. – DeKalb, IL, 2010, а по поводу дуэта сценаристов: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 29 ноября.

9. Айхенвальд умер в 1993 году. Его последняя опубликованная книга, «Последние страницы» (М., 2003), содержит автобиографию, стихи и эссе.

10. *Виттенбург Е.П.* Павел Виттенбург. – СПб., 2003; *Киселёв Л.Л., Левина Е.С.* Лев Александрович Зильбер. – М., 2005. По поводу Сефа см.: Литературная газета. 2008. 22–28 октября.

11. По поводу примеров счастливых и несчастливых концов см.: *Adler*. Gulag Survivor. Figes. The Whisperers; *Коэн*. Долгое возвращение. С. 90. По поводу Икрамова см.: *Икрамов*. Дело моего отца. С. 56, 147.

12. По поводу Шаламова см.: *Glad John* // Shalamov. Graphite. – New York, 1981. P. 9; *Захарова Елена* // Новая газета. 2007. 8–11 ноября. По поводу Берггольц см.: *Кемоклидзе Д.* // Литературная газета. 2008. 12–18 ноября; *Гранин Даниил*. Причуды моей памя-

ти. – СПб., 2008. С. 104–106. По поводу дневника см.: Берггольц Ольга. Ольга: запретный дневник. – СПб., 2010. С. 29.

13. Реабилитация. Т. 2. С. 351. О реакции самих вернувшихся из Гулага коммунистов см.: Орлова, Копелев. Мы жили в Москве; Улановская М., Улановская Н. История одной семьи. См. также: Adler. Gulag Survivor. P. 29, 205–223; Dobson. Khrushchev's Cold Summer. P. 69–77. Новая книга Адлер о коммунистах, вернувшихся из Гулага, выйдет в свет в 2012 году.

14. Гурвич. Взгляд в настоящее прошлое. С. 89–95. По поводу цитаты из Ольги Берггольц в предыдущем абзаце см.: Улановская М., Улановская Н. История одной семьи. С. 267.

15. Никита Сергеевич Хрущёв: два цвета времени. В 2-х томах. – М., 2009. Т. 2. С. 572–573.

16. Я благодарен Нэнси Адлер за эту цитату.

17. О Ляндресе и Семёнове см.: Семёнова Ольга. Юлиан Семёнов. – М., 2006.

18. Солженицын // Новый мир. 1999. № 4. С. 163. По поводу Шаламова см.: Boyt Svetlana // Slavic Review. Summer 2008. P. 347; Zink Zinovy // The Times Literary Supplement. Dec. 5, 2008. P. 6; а также: Коэн. Долгое возвращение. С. 90.

19. См., соответственно: Карякин Юрий. Перемена убеждения. – М., 2007. С. 232; Ginzburg. Within. P. 390; Антонов-Овсеенко. Портрет тирана. С. 469–477; Smith. Remembering. P. 177–178.

20. См.: Карпов // Советская Россия. 2002. 27 июля; он же // Правда. 1995. 26 апреля; он же. Генералиссимус. В 2-х томах. – М., 2002; священник Дмитрий Дудко. Посмертные встречи со Сталиным. – М., 1993; по поводу Рокоссовского: Советская Россия. 2008. 6 марта; Molotov Remembers. – Chicago, 1993. P. 290.

21. Два следственных дела Е. Гинзбург. Под ред. А.Л. Литвина. – Казань, 1994. С. 14.

22. См., соответственно: Разгон. Непридуманное. С. 281–282; Мандельштам. Воспоминания; Керсновская. Сколько стоит... С. 374; Аросева. Без грима. С. 89; Реабилитирован посмертно. В 2-х томах. – М., 1988. Т. 1. С. 104–106.

23. Аросева. Без грима. С. 88–89, 255.

24. См., напр.: *Frierson and Vilensky*. Children. P. 362–364; *Aruntyan Anna* // Moscow News. Nov. 16, 2009.

25. *Аксёнов Василий*. Зеница ока. – М., 2005. С. 399–410; *Орлова, Конелев*. Мы жили в Москве. С. 359; *Bonner Elena*. Mothers and Daughters. – New York, 1993. P. 328–333.

26. См.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 91; *Шмидт Т.И.* Дом на набережной. – М., 2009. С. 27; В Политбюро ЦК КПСС / Под ред. А. Черняева и др. (2-е изд.). – М., 2008; *Григоров*. Повороты судьбы. Т. 2. С. 610–611.

27. *Гурвич*. Взгляд в настоящее прошлое (третья вкладка иллюстраций).

28. *Matthews*. Stalin's Children. P. 105–108; *Raleigh Donald J.*, ed. Russia's Sputnik Generation. – Bloomington, IN, 2006. P. 168–174; *Bonner*. Mothers and Daughters. P. 323; а также: *Шмидт*. Дом на набережной. С. 84. По поводу Окуджавы и всей этой темы см.: *Etkind Alexander* // The Russian Review. Oct. 2009: 623–40.

29. *Гинзбург*. Крутой маршрут. С. 642; *Гроссман*. Всё течёт. С. 12. См. также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 91. По поводу братьев Нетто см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2008. 21–27 февраля.

30. Как наших дедов забирали / Под ред. И. Щербаковой. – М., 2007. С. 502.

31. *Vilensky*, ed. Till My Tale. P. 280, 284. По поводу примеров верности см.: *Мильчаков*. Молодость светлая... С. 91–92; *Baitalsky*. Notebooks. P. 389–391. Противоположные примеры см.: *Лакшин* // Литературная газета. 1994. 17 августа, а также: *Adler*. Gulag Survivor. P. 139–145. По поводу боязни возвращения см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 16 июня.

32. *Shalamov*. Graphite. P. 281.

33. *Mandelstam*. Hope Against Hope. P. 279; *Горбачёв* // Известия. 1990. 1 декабря.

34. *Козлова Наталья*. Советские люди. – М., 2005. С. 345.

35. *Орлова, Конелев*. Мы жили в Москве. С. 75; *Scammell Michael*. Solzhenitsyn. – New York, 1984. P. 657.

36. *Svirski*. A History. P. 183.

37. *Волков Олег*. Погружение во тьму. – М., 1992. С. 428–429.

38. *Vilensky*, ed. *Till My Tale*. P. 98.

39. Подробнее об этой теме см.: *Adler*. *Gulag Survivor*. По поводу примеров см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 91–92.

40. См.: *Adler*. *Gulag Survivor*. P. 186–90; по поводу законов см.: Реабилитация. Т. 2. С. 181–183, 194–197, 333–334; а по поводу примеров: *Adler*. *Gulag Survivor*. P. 92, n. 67.

41. *Плисецкая*. Я, Майя... С. 56–57.

42. *Shentalinsky*. *Arrested Voices*. P. 285.

43. *Трифонов Юрий*. Исчезновение. – М., 1988. С. 201; *Шмидт*. Дом на набережной. С. 92.

44. См., напр.: *Круг семьи и колесо истории* / Под ред. И. Щербаковой. – М., 2008. С. 251.

45. *Антонов-Овсенок А.В.* Республика Абхазия. – М., 2008. С. 19–20.

46. *Vaksberg Arkady*. *Stalin's Prosecutor*. – New York, 1991. P. 86–93.

47. *Ефимов Е.* // Социалистическая законность. 1964. № 9. С. 42–45; а также: *Заверин Лев* // Союз. 1990. № 51. С. 9.

48. См.: *Adler*. *Gulag Survivor*. Chap. 5.

49. См. рассказы Леонида Петровского о его старших родственниках: Вопросы истории КПСС. 1988. № 2. С. 93–97; Работница. 1988. № 3. С. 17–19.

50. См. воспоминания Ряжского: Театральная жизнь. 1989. № 5. С. 8–11.

51. *Adler*. *Gulag Survivor* P. 171, 177; *Землянушин Иван* // Труд. 1992. 24 декабря. Цифры, по всей вероятности, совместимы, поскольку первая относится к 1954–1961 годам, а вторая – к 1954–1964 годам.

52. См.: *Adler*. *Gulag Survivor*. P. 179; а также: *Зальцман Моше*. Меня реабилитировали. – М., 2006. С. 247. По поводу других цитат и примеров см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 93.

53. О судьбе Барковой см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2009. 29 июля.; Другие примеры см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 93.

54. По поводу того, как принимали, см.: *Зараев* // Огонёк. 1991. № 15. С. 15; *Adler. Gulag Survivor*. P. 186; *Коржавин*. В соблазнах. Т. 2. С. 657. По поводу примеров радушия см.: *Вознесенский*. Истины. С. 678.

55. *Плисецкая*. Я, Майя... С. 51; по поводу «дыма без огня» см.: *Mandelstam. Hope Against Hope*. P. 33; а по поводу амнистии: *Dobson. Khrushchev's Cold Summer*. Chaps. 1–6.

56. *Снегов* // Всероссийское совещание историков. – М., 1964. С. 270; а также: *Амлинский Владимир* // Юность. 1988. № 3. С. 53.

57. По поводу этих последних примеров см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 94. По поводу упомянутых примеров см. соответственно: *Шмидт*. Дом на набережной. С. 77–78; *Шатров*. Т. 5. – М., 2007. С. 383; *Плисецкая*. Я, Майя... С. 58; *Mandelstam. Hope Against Hope*. P. 345; *Правда ГУЛАГа* // Новая газета. 2009. 9 сентября; *Горчева*. Пресса Гулага. С. 171, 220.

58. *Левина Е.С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский. – М., 1995. С. 134–135; *Киселёв, Левина. Л.А.* Зильбер. С. 251–263. Другие примеры см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 94.

59. *Чуковская Лидия*. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. – Париж, 1980. С. 115, 137; а также: *Разгон Лев* // Литературная газета. 1995. 13 декабря.

60. *Разгон*. Непридуманное. С. 221; *Икрамов*. Дело моего отца; *Бек Татьяна* // Камил Икрамов и о нём. – М., 2003. С. 7.

61. *Рубин Борис*. Моё окружение. – М., 1995.. С. 187.

62. *Аросева*. Без грима. С. 255–264; *Molotov Remembers*. P. 281.

63. *Антонов-Овсеенко*. Враги народа. С. 16. По поводу Икрамова см.: *Дело моего отца*. С. 171.

64. По поводу цитат в этом и предыдущем абзаце см.: соответственно: *Исторический архив*. 2008. № 1. С. 80; *Svirski. A History*. P. 53; Александр Фадеев: письма и документы. – М., 2001. С. 297–298.

65. По поводу этого и других примеров см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 95; а также: *Mandelstam. Hope Against Hope*. P. 48.

66. *Dobson. Khrushchev's Cold Summer*. P. 122; *Svirski. A History*. P. 353, 367; *Alexeyeva Ludmilla and Goldberg Paul*. The Thaw

Generation. – Boston, 1990. P. 84; а также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 96.

67. Цит. по: *Цейтлин* // Крокодил. 1989. № 7. С. 6.

68. *Панов Юрий* // Известия. 1990. 10 августа; *Бокарев Виктор* // Литературная газета. 1989. 29 марта.

69. См.: *Керсновская*. Сколько стоит... По поводу других опубликованных книг по искусству Гулага см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 96.

70. *Симонов Константин* // Известия. 1962. 18 ноября. Примеры более ранних работ см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 96–97.

71. См.: *Yanov Alexander*. The Russian New Right. – Berkeley, 1978. P. 15; *Волкогонов Дмитрий*. Сталин. В 2-х т. 3-е изд. – М., 1992. Т. 2. С. 626; *Солженицын*. Бодался теленок с дубом. С. 19.

ГЛАВА 4

1. См., напр., жалобы Ивана Исаева: Исторический архив. 2001. № 2. С. 123–124; *Иванов-Паймен В.* // там же. 2003. № 4. С. 23–24.

2. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 523. По поводу директоров см.: *Tall Emily* // Slavic Review. Summer 1990: 184; а также: *Логинов В., Гловацкая Н.* // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 154–156. По поводу Сучкова см.: *Арсланов Виктор* // Свободная мысль. 2010. № 3. С. 143.

3. См.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 97–98; *Хрущёв Сергей*. Никита Хрущёв: реформатор. (Трилогия об отце). – М., 2010. С. 202

4. См., напр.: *Микоян С.А.* Алексей Снегов в борьбе за десталинизацию // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69–83; *Khrushchev Sergei*. Khrushchev on Khrushchev. – Boston, 1990. Chap. 1; Реабилитация. Т. 1–3 (именной указатель); Доклад Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС / Под ред. К. Аймермахера. – М., 2002; а по поводу писателя: *Фирсов Б.* Разномыслие. С. 249.

5. *Шатуновская*. Об ушедшем веке; *Померанц Григорий*. Следствие ведет каторжанка. – М., 2004. Цит. по: *Померанц*. Памяти одинокой тени // Знамя. 2006. № 7. С. 165. Один молодой американский историк недавно выпустил книгу, в которой, оправдывая свою интерпретацию советской политики 1930-х годов, несправедливо – я бы сказал: бесчестно – обрушился на Шатуновскую, её роль, сыгранную при Хрущёве, и даже её личные качества. см.: *Lenoe Matthew*. The Kirov Murder and Soviet History. – New Haven, 2010. Chaps. 14–15.

6. *Микоян Анастас*. Так было. – М., 1999. С. 589; по поводу воспоминаний сыновей см. выше, прим. 4, а также: *Хрущёв С. Никита Хрущёв: реформатор*. С. 263.

7. См. источники, приведённые в прим. 4–6.

8. Самый лучший и подробный рассказ о развернувшейся борьбе, об оппозиции, с которой столкнулся Хрущёв, содержится в книге его сына, бывшего свидетелем многих из этих событий, «Никита Хрущёв: реформатор». По поводу «глаз и ушей» см.: *Khrushchev*. *Khrushchev*. P. 13; *Микоян*. Алексей Снегов; а также: *Хрущёв С. Никита Хрущёв: реформатор*. С. 262.

9. См.: соответственно: *Мильчаков*. Молодость светлая... С. 94–98; *Шелестов Дмитрий*. Время Алексея Рыкова. – М., 1990. С. 296; *Быков Дмитрий* // Родина. 2008. № 8. С. 118–119; *Bonner*. Mothers. P. 323–24; *Афанасьев А.* // Комсомольская правда. 1988. 15 января. Другие примеры см.: *Козн*. Долгое возвращение. С. 99.

10. *Улановская Надежда* // Время и мы. 1983. № 77. С. 217–241; *Kun Miklos*. Stalin. – Budapest, 2003. P. 79. Пример симпатизирующей биографии см.: *Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. – М., 2010.

11. *Шатров* // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 22; а по поводу Молотова: Исторический архив. 1993. № 3. С. 76.

12. См.: *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 480–498; по поводу жертвы самого Хрущёва см.: *Семичастный Владимир*. Беспокойное сердце. – М., 2002. С. 79; а по поводу Аксёнова: Никита Сергеевич Хрущёв. Т. 2. С. 538–539.

13. *Taubman William*. Khrushchev. – New York, 2002. P. 274–275, 276–277; *Шатров* // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 22; *Никита Хрущёв*. 1964. – М., 2007. С. 442.

14. См.: *Medvedev Roy. Khrushchev.* – Garden City, NY, 1983. P. 87–91; *Орлова, Копелев.* Мы жили в Москве. С. 31; а также: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 99–100. По поводу Померанца см. *Померанц.* Памяти одинокой тени. С. 168, Следствие ведет каторжанка. С. 38–39.

15. Бывший узник Гулага Сурен Газарян, выступавший свидетелем на бериевском процессе, оставил воспоминания о нём, см.: СССР: внутренние противоречия // New York. 1982. № 6. С. 109–146. По поводу Пикиной см.: *Петров Никита.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 19 ноября.

16. По поводу Лазуркиной см.: XXII съезд КПСС. В 3-х т. – М., 1962. Т. 3. С. 121; Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. С. 367.

17. *Трифонов Юрий.* Отблеск костра. – М., 1966. С. 86.

18. См. соответственно: *Аллилуева.* Двадцать писем к другу. Письмо 20-е; *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. В 4-х т. – М., 1999. Т. 2. С. 184; *Danilov Viktor* // Kritika. Spring 2008. P. 355; *Остроумов Георгий.* Прорыв к свободе. – М., 2005. С. 288; а также: *Alexeyeva and Goldberg.* The Thaw Generation.

19. *Антонов-Овсеенко.* Портрет тирана. С. 8.

20. *Frierson and Vilensky.* Children. P. 365.

21. *Рыбаков Анатолий.* Роман-воспоминание. – М., 1997. С. 84.

22. *Лицкевич Олег* // Свободная мысль. 2008. № 6. С. 135–144.

23. По поводу этих проектов см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 101.

24. См.: Молотов, Маленков, Каганович 1957. – М., 1998.

25. *Вавилов.* В долгом поиске. С. 176.

26. *Шатуновская.* Об ушедшем веке.

27. *Medvedev. Khrushchev.* P. 81. По поводу «в моде» см.: *Лакиин Владимир* // Литературная газета. 1994. 17 августа; по поводу Шатуновской – её «Об ушедшем веке». С. 291.

28. По поводу Серова см.: *Петров Н.* Первый председатель КГБ; по поводу архивных документов: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 101–102.

29. Барсуков Н. // Коммунист. 1990. № 8. С. 99.

30. См.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 103; по поводу цитаты: *Петров Н.* // Новое время. 2000. № 23. С. 33. По поводу архивных разысканий историка Никиты Петрова см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 26 мая, 2 и 30 августа, 22 сентября, 19 ноября, 20 декабря.

31. Молотов, Маленков, Каганович 1957. С. 39. См. также: Исторический архив. 1993. № 3. С. 17, 19, 85, 88.

32. Исторический архив. 1993. № 4. С. 17.

33. См.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 103; *Петров Н.* Первый председатель КГБ. С. 151; по поводу увольнений см.: *Elkner Julie* // *Melanie Ilic and Jeremy Smith*, eds. *Soviet State and Society Under Khrushchev*. – London, 2009. P. 146. См. также публикации Петрова в «Правде Гулага», упомянутые в прим. 30.

34. *Коэн*. Долгое возвращение. С. 103.

35. По поводу Хрущёва, Серебряковой, Икрамова, Разгона, охранников и моего издателя см. соответственно: *Medvedev*. *Khrushchev*. P. 97 (а также: *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 286); *Хрущёв*. Два цвета. Т. 2. С. 574; *Икрамов*. Дело моего отца. С. 168–169; *Разгон*. Непридуманное; *Gregory Paul*. *Lenin's Brain and Other Tales from the Secret Soviet Archives*. – Stanford, CA, 2008. P. 91; *Авеличев Александр* // Стивен Коэн и Советский Союз/Россия. – М.: АИРО-XXI, 2008. С. 42.

36. По поводу оценок, поэта и Хрущёва см.: *Volkogonov Dmitri* // *Moscow Times Magazine*. Aug. 13, 1995: 21; *Иванова Галина* // *Общая газета*. 1998. 27 августа – 2 сентября; *Антокольский Павел* // *Грани*. 1964. № 56. С. 182; а также первые два источника из прим. 35. По поводу завхоза см.: мемуары Фёдора Васильевича Мочульского: *Gulag Boss* (edited by Deborah Kaple). – New York, 2010. P. 37. По поводу архивных документов см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 101–102.

37. По поводу «выполнения приказов» см.: *Пятницкий*. Осип Пятницкий. С. 610–611; *Mandelstam*. Hope against Hope. P. 49; *Tzouliadis*. *The Forsaken*. P. 320. см. также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 101–102, а по поводу Микояна: *Петров Н.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2009. 22 апреля.

38. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 478. См.: также XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 121–122, 362, 402, 584. (По поводу детей см.: С. 114.)

39. *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 297–300. По поводу отчёта комиссии см.: Реабилитация. Т. 2. С. 541–670.

40. *Лакиин Владимир* // Новый мир. 1964. № 1.

41. См.: соответственно: *Полевой Борис* // Огонёк. 1962. Июль. С. 20–24; *Стариков В.* // Урал. 1963. № 4. С. 4–48; *Икрамов* // Молодая гвардия. 1962. № 12. С. 183–234; *Аксёнов* // Юность: избранные. – М., 1965. С. 9–36.

42. День поэзии 1962. – М., 1962. С. 45. Я остаюсь признательным покойному профессору Вере Данэм (Vera Dunham), которая привлекла моё внимание к этому стихотворению. По поводу изображения официальных лиц см., напр., сюжет о повести Ивана Лазутина в: *Adler. Gulag Survivor*. P. 179–181; а по поводу конфликта поколений: *Икрамов*. // Молодая гвардия. 1962. № 12. С. 183–234.

43. *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 276; *Шелепин Александр* // XXII съезд ЦК КПСС. Т. 2. С. 405. По поводу Суслова см.: Источник. 1996. № 2. С. 115.

44. *Рыбаков*. Роман-воспоминание. С. 177.

45. См.: *Ларина*. Незабываемое. С. 275–283; *Medvedev Roy* // *Cohen*, ed. An End to Silence. P. 119–123.

46. *Ардов и др.* Легендарная Ордынка. С. 259; *Зезина*. Советская художественная. С. 174; а также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 104.

47. Там же.

48. *Sokolov Mikhail* // Current Digest of the Soviet Press. April 24, 1963. P. 13; *Лазутин Иван*. Суд идёт. – М., 1962. С. 258.

49. *Хрущёв*. Два цвета. Т. 2. С. 581. О его «готовности делать добро» см.: Анна Ахматова, цит. по: *Rubenstein Joshua*. Tangled Loyalties. – New York, 1996. P. 249.

50. См.: перебранку между Эренбургом и Виктором Ермиловым в газете Известия. 1963. 30 января и 6 февраля; по поводу Хрущёва см.: *Taubman. Khrushchev*. P. 596; по поводу письма анонимного автора см.: *Encounter*. June 1964. P. 88–98; *Ilyichev*

Leonid // Current Digest. April 3, 1963. P. 6. По поводу более позднего издания мемуаров Эренбурга см.: *Эренбург Илья*. Люди, годы, жизнь. В 3-х томах. – М., 1990. Т. 3. С. 233–235.

51. Политический дневник. Т. 2. – Амстердам, 1975. С. 123. Несколько аллюзивных статей о фашистской Германии были написаны Гнединым. См.: Новый мир. 1966. № 3; 1968. № 8. Другие примеры см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 104–105.

52. *Khrushchev S.* Khrushchev. P. 14.

53. По поводу Шатуновской, Снегова и Аксёнова см.: *Шатуновская*. Об ушедшем веке. Гл. 20–23; *Khrushchev S.* Khrushchev. P. 15; *Аксёнов* // Новая газета. 2009. 8 июля. По поводу Ленинграда см.: *Dobson*. Khrushchev's Cold Summer. P. 54, 87. По поводу Деборина см.: *Плимак Евгений*. На войне и после войны. – М., 2005. С. 106.

54. *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 292; *Семичастный*. Беспокойное сердце. С. 161.

55. Правда. 1962. 21 октября. По поводу Хрущёва см. *Евтушенко Евгений*. Волчий паспорт. – М., 1998. С. 241–243; *он же* // Литературная газета. 2010. 9–15 июня.

56. *Караулов Андрей*. Вокруг Кремля. – М., 1990. С. 50.

57. *Burlatsky Fedor*. Khrushchev and the First Russian Spring. – New York, 1988. P. 200–201, 215; *Павлов*. Анастас Микоян. С. 314–319; *Смирнов Г.Л.* // Неизвестная Россия. Т. 3. – М., 1993. С. 377–381; *Семичастный*. Беспокойное сердце. С. 342–343. По поводу итогов работы комиссии Шверника см.: Реабилитация. Т. 2. С. 541–670. По поводу Конституции см. также: *Хрущёв С.* Никита Хрущёв: реформатор. С. 827–829.

58. Никита Хрущёв 1964.

59. *Рыбаков*. Роман-воспоминание. С. 41.

60. Current Digest. Feb. 5, 1964; *Евтушенко*. Волчий паспорт. С. 242; Current Digest. Aug. 5, 1964. P. 20.

61. См. соответственно: *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 525; *Taubman*. Khrushchev. P. 14; а также: Никита Хрущёв 1964. С. 211, 340, 346, 347; Источник. 1996. № 2. С. 115.

62. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 535; *Волин О.* // Совершенно секретно. 1989. № 6. С. 18; *Улановская М., Улановская Н.* История одной семьи. С. 269.

ГЛАВА 5

1. Этот раздел в том, что касается сталинского вопроса, реформаторов и консерваторов, основан на моей книге 1985 года «Rethinking the Soviet Experience» (в русском переводе: Переосмысливая советский опыт. — Чалидзе: Вермонт, 1986), главы 4 и 5.

2. *Chuyev Feliks* // *Cohen*, ed. *An End to Silence*. P. 174.

3. По поводу этих аргументов см.: Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. — Минск, 1969. С. 12; *Cohen*. *Rethinking*. P. 200, n. 77.

4. Цит. по: *The New York Times*. Dec. 3, 1978.

5. *Tokes Rudolf*, ed. *Dissent in the USSR*. — Baltimore, 1975. P. 351.

6. См.: интервью Карпинского в книге: *Cohen Stephen and van den Heuvel Katrina*. *Voices of Glasnost*. — New York, 1989. P. 280–306.

7. *Поспелов Пётр* // Всесоюзное совещание... С. 298; Хроника защиты прав в СССР. Нью-Йорк, июль-сентябрь 1977 г. С. 16–17.

8. По поводу Молотова см.: *Molotov Remembers*. P. 409–11; а по поводу Черненко — Реабилитация. Т. 2. С. 538–559.

9. Кремлёвский самосуд. — М., 1994. С. 209–211, 361; Реабилитация. Т. 2. С. 539–540; *Семичастный*. Беспокойное сердце. С. 245.

10. *Тепляков*. Процедура. С. 64; *Степанков В.Н. и др.* Чекисты Сталина. — М., 2006. С. 593. О возвращённых наградах и пенсиях см.: *Головкова Лидия* // Новая газета. 2009. 16 декабря.

11. *Шейнин Лев*. Записки следователя. — М., 1968; а также его некролог: *Известия*. 1967. 31 мая. О его роли в терроре см.: *Звягинцев*. Руденко. С. 73–78, а также соответствующие страницы в книге: *Vaksberg*. *Stalin's Prosecutor*. По поводу цитаты см.: *Родос Валерий*. Я — сын палача. — М., 2008. С. 29. В начале 1950-х Шейнин был ненадолго арестован. Перед освобождением его навещал в тюрьме высокий чин из МГБ, который заключил: «Эта башка ещё поработает»: *Петров Н.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 20 декабря.

12. *Известия*. 1963. 16 декабря.

13. См.: *Medvedev. Khrushchev*. P. 98, где представлена несколько иная версия, и: *Солженицын. Архипелаг Гулаг*. Т. 3. С. 451.

14. Цит. по: *Adler. Gulag Survivor*. P. 196–197. По поводу Снегова и Суслова см.: *Реабилитация*. Т. 2. С. 510, 521–525; по поводу обращений к Снегову (и Шатуновской) см.: *Орлова, Копелев. Мы жили в Москве*. С. 53.

15. См., напр.: *Medvedev Roy. On Socialist Democracy*. – New York, 1975.

16. *Ларина. Незабываемое*. С. 415–417. см.: также: *Томский Юрий // Возвращённые имена / Под ред. Проскурина*. Т. 2. С. 270.

17. *Рыбакова Татьяна. Счастливая ты, Таня!* – М., 2005. С. 255; см. также ссылку на слова Хрущёва в книге: *Boobhyer Philip. Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia*. – London, 2005. P. 66.

18. Никита Хрущёв 1964. С. 441. По поводу биографии Виктора Луи см.: *Кореневская Елена // Литературная газета*. 2010. 10–16 февраля; *Черкасов Александр // Новое время*. 2010. 8 марта.

19. *Хрущёв. Время. Люди. Власть*. Т. 1. С. 163.

20. *Эдлис Ю. // Советская культура*. 1989. 21 декабря; *Орлова, Копелев. Мы жили в Москве*. С. 347–348.

21. *Петровский Л.П. Пётр Петровский*. – Алма-Ата, 1974; *Ракитин Антон. В.А. Антонов-Овсеенко*. – М., 1975.

22. По поводу пьес Шатрова и их политического контекста см.: *Шатров М. Творчество. Жизнь. Документы: Сочинения в 5-ти томах*. – М., 2006–2007.

23. Цит. по: *Woll J. Invented Truth*. P. 14.

24. *Трифонов Юрий. Отблеск костра*. – М., 1965. По поводу Микояна см.: *Эдлис Ю. Четверо в дубленках и другие фигуранты*. – М., 2003. С. 184.

25. По поводу эволюции самиздата см.: *Saunders George, ed. Samizdat*. – New York, 1974; *Brumberg Abraham, ed. In Quest of Justice*. – New York, 1970; *Cohen, ed. An End to Silence*.

26. *Ларина. Незабываемое*. С. 199. В качестве примера сочувственной интерпретации жизни Якира см. рассказ его зятя Юлия Кима, у которого я почерпнул часть этой информации: *Ким Юлий //*

Общая газета. 1996. 8–14 февраля; а также: *Петровский Леонид* // Кентавр. 1995. № 1. С. 61–75.

27. *Джмазян Л.Н.* // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 64.

28. *Горбачёв М.С.* Избранные речи и статьи. В 7 томах. – М., 1987–1990. Т. 5. С. 217, 397–398, 401–402, 407. По поводу Ельцина см.: Свободная мысль. 1995. № 11. С. 62–63.

29. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. – М., 1992. Гл. 2.

30. См., напр.: Возвращенные имена / Под ред. Проскурина. В 2-х томах; Реабилитирован посмертно / Под ред. Ф.А. Карманова и С.А. Панова. В 2-х томах. – М., 1988. По поводу шлюзов см.: *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. – М., 1993. С. 183. По поводу литературы этого периода о терроре см.: *Иванова Наталья.* Воскрешение нужных вещей. – М., 1990.

31. *Adler Nanci.* Victims of Soviet Terror. – Westport, CT, 1993.

32. *Икрамов.* Дело моего отца.

33. The Nation. April 17, 1989. P. 521–524.

34. Цит. по: *Щекочихин Юрий* // Литературная газета. 1988. 6 июля.

35. По поводу встреч см.: Foreign Broadcast Information Service: Soviet Union. Sept. 14, 1990. P. 24; Известия. 1989. 25 августа. Подробнее о Краюшкине, который позже способствовал выяснению судеб известных советских писателей, см.: *Шенталинский.* Рабы свободы.

36. Списки начала печатать в 1990 году газета «Вечерняя Москва». Позже они послужили основой для трёхтомника «Мемориала», изданного под заглавием «Расстрельные списки» в 1993, 1995 и 2000 годах. См. также откровенное интервью Мильчакова в книге: *Remnick David.* Lenin's Tomb. – New York, 1993. P. 137–140.

37. См., напр.: Moscow News, nos. 19, 28, 42 (1988), 10, 37 (1990); Комсомольская правда. 1989. 8 декабря. Слова главного редактора «Огонька» Виталия Коротича цит. по: *Йоффе Г.* // Отечественная история. 2002. № 4. С. 164; см. также: *Козн.* Долгое возвращение. С. 107. По поводу раскаявшегося «палача» см.: *Сыйсак Рудольф.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 3 марта.

38. Неделя. 1988. 26–31 декабря. По поводу символического суда см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 107.

39. Литературная газета. 1989. 29 марта.

40. *Ларина*. Незабываемое. С. 410.

41. Цит. по: *Иванова Н.Б.* // Горбачёвские чтения. 2006. № 4. С. 81. См. также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 107.

42. См.: Известия. 1992. 7 мая.

43. Комсомольская правда. 1990. 26 сентября.

ЭПИЛОГ

1. См., напр., результаты опроса ВЦИОМ, приведённые в: Johnson's Russia List (далее – JRL), an email newsletter. Dec. 21, 2009; *Филиппов А.В.* Новейшая история России, 1945–2006 годы. – М., 2007. С. 93; *Рыбин А.Т.* Сталин в октябре 1941 года. – М., 1995. С. 5.

2. См. комментарий Александра Бовина в книге: *Cohen and vanden Heuvel*. Voices of Glasnost. P. 225.

3. Реабилитация. Т. 3. С. 600–606; *Adler*. Gulag Survivor. P. 33. Chap. 7.

4. Два следственных дела Гинзбург. С. 3.

5. По поводу характеристики 1990-х годов см.: *Коэн Ст.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. – М.: АИРО-XX, 2001.

6. *Б.С.* // Независимая газета. 1993. 21 сентября; Мир после Гулага. См. также: *Ципко Александр* // Независимая газета. 2010. 22 сентября.

7. *Черняховский Сергей* // Политический класс. 2009. Декабрь (электронная версия журнала); *Бангерский Александр* // там же. См. также выше, прим. 1, и: *Mendelson Sarah and Gerber Theodore* // Foreign Affairs. Jan./Feb. 2006, online ed.

8. *Slater Wendy* // The Times Literary Supplement. Oct. 30, 2009. P. 29; а также: The Economist. Sept. 5, 2009. P. 14.

9. См., напр.: *Мухин Юрий, Шабалов Александр*. Почему врут учебники истории. – М., 2009. См. также высказывания Степана

Карнаухова, А.Г. Лукашенко и Юрия Емельянова в газете Советская Россия. 2010. 9 сентября, 7 октября и 23 октября.

10. См., напр.: Новая газета. 2009. 16 марта, 22 апреля, 29 июля.

11. См., напр., два сборника под редакцией Ирины Щербаковой: «Как наших дедов забирали» (М., 2007) и «Круг семьи и колесо истории» (М., 2008).

12. По поводу Познера см.: BBC report in JRL. Dec. 23, 2009; по поводу документального фильма – Новая газета. 2010. 25 января; по поводу Шатуновской – там же. 4 октября.

13. По поводу решения суда см.: Новая газета. 2009. 16 октября; по поводу Магадана – сообщение ИТАР-ТАСС от 23 мая 2008 г.; а также AP dispatch in JRL, July 9, 2007.

14. По поводу цитаты см.: *Иванова Н.Б.* // Горбачёвские чтения. № 4. С. 81, а по поводу мемориала – Новая газета. 2008. 5–8 июня, 9–15 июня, а также пресс-релизы КППФ от 5–6 июня 2008 года с возражениями.

15. *Филиппов.* Новейшая история России. С. 81–94. Протесты против господдержки этого учебника и сопутствующего пособия для учителей регулярно появлялись в Новой газете на протяжении 2008 и 2009 годов.

16. См. соответственно: Reuters dispatch. Nov. 2, 2000; Книжное обозрение. 2006. № 48. С. 4; kremlin.ru, 30 октября 2007 г., ИТАР-ТАСС, 30 октября 2007 г.

17. AFP dispatch in JRL, Feb. 4, 2010; по поводу слов Путина, процитированных ИТАР-ТАСС, см.: *ibid.*, Dec. 22. 2009. По поводу сокращенной версии см.: интервью с Н.Д. Солженицыной // Новая газета. 2010. 29 октября; по поводу Путина – premier.gov.ru, 26 октября 2010 г.

18. Известия. 1990. 1 декабря.

19. См. соответственно: *Ryzhkov Vladimir* // Moscow Times. Feb. 9, 2010; *Самарина Александра* // Независимая газета. 2009. 2 ноября; *Будберг Александр* // Московский комсомолец. 2009. 28 декабря.

20. См. соответственно: *Деягин Михаил* (цит. по: *Митрофанов Сергей* // Politkom.ru, 3 января 2010); «круглый стол» // Завтра. 2009. 31 декабря; *Проханов Александр* // там же. 4 марта. См.

также: Мухин Юрий. Сталин против кризиса. – М., 2009; Гурджев Л.К. Сталинизм – спасение России. – М., 2010.

21. См. соответственно: *Chernyakhovsky Sergei* // Moscow News. Dec. 1–7, 2009; Рыбин. Сталин в октябре 1941 г. С. 5; Карпов Владимир (цит. по: Касьяненко Жанна // Советская Россия. 2002. 27 июля); Анохин Михаил // Литературная газета. 2009. 18–24 марта.

22. Новая газета. 2009. 1 июля. См. также: Антонов-Овсеенко А.В. Афоризмы. – М., 2010.

23. Фефелов Андрей. Сталин – здесь и сейчас // Завтра. 2004. 22 декабря. Другое высказывание, также вынесенное в эпиграф этого раздела, принадлежит Александру Сергееву: Сергеев Александр. Мистический сталинизм // Там же. 1999. 2 ноября.

24. См., напр.: Зюганов Геннадий. Сталин и современность. – М., 2008; Емельянов Юрий. Сталин перед судом пигмеев. – М., 2007; а также многочисленные материалы, опубликованные к 130-летию Сталина в декабре 2009 года в прокоммунистической газете Советская Россия.

25. Выражение Александра Будберга (см. Московский комсомолец. 2009. 28 декабря). По поводу моей точки зрения см.: Cohen, ed. An End to Silence. P. 22–50; Cohen. Rethinking the Soviet Experience (особенно главы 4–5). В статье, предваряющей публикацию документов, свидетельствующих о сталинском «геноциде собственного народа», редактор «Правды ГУЛАГа» Олег Хлебников подчеркнул, что у таких преступлений **«не может быть срока давности»**. – Новая газета. 2009. 22 апреля

26. Икрамов. Дело моего отца. С. 256. По поводу опросов см.: Goble Paul // JRL. Feb. 24, 2006. По поводу внуков см., напр., сборники, упомянутые в прим. 11.

27. По поводу встречи см.: Муратов Дмитрий // Новая газета. 2009. 2 февраля, а также его интервью: RFE/RL // JRL. Jan. 30, 2009. По поводу высказываний Медведева, приведённых здесь, см.: blog.kremlin.ru, 30 октября 2009 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Авеличев А. – 170
Адлер Н. – 33, 35, 153, 157, 163
Аймермахер К. – 167
Айхенвальд А.Ю. – 57, 152
Айхенвальд Ю.А. – 25, 57, 69, 89, 122, 124, 129, 133, 152, 162
Айхенвальд Ю.И. – 57
Аксёнов В.П. – 29, 31, 34, 39, 65, 67, 89, 93, 101, 104, 106, 121, 141, 144, 164, 168, 171, 172
Аксёнов П.В. – 29, 65
Алдан-Семёнов А.И. – 122
Александр Невский – 148
Аллилуева С.И. – 16, 46, 56, 79, 155, 169
Амлинский В. – 166
Андропов Ю.В. – 31, 125
Анохин М. – 178
Антокольский П. – 170
Антонова-Овсенко Г.В. – 64
Антонов-Овсенко А.В. – 22–24, 29, 31, 53, 64, 69, 79, 85, 89, 92, 93, 118, 121, 122, 124, 129, 132, 145, 148, 152, 154, 156, 157, 160, 161, 163, 165, 166, 169, 178
Антонов-Овсенко В.А. – 23, 174
Антонов-Овсенко В.В. – 64, 87
Ардов Б. – 161
Ардов М. – 161, 171
Армстронг Л. – 46
Аросев А.Я. – 40, 65
Аросева О.А. – 40, 41, 65, 69, 79, 159, 163, 166
Арпишкин Ю. – 161
Арсланов В. – 167
Астров В.Н. – 133
Афанасьев А. – 168
Ахматова А.А. – 11, 38, 49, 53, 78, 137, 145, 159, 166, 171

Б

Бабель И.Э. – 71
Баев А.А. – 24, 55, 58, 77, 78, 85, 156, 162
Баева Т.А. – 23–25, 39, 55, 77, 118, 119, 124, 125, 152

Байтальский М.Д. – 25, 92, 118, 121, 124

Бангерский А. – 176
Баркова А.А. – 76, 165
Барсуков Н. – 170
Баталов А. – 161
Бек Т. – 166
Белл Т.Р. – 34
Берггольц О.Ф. – 59, 60, 162, 163
Берия Л.П. – 14, 26, 43, 44, 90, 96, 129
Биннер Р. – 154
Битов А.Г. – 34
Блок А.А. – 64
Блюхер В.К. – 15, 66, 154
Бовин А. – 176
Боннер Е.Г. – 65–67, 88, 93
Бордюгов Г.А. – 152, 154, 175
Брежнев Л.И. – 84, 87, 105, 111, 115, 125
Бугай Н.Ф. – 157
Будберг А. – 177, 178
Будённый С.М. – 68
Бурковский Б.В. – 85
Бухарин В.И. – 50, 53, 121, 152, 158
Бухарин Н.И. – 18, 19, 22, 25, 27–29, 31, 33, 38, 42, 50, 53, 55, 57, 60, 62, 66, 71, 72, 75, 79, 87, 88, 100, 104, 114, 116, 119, 122, 127–129, 133–135, 138, 140, 148, 155, 158
Быков Д. – 168

В

Вавилов Н.И. – 41, 71, 94, 148, 159, 166
Вавилов С.И. – 41
Вавилов Ю.Н. – 159, 169
ванден Хювель, Катрина – 32, 33, 130, 135, 136, 153
Вельяминов П.С. – 56
Виленский С.С. – 55, 157
Виттенбург Е.П. – 162
Виттенбург П.В. – 58, 162
Вознесенский Л.А. – 161, 166
Волин О. – 172
Волков О.В. – 70, 164
Волкогонов Д. – 167
Воробьев А. – 159

Ворошилов К.Е. – 44, 63, 87, 90, 95,
106, 116
Вышинский А.Я. – 72, 102, 115, 116,
138

Г

Газарян С. – 92, 169
Гастев Ю.А. – 25, 37, 94, 118, 124
Гершман М. – 161
Герштейн Э. – 158–160
Гинзбург Е.С. – 21, 29, 54, 62, 63, 67,
69, 92, 102, 121, 124, 136, 141, 158,
163, 164, 176
Гитлер А. – 105, 145, 149
Гловацкая Н. – 167
Глушко В.П. – 56
Гнедин Е.А. – 26, 27, 53, 60, 61, 68, 69,
76, 79, 92, 118, 121, 124, 137, 156,
172
Гнедина Н. – 68, 69
Головкова Л. – 155, 173
Горбатов А.В. – 56
Горбачёв М.С. – 33, 47, 61, 68, 82, 86,
94, 99, 110, 111, 115, 116, 119,
126–131, 135–138, 140, 142, 143,
145, 146, 148–150, 164, 175
Горчева А.Ю. – 159, 166
Горький М. – 77, 130
Гранин Д. – 162
Григоров Г. – 157, 160, 161, 164
Гронский И.М. – 45, 160
Гроссман В.С. – 34, 51, 67, 134, 137,
161, 164
Гумилёв Л.Н. – 36, 38, 39, 47, 49, 54,
92, 159
Гурвич С.Н. – 28, 29, 38, 50, 55, 57, 66,
129, 152, 158
Гурвич Э.Б. – 152, 158, 163, 164
Гурвич Э.И. – 28, 29, 50, 60
Гурджев Л.К. – 178

Д

Давидян И.С. – 152
Даниэль Ю.М. – 117
Данэм В. – 171
Дарвин Ч. – 54
Деягин М. – 177
Джмазан Л.Н. – 175
Домбровский Ю.О. – 59
Дорман О. – 162

Дудко Д.С. – 31, 59, 63, 92, 163
Дунский Ю.Т. – 56

Е

Евтушенко Е.А. – 107, 108, 161, 172
Ежов Н.И. – 14, 134
Ельцин Б.Н. – 138, 140–142, 149, 175
Емельянов Ю. – 177, 178
Ермилов В. – 171
Ерошок З. – 158
Ефимов Б.Е. – 40, 41, 65, 159
Ефимов Е. – 165

Ж

Жемчужина П. – 45, 46
Жемчужина П. – 79
Жжёнов Г.С. – 53, 56
Жигулин А.В. – 122, 157

З

Заболоцкий Н.А. – 51, 122, 161
Заверин Л. – 165
Зальцман М. – 165
Зараев – 166
Захарова Е. – 162
Звягинцев А. – 160, 173
Зезина – 171
Землянушин И. – 165
Земсков В.Н. – 161
Зильбер Л.А. – 58, 77, 162, 166
Зубкова Е. – 157
Зэка (Соколов) В. – 162
Зюганов Г. – 178

И

Иванова Г. – 170
Иванова Н. – 175–177
Иванов-Паймен В. – 167
Измюмов Ю. – 162
Икрамов А.И. – 25
Икрамов А.И. – 44, 60, 71, 162
Икрамов К.А. – 25, 26, 36, 37, 44, 58,
60, 71, 78, 79, 94, 98, 101, 118, 121,
124, 129, 132, 150, 154, 156, 158–
160, 162, 166, 170, 171, 175, 178

И-Й

Исаев И. – 167
Йоффе Г. – 175

К

- Каганович Л.М. – 44, 54, 78, 87, 90, 95,
97, 99, 106, 169, 170
Калашников М.Т. – 40
Калинин М.И. – 40
Капица П.Л. – 77
Каплер А.Я. – 46, 56
Караулов А. – 172
Карахан Л.М. – 42
Карманов Ф.А. – 175
Карнаухов С. – 177
Карпинский В.А. – 73
Карпинский Л.В. – 113, 114, 135, 173
Карпов В.В. – 63, 163, 178
Карпычев А. – 159
Карякин Ю. – 163
Касьяненко Ж. – 178
Катинова А.И. – 154
Каховская И.К. – 92
Кемоклидзе Д. – 162
Керсновская Е.А. – 34, 82, 157, 163,
167
Кёстлер А. – 18
Ким Ю.Ч. – 69, 81, 124, 125, 174
Кинг Д. – 152
Киршин Ю.Я. – 154
Киселев Л.Л. – 162, 166
Коган Л. – 134
Козлов В.А. – 175
Козлова Н. – 164
Кольцов М.Е. – 40, 41
Конасов В.Б. – 154
Конквест Р. – 17, 18, 20, 31, 34, 153,
154
Копелев Л.З. – 25, 26, 31, 34, 36, 45,
50, 60–62, 69, 89, 92, 113, 118, 121,
123, 124, 157, 161, 163, 164, 169,
174
Кореневская Е. – 174
Коржавин Н.М. – 118, 145, 160, 166
Корнилов В.Н. – 26
Королёв С.П. – 56, 85
Королёва Н.С. – 162
Коротич В. – 175
Косыгин А.Н. – 138
Козн А. – 32
Козн Л. – 32, 153
Козн Н. – 33
Козн Э. – 32, 135
Краюшкин А. – 131, 175
Кржижановский Г.М. – 73
Кузьминых А.Л. – 154

Л

- Лазуркина Д.А. – 90, 91, 169
Лазутин И. – 171
Лакшин В. – 164, 169, 171
Ландау Л.Д. – 77
Ларин Ю.Н. – 18, 19, 27, 28, 39, 55, 57,
58, 66, 88, 124, 129, 136, 152
Ларина А.М. – 18, 19, 24, 26, 28–33,
36, 42, 50, 53, 56, 66, 69, 71, 72, 79,
89, 92, 103, 118, 119, 121, 122, 125,
128–130, 132–137, 140, 141, 152,
155, 158, 162, 171, 174, 176
Левина Е.С. – 162, 166
Ленин В.И. – 18, 25, 59, 73, 74, 87, 90,
113, 122, 127, 134–136
Лигачёв Е.К. – 138
Литвин А.Л. – 163
Лицкевич О. – 169
Логинов В.Т. – 17, 34, 167
Лужков Ю.М. – 144
Луи В. – 120, 174
Лукашенко А.Г. – 177
Лукин В.П. – 39
Лукина Н. – 60
Лукьянов А.И. – 131
Лунгина Л. – 162
Лурье Л. – 159, 162
Лысенко Т.Д. – 166
Ляндрес С.А. – 62, 163

М

- Макарьев И. – 80
Максимова В. – 159
Маленков Г.М. – 44, 54, 87, 88, 90, 95,
97, 99, 106, 169, 170
Малярова И. – 159, 162
Мандельштам Н.Я. – 68, 158, 163
Марецкая В.П. – 42, 159
Марецкий Г.П. – 42
Марецкий Д.П. – 42
Машеров П.М. – 93
Медведев А. – 60
Медведев Д.А. – 146, 150, 178
Медведев Ж.А. – 23, 78, 93, 121, 124
Медведев Р.А. – 22–25, 29, 31, 51, 60,
61, 78, 85, 89, 93, 98, 118, 121, 124,
129, 132, 133, 137, 150–152, 156,
157
Мейерхольд В.Э. – 15, 16, 74, 75, 104,
132, 160

Микоян А.И. – 40, 44, 45, 48, 85–88, 95, 99, 106, 108, 109, 117, 119, 123, 143, 168, 170, 172, 174
 Микоян С.А. – 152, 167
 Миллер А. – 85
 Мильчаков А.А. – 28, 128, 129, 131, 132, 157
 Мильчаков А.И. – 28, 45, 46, 60, 63, 78, 84, 87, 100, 131, 160, 164, 168, 175
 Миндлин М. – 157
 Мирзабеков А.Д. – 156, 162
 Митин М.Б. – 103, 116
 Митрофанов С. – 177
 Молотов В.М. – 40, 44–46, 54, 79, 87, 88, 90, 91, 95, 97, 99, 106, 115, 168–170, 173
 Молчанов В. – 159
 Мочульский Ф.В. – 170
 Муратов Д.А. – 150, 178
 Мухин Ю. – 176, 178

Н

Намазова А. – 158
 Невзоров Л.И. – 154
 Негретов П. – 157, 161
 Нетто И.А. – 41, 49, 67, 159, 164
 Нетто Л.А. – 41, 49, 67, 159, 164
 Новиков А. – 159

О

Окуджава Б.Ш. – 61, 67, 81, 87, 144, 164
 Окуневская Т.К. – 46, 56, 68, 160
 Орлова Р. – 157, 161, 163, 164, 169, 174
 Оруэлл Дж. – 31
 Остроумов Г. – 169

П

Павлов М.Ю. – 168, 172
 Панов С.А. – 175
 Панов Ю. – 167
 Пастернак Б.Л. – 137
 Петкевич Т.В. – 56
 Петров Н.В. – 96, 160, 169, 170, 173
 Петровская Д. – 74
 Петровский Г.И. – 60, 73, 74
 Петровский Л.П. – 25, 40, 60, 74, 89, 94, 121, 122, 124, 125, 129, 132, 152, 159, 165, 174, 175

Петровский П.Г. – 40, 60, 73, 174
 Петрушин П. – 154
 Пешкова Е.П. – 77
 Пикина В.Ф. – 85, 86, 90, 169
 Плимак Е. – 172
 Плисецкая М.М. – 39, 40, 42, 65, 76, 165, 166
 Познер В.В. – 144, 177
 Полевой Б. – 171
 Померанц Г.С. – 53, 86, 89, 148, 168, 169
 Поскрёбышев А.Н. – 68
 Пospelов П. – 173
 Проскурин – 174, 175
 Проханов А. – 177
 Прошкин А. – 156, 158
 Путин В.В. – 140, 142, 143, 145, 146, 150, 177
 Пятницкий И.О. – 25, 45, 66, 69, 106, 117, 124, 170
 Пятницкий О.А. – 25, 170

Р

Разгон Л.Э. – 27, 36, 61, 69, 78, 92, 98, 129, 158, 163, 166, 170
 Раkitин А. – 174
 Решетовская Н.А. – 29, 69, 70, 156
 Рид Р. – 136
 Родос В. – 173
 Рознер Э.И. – 46, 56, 81
 Рокоссовский К.К. – 55, 63, 85, 162, 163
 Романов Р. – 152
 Рубин Б. – 166
 Рубио О. – 153
 Руденко Р.А. – 45, 96, 160, 173
 Ручёв Б.А. – 122
 Рыбаков А.Н. – 34, 93, 144, 158, 169, 171, 172
 Рыбакова Т. – 174
 Рыбин А.Т. – 176, 178
 Рыжков В. – 159
 Рыков А.И. – 25, 27, 72, 75, 168
 Рыкова Н.А. – 25, 27, 53, 59, 72, 75, 87, 118, 122
 Рязский Б. – 74, 75, 89, 94, 104, 160, 165
 Самарина А. – 177
 Сандерс Дж. – 153

Сараскина Л. – 156, 162, 167, 168, 171, 172
 Сахаров А.Д. – 31, 66, 88, 124, 129
 Сац Н.И. – 56, 162
 Свердлов А.Я. – 103, 116
 Семёнов Ю.С. – 62, 163
 Семёнова М. – 42
 Семёнова О. – 163
 Семичастный В.Е. – 115, 168, 172, 173
 Сергеев А. – 178
 Серебряков Л.П. – 72, 138
 Серебрякова Г.И. – 61, 62, 72, 98, 138, 170
 Серов И.А. – 44, 95, 106, 160, 169
 Сеф Р. – 58, 162
 Симонов К.М. – 74, 167
 Синявский А.Д. – 117
 Слуцкий Б.А. – 149
 Смеляков Я.В. – 122
 Смирнов Г.Л. – 172
 Смит К. – 157
 Снегов А.В. – 45, 48, 53, 54, 60, 70, 84–87, 90, 106, 107, 115, 117, 121, 162, 166–168, 172, 174
 Солдатенков А.И. – 152
 Солдатенков И.А. – 152
 Солженицын А.И. – 13, 20, 21, 23, 26, 27, 29–31, 51, 53, 55, 62, 69, 70, 82–85, 89, 92, 93, 99, 101, 104, 106–109, 114, 115, 119, 121, 124, 128, 144–146, 155, 156, 162, 163, 167, 168, 171, 172, 174
 Солженицына Н.Д. – 177
 Соломенцев М.С. – 84
 Сталин И.В. – 11, 13–16, 18, 20, 28, 32, 36, 37, 39–44, 46, 47, 55–57, 60, 63, 65, 73–81, 84, 85, 87, 88, 90–93, 95–102, 104–111, 113–117, 119–122, 124, 126, 127, 129, 133, 137, 139, 140, 142–150, 154, 160, 163, 167, 173, 176, 178
 Сталин Ю. – 178
 Стариков В. – 171
 Старостин А.П. – 56
 Старостин Н.П. – 56
 Старостины, братья – 46
 Стасова Е.Д. – 73
 Степанков В.Н. – 173
 Стокс У. – 37
 Столярова Н. – 104
 Суслов А.Б. – 158
 Суслов М.А. – 95, 102, 105, 109, 115–117, 171, 174

Сучков Б.Л. – 85, 167
 Сыйсакс Р. – 175

Т

Твардовский А.Т. – 52, 74
 Тепляков А.Г. – 154, 173
 Тимофеев А. – 154
 Тимофеев-Ресовский Н.В. – 166
 Тодорский А.И. – 86, 97
 Томский Ю.М. – 79, 118, 122, 174
 Трифонов Ю.В. – 91, 94, 122, 123, 165, 169, 174
 Троцкий Л.Д. – 18, 122
 Туманов В.И. – 48, 49, 51, 58, 161, 162
 Туманова А. – 157

У

Уитмен У. – 58
 Улановская М. – 157, 163, 172
 Улановская Н. – 157, 163, 168, 172
 Ульрих В.В. – 65, 102, 115

Ф

Фадеев А.А. – 74, 80, 98, 166
 Фадеев М.Ф. – 19, 42, 152
 Фадеев Ф. – 19, 98
 Фадеева Н.Ф. – 19, 152
 Файджес – 156
 Фёдоров С.Н. – 93
 Федорова З.А. – 46
 Фефелов А. – 178
 Филиппов А.В. – 176, 177
 Фирсов Б.М. – 162, 167
 Фрезинский Б. – 159
 Фрид В.С. – 56

Х

Хаустова В.Н. – 154
 Хемингуэ. – 62
 Хлебников О. – 154, 162, 178
 Хрущёв Н.С. – 17, 19, 20, 35, 44, 45, 47–49, 60, 61, 63, 70, 72, 73, 75, 82, 84–92, 95–100, 102, 104–120, 124, 125, 127, 130, 136, 137, 142, 143, 145, 148, 163, 167–172, 174
 Хрущёв С.Н. – 86, 105, 120, 167, 168, 171, 172

Ц

Цейтлин – 167
Ципко А. – 176

Ч

Чейн Дж. – 37
Черкасов А. – 174
Черненко К.У. – 115, 173
Черняев А. – 164
Черняховский С. – 176
Чеснокова А. – 153
Чуев Ф. – 169
Чуковская Л. – 166

Ш

Шабалкин П. – 103
Шабалов А. – 176
Шайкин В. – 159
Шаламов В.Т. – 21, 27, 54, 58, 62, 68, 69, 144, 155, 158, 162, 163
Шапиро Дж. – 155
Шатров М.Ф. – 27, 39, 60, 69, 77, 89, 119, 122, 123, 129, 132, 136, 152, 166, 168, 174
Шатуновская О.Г. – 36, 45, 48, 50, 53, 54, 60, 84–90, 95, 97, 98, 100, 102, 106, 107, 115, 117, 119, 121, 144, 152, 157, 160, 161, 168–172, 174, 177
Шверник Н.М. – 107, 144, 172
Шеварнадзе Э.А. – 138
Шейнин Л.Р. – 116, 173
Шелепин А. – 171
Шелест П.Е. – 160
Шелестов Д. – 168
Шенталинский В. – 154, 175
Ширвиндт Е.Г. – 86
Шихеева-Гайстер И. – 158
Шмидт Т.И. – 164–166

Щ

Щекочихин Ю. – 175
Щербакова И. – 164, 165, 177

Э

Эдлис Ю. – 174
Эльсберг Я.Е. – 103
Эмис М. – 34
Энгельгардт В.А. – 77
Эренбург И.Г. – 74, 75, 104, 105, 159, 171, 172

Ю

Юдин П.Ф. – 103, 116
Юнге М. – 154, 158
Юрасов Д.Г. – 132

Я

Якир И.И. – 69, 125
Якир И.Э. – 45, 60, 125
Якир П.И. – 45, 60, 61, 69, 84, 89, 94, 119, 121, 124, 125, 174
Яковлева Т. – 159
Якубович М.П. – 88, 92

А

Adler N. – 156, 157, 160–166, 171, 174–176
Alexeyeva L. – 166, 169
Alexopoulos G. – 159
Applebaum A. – 157, 161
Arutunyan A. – 164

В

Baitalsky M.D. – 164
Baldaev D. – 154
Bonner E. – 164, 168
Boobbyer P. – 174
Boym S. – 163
Braithwaite R. – 162
Brumberg A. – 174
Bukharin N. – 158
Burlatsky F. – 172

С

Chernyaev A. – 175
Chernyakhovsky S. – 178
Chuyev F. – 173

Д

Danilov V. – 169
Dobson M. – 157, 163, 166, 172
Draitser E. – 161
Dunham V. – 171

Е

Edelman R. – 159, 160
Elkner J. – 170
Etkind A. – 164

F

Figes – 156, 157, 159, 162
Frankel H. – 160
Frierson C.A. – 159, 164, 169
Fyodorova V. – 160

G

Gerber T. – 176
Gessen M. – 160
Glad J. – 162
Goble P. – 178
Goldberg P. – 166, 169
Gregory P. – 170

H

Hochschild A. – 157, 161

I

Ilyichev L. – 171

K

Kaple D. – 170
Khrushchev N. – 167–172, 174
Khrushchev S. – 167, 168, 172
King D. – 158
Kirov S. – 168
Kizny T. – 158
Kopelev L. – 160
Kun M. – 168

M

Mandelstam N. – 164, 166, 170
Matthew L. – 168
Matthews O. – 158–160, 164
Medvedev R. – 169–171, 174
Melanie I. – 170
Mendelson S. – 176
Merridale C. – 157
Molotov V.M. – 163, 166, 173
Montefiore S. – 157, 160

P

Petkevich T. – 162
Pringle P. – 159

R

Remnick D. – 175
Rubenstein J. – 171
Ryzhkov V. – 177

S

Saunders J. – 174
Scammell M. – 164
Shalamov V. – 162, 164
Shapiro J. – 155
Shentalinsky V. – 165
Slater W. – 176
Smith K. – 157, 163, 170
Sokolov M. – 171
Solzhenitsyn A. – 155, 164
Stalin I.V. – 160, 168
Starr F. – 160
Svirski G. – 161, 164, 166

T

Tall E. – 167
Taubman W. – 171, 172
Tokes R. – 173
Tolczyk D. – 155
Tzoulidis – 170
Tzoulidis T. – 155, 161

V

Vaksberg A. – 165, 173
vanden Heuvel, K. – 173, 176
Vasilieva L. – 160
Vilensky S.S. – 159, 164, 165, 169
Volkogonov D. – 170

W

Wohl J. – 158, 174

Y

Yakir P. – 158, 160
Yanov A. – 167

Z

Zorin L. – 155
Zubkova E. – 157

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ СТИВЕНА КОЭНА

КНИГИ

- The great purge trial. – New York: Grosset & Dunlap and Universal Library Paperbacks, 1965. – Сопед.
- Bukharin and the bolshevik revolution: A political biography, 1888 – 1938. – New York: Knopf, 1973. То же. – London: Wildwood House, 1974; New York: Vintage Book, 1976; в русском переводе – Royal Oak, Mich.: Strathcona, 1980; Бухарин: Политическая биография, 1888–1938 / Пер. с англ. Е. Четвергова [Е.А. Гнедина], Ю. Четвергова [Ю.Н. Ларина], В. Козловского; Предисл. С. Коэна; Общ. ред., послесл. и коммент. И.Е. Горелова. – М.: Прогресс, 1989. – 574 с: ил.; – М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1989. – 570: ил.; – М.: Прогресс академия, 1992. – 570 с: ил.
- The Soviet Union since Stalin. – Bloomington: Indiana Univ. Press; London: Macmillan, 1980. – Сопед.
- An end to silence: Uncensored opinion in the Soviet Union. – New York: W.W. Norton, 1982. – Ред.
- Rethinking the Soviet experience: Politics and history since 1917. – New York: Oxford Univ. Press, 1985; Переосмысливая советский опыт: (Политика и история с 1917 г.). – Benson, Vt.: Chalidze Publications, 1986.
- Sovieticus: American perceptions and Soviet realities. – New York: W.W. Norton, 1985.
- Voices of glasnost: Interviews with Gorbachev's reformers. – New York: W.W. Norton, 1989. – Соавт., сопед.
- Изучение России без России: Крах американской постсоветологии / Предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1999. – 48 с. – (АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века; Вып. 4).
- Failed crusade: America and the tragedy of post-communist Russia. – New York: W.W. Norton, 2000; Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / Пер. с англ. И.С. Давидян. – М.: АИРО, 2001. – 304с.

«Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? / Пер. с англ. И.С. Давидян. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 200 с.

Soviet fates and lost alternatives: from Stalinism to the new Cold War. – Columbia University Press, 2009. – 308 p.

Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. И.С. Давидян. – М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2009. – 144 с.

The Victims Return. Survivors of the Gulag After Stalin. – Survivors a Publishing Works, Exeter, NH, 2010. – 216 p.

Утраченное наследие Горбачева / Пер. с англ. И.С. Давидян. – М.: «Новая газета»; АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века; Вып. 27).

СТАТЬИ И ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГАМ

Marxist theory and bolshevik policy // Political Science Quarterly – 1970. – Vol. LXXXV, № 1. – P. 40–60.

Bukharin, Lenin and the theoretical foundations of bolshevism // Soviet Studies / Univ. of Glasgow. – 1970. – Vol. XXI, № 4. – P. 436–457.

In praise of war communism: Bukharin's The Economics of the Transition Period // Revolution and politics in Russia: Essays in memory of B.I. Nicolaevsky / Ed. by Alexander and Janet Rabinowitch. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1972. – P. 192–203.

Stalin's revolution reconsidered // Slavic Review – 1973. – Vol. 32, № 2. – P. 264–270.

Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in historical interpretation / Ed. by R.C. Tucker. – New York: W.W. Norton, 1977. – P. 3–27; То же // Dissent. – Spring 1977. – P. 190–205; Totalitarianism reconsidered / Ed. by E.I. Menze. – Port Washington; London: Kennikat Press, 1981. – P. 58–80.

Foreword // Medvedev Roi and Medvedev Zhores. Khrushchev: The years in power. – New York: W.W. Norton, 1978. – P. I–VIII.

Common and uncommon sense about the Soviet Union and American policy // The Soviet Union: International dynamics of foreign policy, present and future / Hearings in the House of Representatives. – Washington: U.S. Govt Print. Off., 1978. – P. 202–239; То же под загл.: A new look at the sources of Soviet conduct // Inquiry Magazine – 1977. – 19 Dec. – P. 11–17.

- Soviet domestic politics and foreign policy // *Detente or debacle: Common sense in U.S. – Soviet relations* / Ed. by F.W. Neal. – New York: W.W. Norton, 1979. – P. 11–28. То же в сокр. // *Common sense in Soviet relations* / Ed. by C Marcy. – Washington: American Committee on East West Accord, 1978. – P. 11–25; То же под загл.: *Premonitions of Stalinism* // *Dissent*. – 1978. – Winter. – P. 79–82.
- Why Bukharin's ghost still haunts the Kremlin // *The New York Times Magazine* – 1978. – 10 Dec. – P. 79–82.
- The friends and foes of change: reformism and conservatism in the Soviet Union // *Slavic Review*. – 1979. – Vol. 38, № 2. – P. 187–202; То же // *The Soviet Union since Stalin* / Ed. by Cohen, A. Rabinowitch and R. Sharlet. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980. – P. 11–31.
- What is fundamental? // *Slavic Review* – 1979. – Vol. 38, № 2. – P. 220–223.
- The rage of heresy // *The Nation*. – 1979. – 29 Dec. – P. 692–694.
- Stalin's afterlife // *The New Republic*. – 1979. – 29 Dec. – P. 15–19.
- Bukharin and the idea of an alternative to Stalinism // *Bukharin and the bolshevik revolution*. – Oxford Univ. Press, 1980. – P. XV–XXIV.
- Bukharin and the Eurocommunist idea // *Eurocommunism between East and West* / Ed. by V. Aspaturian, J. Valenta and D.P. Burke. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980. – P. 56–71; То же // *N.I. Bukharin. Selected writings* / Ed. by R.B. Day. – White Plains: M.E. Sharpe, 1982. – P. IX–XXV.
- Essays on the history of Stalinism // *Stalin L'Uomo, La Nazinoe, Il Partito*. – Milan: Fabbri Editori, 1980.
- Cold warriors of the world, unite // *Inquiry Magazine* – 1980. – 21 Apr. – P. 23–24.
- Dissenso, democrazia e d'evoluzione dell 'autoritarismo sovietico: 1917–1979 // *Dissenso e democrazia new paesi dell'est*. – Florence, 1980. – P. 24–34.
- La sue visione della 'costruzione del socialismo' // *Rinascita*. – 1980. – 4 July. – P. 18–20.
- Il dopo Brezhnev: discuterne Josif Brodsky e Stephen F. Cohen // *L'Espresso*. – 1980. – 16 Nov. – P. 70–82.
- Hard-line Fallacies // *New York Times*. – 1980. – 22 Aug.; То же // *Social Education*. – 1981. – Vol. 45, № 4. – P. 252–253.
- The parity principle in U.S. – Soviet relations // *The New York Times*. – 1981. – 26 June.

- The survivor as historian // *Antonov-Ovseyenko A.* The time of Stalin. – New York: Harper and Row, 1981. – P. VII–XI.
- Roy Medvedev and Political Diary // An end to silence / Ed. by St. F. Cohen. – New York: W.W. Norton, 1982. – P. 7–14.
- The Stalin question since Stalin // *Ibidem.* – P. 22–50.
- Bucharin e il bucharinismo // Bucharin tra rivoluzione e riforme. – Rome: Ed. Riuniti, 1982. – P. 19–27.
- How to save the world // The New York Times. – 1983. – 13 Nov.
- Andropov in mezzo al Guado // L'Espresso. – 1983. – 12 Dec.
- No Andropov era // The New York Times. – 1983. – 13 Nov.
- Soviet domestic politics and foreign policy // World politics debated / Ed. by H.M. Levine. – New York: McGraw-Hill, 1983. – P. 126–137.
- The Stalin question // The Soviet Union today / Ed. by J. Cracraft. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983. – P. 21–32.
- Памяти Евгения Гнедина // СССР: Внутренние противоречия. Вып. 2. – Нью-Йорк, 1984. – С. 269–273.
- The friends and foes of change // The Soviet policy in the modern era / Ed. by E. Hoffmann and R. Laird. – Hawthorne: Aldine, 1984. – P. 85–104.
- Soviet state and society as reflected in the American media // Nieman Reports. – 1984. – Winter. – P. 25–28; То же // The other side: How Soviets and Americans perceive each other / Ed. by R. English and J. Halperin. – New Brunswick: Transaction Books, 1987. – P. 77–81; То же в сокр. // Bulletin of the American Society of Newspaper Editors. – 1984. – Nov. / Dec. – P. 36–37; Harper's. – 1985. – March.
- Soviet domestic politics and foreign policy // Soviet foreign policy in a changing world / Ed. by R. Laird and E. Hoffmann. – New York: Aldine, 1986. – P. 66–83.
- Stalin's terror as social history // The Russian Review – 1986. – Vol. 45, № 4. – P. 375–384.
- A matter of global survival // Before the point of no return / Ed. by C. Snyder. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1986. – P. 49–53.
- The struggle for detente // East-West Tension. North-South Conflict. – New York: Riverside Church Disarmament Program, 1986. – P. 9–13.
- America's Russia: Can the Soviet system change? // Socialism and Democracy. – 1986. – № 3. – Fall/Winter. – P. 5 – 16; То же // Princeton Alumni Weekly. – 1986. – 30 Sept. – P. 11–15; То же в сокр. // Harper's. – 1986. – Nov.

- Gorbachev's historic embattled program // *Il progetto Gorbaciov*. – Rome: Rinascita. – 1987. – P. 158–165.
- Perestroika: Debate with Richard Pipes // *Princeton Alumni Weekly*. – 1987. – 9 Dec. – P. 21–27.
- Soviet state and society in the American media // *The other side* / Ed. by R. English and J. Halperin. – New Brunswick: Transaction Books, 1987. – P. 77–81.
- Bukharin and the Eurocommunist idea // *The crucible of socialism* / Ed. by L. Patsouras. – Atlantic Highlands: Humanities Press, 1987. – P. 293–307.
- The U.S. press and glasnost // *Deadline*. – 1988. – May–June. – P. 3–4.
- Centrists lack the guts to respond to Gorbachev // *New York Times*. – 1988. – 19 Sept.; То же // *International Herald Tribune*. – 1988. – 20 Sept.; Эхо планеты. – 1988. – № 33. – С. 48.
- The President's historic opportunity: Will we end the cold war? // *The Nation*. – 1988. – 10 Oct. – P. 305–314; То же // *America's transition* / Ed. by M. Green and M. Pinsky. – New York: Democracy Project, 1989. – P. 120–134; То же в сокр. // *The Trenton Times*. – 1988. – 16 Oct.; Rinascita. – 1988. – 22 Oct. – P. 28–30.
- Supporters and opponents of perestroika: A roundtable // *Soviet Economy*. – 1988. – Oct. – Dec. – P. 275–318.
- Gorbachev and the Soviet reformation // *Voices of glasnost* / Ed. by St. Cohen and K. vanden Heuvel. – New York: W.W. Norton, 1989. – P. 13–32.
- Changing the image of the enemy: Dialogue with Vitaly Korotich // *Michigan Quarterly Review* – 1989. – Fall. – P. 507–520.
- The moderate alternative // *The Stalin revolution* / Ed. by R.V. Daniels. – Lexington: D.C. Heath, 1990. – P. 35–53.
- Gorbachev the Great // *The New York Times*. – 1991. – 11 March; То же // *International Herald Tribune*. – 1991. – 11 March; Известия. – 1991. – 12 марта.
- Gorbachev's reforms and American perceptions // *Outlook*. – 1990/91. – Winter. – P. 70–74.
- Gorbachev's reforms after six years // *Hearings before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations U.S. Senate*. – Washington: U.S. Govt Print. Off. – 1991. – P. 41–47.
- The friends and foes of change // *The Soviet system in crisis* / Ed. by A. Dallin and Gail W. Lapidus. – Boulder: Westview Press, 1991. – P. 64–80; То же // *The Soviet system: from crisis to collapse* / Ed. by A. Dallin and Gail W. Lapidus. – Boulder: Westview Press, 1995. – P. 57–74.

- Cold dawn in Moscow // *The New York Times*. – 1991. – 4 Sept.; То же // *International Herald Tribune*. — 1991. – 5 Sept.; Советская Россия. – 1991. – 7 сент.; Независимая газета. – 1991. – 5 окт.
- What's really happening in Russia? // *The Nation*, – 1992. – 2 March. – P. 259–268; То же // *Annual Editions: Comparative Politics*. – Dushkin Publishers, 1993.
- The election's missing issue: A cold peace with Russia? // *The Nation*. – 1992. – 23 Nov. – P. 622 – 624; То же // *Information (Denmark)*. – 1992. – 6 Nov.; *De Morgen (Belgium)*. – 1993. – Dec.
- Ligachev and the tragedy of Soviet conservatism // *Inside Gorbachev's Kremlin: The memoirs of Yegor Ligachev*. – New York: Pantheon Books, 1993. – P. 7–37; То же. – Boulder: Westview Press, 1996. – P. VI–XXXVI.
- The afterlife of Nikolai Bukharin // *Larina A. This I cannot forget: The memoirs of Nikolai Bukharin's widow*. – New York: W.W. Norton, 1993. – P. 13–36.
- Staggering toward democracy? // *Harvard International Review*. – 1992/1993. – Winter. – P. 14–17, 60–62.
- Can we convert Russia? // *Washington Post Outlook*. – 1993. – 28 March; То же // *Рабочая трибуна*. – 1993. – 7 апр.
- American policy and Russia's future // *The Nation*. – 1993. – 12 Apr. – P. 476–485.
- U.S. policy toward post-communist Russia: fallacies, failures, possibilities // *Hearings before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives*. – Washington: U.S. Govt Print. Off., 1993. – P. 453–479.
- Yeltsin's desperation dismantles democracy // *Washington Post Outlook*. – 1993. – 10 Oct. – P. 1–3. То же // *Washington Post National Weekly*. – 1993. – 18–24 Oct. – P. 23–24; То же в сокр. // *International Herald Tribune*. – 1993. – 13 Oct.; *The Moscow Times*. – 1993. – 14 Oct.; *Рабочая трибуна*. – 1993. – 18 окт.; *Новая ежедневная газета*. – 1993. – 29 ноября.
- The last chance // *The Nation*. – 1994. – 24 Jan. – P. 76–77. – Соавт.: K. vanden Heuvel.
- America's failed crusade in Russia // *The Nation*. – 1994. – 28 Febr. – P. 261–264; То же в сокр. // *Los Angeles Times*. – 1994. – 11 Febr.; *Рабочая трибуна*. – 1994. – 11 февр.; *International Herald Tribune*. – 1994. – 16 Febr.
- Clinton's Yeltsin, Yeltsin's Russia // *The Nation*. – 1994. – 10 Oct. – P. 373–376; То же в сокр. // *New York Newsday*. – 1994. – 25

- Sept.; International Herald Tribune. – 1994. – 26 Sept.; The Moscow Times. – 1994. – 27 Sept.; Рабочая трибуна. – 1994. – 4 окт.; Советская Россия. – 1994. – 4 окт.
- If not Yeltsin, the Russian opposition // The Washington Post Outlook. – 1995. – 3 Dec.
- In Russia, who is guilty now? // The New York Times. – 1995. – 11 Dec.
- Russia's judgment day? // The Nation. – 1996. – 8 July. – P. 3–5. – Соавт.; То же. // Литературная газета. – 1996. – 3 июля.
- «Transition» or tragedy // The Nation. – 1996. – 30 Dec. – P. 4–6; То же в сокр. // Los Angeles Times. – 1996. – 12 Dec; International Herald Tribune. – 1996. – 13 Dec; The Moscow Times. – 1996. – 17 Dec; Общая газета. – 1996. – 26–31 дек.; Завтра. – 1997. – Янв. (№ 3).
- The Other Russia // The Nation. – 1997. – 11/18 Aug. – P. 24–26. – Соавт. 84. Preface // *King D. The commissar vanishes*. – New York: Metropolitan Books, 1997.
- Bukharin's fate // *Bukharin N. How it all began*. – New York: Columbia Univ. Press, 1998. – P. 7–28; То же в сокр. // Dissent. – 1998. – Spring. – P. 58–68.
- Why call it reform? // The Nation. – 1998. – 7–14 Sept. – P. 6–7.
- Russian tragedy or transition // *Rethinking the Soviet collapse* / Ed. by M. Cox. – London: Cassell, 1998. – Chap. 13.
- Who lost Russia? // The Nation. – 1998. – 12 Oct. – P. 5; То же // International Herald Tribune. – 1998. – 27 Oct.; Los Angeles Times. – 1998. – 27 Oct.
- Help Russia // The Nation. – 1999. – 11–18 Jan. – P. 6–9. – Соавт.: K. vanden Heuvel; То же // The Moscow Times. – 1998. – 25 Dec; The St. Petersburg Times. – 1998. – 29 Dec.; Courrier International – 1999. – 7–13 Jan.; Независимая газета. – 1999. – 26 янв.
- Russian studies without Russia // *Post-Soviet Affairs*. – 1999. – Jan. – March. – P. 37–55.
- «Transition» is a notion rooted in U.S. ego // The New York Times (Ideas Page). – 1999. – 27 March.
- Degrading America // The Nation. – 1999. – 24 May. – P. 6; То же // Независимая газета. – 1999. – 7 мая.
- American journalism and Russia's tragedy // The Nation. – 2000. – 2 Oct. – P. 23–30.
- Gorbachev as leader: Pope or Luther? // *Gorbachev on his 70th birthday*. – Moscow, 2001. – P. 242–246. – Англ. и рус.

- Russian nuclear roulette // *The Nation*. – 2001. – 25 June. – P. 16.
- A second chance with Russia // *The Nation*. – 2001. – 5 Nov. – P. 7, 23;
То же // *Pittsburgh Post-Gazette*. – 2001. – 11 Nov.; *International Herald Tribune*. – 2001. – 14 Nov.; *Советская Россия*. – 2001. – 18 окт.
- Endangering U.S. security // *The Nation*. – 2002. – 15 Apr. – P. 5. – Соавт.; То же. // *Советская Россия*. – 2002. – 2 апр.; *Los Angeles Times*. – 2002. – 1 May; *Newsday*. – 2002. – 3 May; *Chicago Tribune*. – 2002. – 14 May.
- Are we safer? // *The Nation*. – 2003. – 5 May. – P. 4; То же // *International Herald Tribune*. – 2003. – 23 Apr.; *Известия*. – 2003. – 20 июня.
- The struggle for Russia // *The Nation*. – 2003. – 24 Nov. – P. 5–6; То же // *Philadelphia Inquirer*. – 2003. – 9 Nov.; *Moscow Times*. – 2003. – 12 Nov.; *Родная газета*. – 2003. – 14 ноября.
- How to get out of Iraq // *The Nation*. – 2004. – 24 May. – P. 11; То же // *The Guardian* (U. K.); *Родная газета*. – 2004. – 14–20 мая.
- Was the Soviet system reformable? // *Slavic Review*. – 2004. – Fall. – P. 459–488; 553–554; То же // *Свободная мысль*. – 2005. – № 1. – С. 136–162; Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя. – М., 2005. – С. 24–45. То же в сокр. // *Политический журнал*. – 2005. – 17 янв. – С. 66–70.
- The media's new cold war // *The Nation*. – 2005. – 31 Jan. P. 18–22. То же // *Гудок*. – 2005. – 2 февр.; *Национальные интересы*. – 2005. – № 1. – С. 3–6.
103. Gorbachev's lost legacy // *The Nation*. – 2005. – 14 March. – P. 5. То же // *Los Angeles Times*. – 2005. – 27 Feb.; *Политический журнал*. – 2005. – 28 февр.
- The new American cold war // *The Nation*. – 2006. – 10 July. – P. 9–17. То же // *Политика*. – 2006. – 28 июня.
- The Soviet Union, R.I.P.? // *The Nation*. – 2006. – 25 Dec. – P. 14–18. То же // *The Guardian* (U.K.). – 2006. – 13 Dec.; *Новая газета*. – 2006. – 21–24 дек.; *Europa* (Poland). – 2006. – 30 Dec.
- Bukharin's fate // Bukharin N. *Socialism and its culture*. – London; New York; Calcutta, 2006. – P. VII–XXXVII.
- Conscience and the war // *The Nation*. – 2007. – 26 March. – P. 4–5.
- The 15th anniversary of the end of the Soviet Union // Kennan Institute occasional paper № 299. – Washington, DC., 2008. – Соавт.
- The missing debate // *The Nation*. – 2008. – 19 May. – P. 6–8. То же // *Los Angeles Times*. – 2008. – 30 Apr.; *Известия*. – 2008. – 30 апр.; *L'Unita*. – 2008. – 30 Apr.

- The victims return: Gulag survivors under Khrushchev // Political violence: Essays in honor of Robert Conquest / Ed. by P. Hollander. — New York; London, 2008. — P. 90–126.
- Stalin's victims return // The Nation. — 2008. — 15 Sept. — P. 27–32.
- Переосмысливая советский опыт // США. — 1986. — № 2. — С. 97–104.
- Возвращение Николая Бухарина // Московские новости. — 1988. — 21 февр.
- Предисловие // Американцы пишут Горбачеву. — М.: Прогресс, 1988. — С. 9–35.
- Страницы жизни Николая Бухарина // За рубежом. — 1988. — № 15, 16.
- На крутом повороте: Бухарин и Сталин в канун «великого перелома» // Знание — сила. — 1988. — № 8. — С. 64–74.
- Николай Бухарин: взгляд американского советолога // Эхо планеты. — 1988. — № 32. — С. 30–33.
- Нэповская альтернатива // Наука и жизнь. — 1988. — № 10. — С. 60.
- Бухарин, НЭП и идея альтернативы сталинизму // ЭКО. — 1988. — № 9. — С. 155–167.
- Дуумвират: Бухарин и Сталин // Огонёк. — 1988. — № 45. — С. 29–31.
- Предисловие к советскому изданию // Бухарин: политическая биография, 1888–1938. — М.: Прогресс, 1989. — С. 3–9; То же // Огонёк. — 1988. — № 45. — С. 28.
- Марксистская теория и большевистская политика: «Теория исторического материализма» Бухарина / Послесл. В.Н. Шевченко // Философские науки. — 1989. — № 1. — С. 73–87.
- [Рец. на кн.: Горелов И.Е. Николай Бухарин. — М.: Моск. рабочий, 1988. — 282 с: ил.] // Проблемы мира и социализма. — 1988. — № 5. — С. 85–86. — Соавт.: С. Меньшиков.
- Перестройка — это путешествие в поисках нового // Коммунист. — 1989. — № 7. — С. 23–29.
- Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. — 1989. — № 7. — С. 46–72.
- Предупреждение сталинизма // Огонёк. — 1990. — № 28. — С. 13–16.
- Партия на перепутье // Литературная газета. — 1990. — 4 июля.
- Американское восприятие и советская действительность // СССР глазами советологов. — М.: Московский рабочий, 1990. — С. 40–59.
- Что же происходит в России? // Свободная мысль. — 1992. — № 8. — С. 15–23.

Американская политика и будущее России // ПОЛИС. – 1993. – № 3. – С. 86–97.

Круглый стол // Что значит издать книгу в Советском Союзе. – М., 1993. – С. 6 – 14, 32–38.

«Let Russia be Russia» // Литературная газета. – 1993. – 23 июня.

Может ли Ельцин стать новым Ельциным? // Новая ежедневная газета. – 1994. – 4 янв.

Что Америка может дать России? // Рабочая трибуна. – 1994. – 19, 20 июля.

Куда идёт Россия? // Труд. – 1994. – 26 июля. – Соавт.: С. Бабурин.

Предисловие к изданию «Тюремные рукописи Н.И. Бухарина» // [Бухарин Н.И.] Тюремные рукописи Н.И. Бухарина: В 2 кн. / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1: Социализм и его культура / Публ. С.Н. Гурвич-Бухариной, А.М. Лариной-Бухариной, Ю.Н. Ларина; Предисл. Б.Я. Фрезинского; Комментар., указ. имён О.Л. Сорокиной, М.Ф. Федотовой. – М.: АИРО-XX, 1996. – С. 14–24; То же в сокр. // Свобод, мысль. – 1995. – № 12. – С. 50–56; Независимая газета. – 1995. – 3 нояб.

Изучение России без России. Крах американской постсоветологии / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 4 – М.: АИРО-XXI, 1999. – 48 с. То же // Свободная мысль. – 1998. – № 9/12. – С. 21–34.

Горбачев как лидер: Папа или Лютер? // Многая лета... Михаилу Горбачеву. – М., 2001. – С. 254–259.

Предисловие // Бухарин В.И. Дни и годы / Публ. подгот.: М.В. Бухарина, Ю.Н. Гусев, Л.Н. Гусева, Г.В. Девицина; Сост., введ., коммент., послесл.: Г.В. Девицина, Л.Н. Гусева, Е.Н. Юркевич; Введ. Н.В. Тороповой. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 5–8; То же // Библиография. – 2003. – № 4. – С. 73–75.

Бухарин на Лубянке // Свободная мысль. – 2003. – № 3. – С. 58–64.

Можно ли было реформировать Советскую систему? / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16. – М.: АИРО-XXI, 2005. – 64 с.

Кто виноват? // Политический класс. – 2005. – № 10. – С. 60–65.

Правда ли, что «холодная война» закончилась? // Горбачёвские чтения / Под ред. О.М. Здравомысловой. – Вып. 4. – М., 2006. – С. 267–273.

Введение // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов / Предисл. С. Бабурина. Под ред. Г.А. Бордюгова. Изд. 2-е, доп., измен. и расшир. – М.: АИРО-XXI; РГГЭУ, 2008. – С. 20–28.

Приди Бухарин к власти, в СССР было бы меньше насилия // Известия. 2008, 9 октября.

Утраченное наследие Горбачева // Новая газета. 2010, 1 марта.

ЛИТЕРАТУРА О СТ. КОЭНЕ

Анин Д. Актуален ли Бухарин? // Континент. – 1975. – № 2. – С. 281–314.

Гефтер М.Я. Все мы заложники мира предкатастроф: Письмо американскому историку Стивену Коэну // Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. – М., 1991. – С. 85–91.

Дедков Н. Беспokoйный американец // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 4.

Согрин В. Стивен Коэн и перипетии посткоммунистической России // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 4.

Аннинский Л. Коэн зрит в корень // Родина. – 2002. – № 7.

Junge Mark. Bucharins Reabilitierung Hisorisches Gedachtnis in der Sowjetunion. 1953–1991. – Berlin: Basis-Druck, 1999; То же. *Junge M.* Страх перед прошлым: Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. – М.: АИРО-XX, 2003. – 336 с. – (АИРО-XX – первая публикация в России).

Борьба за Россию // Родная газета. – 2003. – 20 нояб.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI; РГГЭУ, 2008. – 244 с.

Stephen Cohen, The Soviet Union and Russia. Tributes and Comments by Russian Colleagues. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Ed. by Gennady Bordyugov and Leonid Dobrokhотов. Translated by George Shriver. – PublishingWorks, Exeter, NH, 2010. – 298.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ГУЛАГА ОТКРЫТ 18 МАЯ 2004 ГОДА

Музей знакомит с системой ГУЛАГа, с историей массовых политических репрессий на территории СССР в эпоху сталинизма. Сотни крупных и множество мелких лагерей, миллионы заключённых и спецпереселенцев с начала 30-х по 50-е годы XX века. ГУЛАГ стал государством в государстве.

Железные дороги, промышленные гиганты и новые города-стройки коммунизма, возведённые руками “врагов народа”...

Массовые высылки крестьян, депортация неугодных Сталину народов.

Истребление интеллигенции и священнослужителей.

Среди них: Павел Флоренский, Осип Мандельштам, Всеволод Мейерхольд, Николай Бухарин, Рауль Валленберг, Николай Вавилов...

В экспозиции музея - живопись, графика, скульптура, фотографии, подлинные вещи заключённых и спецпереселенцев. Инсталляция лагеря.

В музее проходят кино-показы и музыкальные вечера, театральные постановки, а также другие тематические мероприятия.

Приоритетным направлением деятельности музей считает сохранение исторической памяти, прежде всего молодым поколением.

Государственный музей истории ГУЛАГа
127051, г. Москва, ул.Петровка, д.16
Тел./Факс+7(495)621-73-10

<http://музейгулага.рф/>
<http://www.gmig.ru/>
E-mail: info@gmig.ru

ИЗДАНИЯ АИРО В 2001–2011 гг.

2001

Стивен Козн. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).

Ленарт Самуэльсон. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).

А.П. Ненароков. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).

И. Ротарь. Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).

Новые концепции российских учебников по истории / Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).

Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада / Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма / Составители М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.

Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.

Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.

С.В. Константинов, А.И. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.

А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов / Составители А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.

2002

Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов / Под редакцией В.П. Чернобровина.
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.
- Б.И. Чехонин.* Как богатееют, не воруя (по странам и континентам).
- Synopsis operandi профессора Аймермахера / Составитель А.И. Ушаков.
- С.Б. Веселовский.* Подмоскowie в древности. Три очерка.
- Фёдору Крюкову, певцу Тихого Дона.
- Вадим Смиренский.* Разбор сюжетов.

2003

- Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет / Составители Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков.
- Марк Юнге.* Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).
- И.А. Гордеева.* «Забытые люди». История российского коммуитарного движения. («АИРО – Первая монография»).
- Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под редакцией Г. А. Бордюгова.
- In Memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.
- Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 / Составитель В.Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.
- Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.
- Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.
- Из старых тетрадей. *С.Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В.С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.
- Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.
- Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.
- Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.
- Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.
- Василий Молодяков.* Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.
- Ю. Сигов.* Многоликая Малайзия.
- А.А. Куреньишев.* Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).
- Россия: удачи минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.
- Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.
- Марк Юнге, Рольф Биннер.* Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

- Никита Дедков.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).
- Жанат Кундакбаева.* «знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).
- В.Д. Соловей.* Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).
- С.И. Валянский.* Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).
- П.Б. Уваров.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).
- 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) / Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.
- Б.Г. Тартаковский.* Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова / Под редакцией Г.А. Бордюгова.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).

Стивен Козн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).

Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов. Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).

Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Жанат Кундакбаева. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.

Владимир Самарин. Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.

Борис Соколов. Моя книга о Владимире Сорокине.

60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.

Ст. Б. Веселовский. Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.

Рой Медведев. Социализм в России?

Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

Дмитрий Люшкин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А.Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

- Ф.Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).
- В.Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).
- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).
- Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.
- Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н.А. Четырина. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. Павленко. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.
- Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации. Япония. Ежегодник. 2006.
- Сергей Валянский. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).
- В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я.В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).

- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Библиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Библиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В.Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги.
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.
- Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
- Константинов С.В.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куреньшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томилин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиг.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lections / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

- Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО–XXI. 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В. История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. – М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов. Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 432 с.
- Виктор Кригер. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская. Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина. Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО–XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1032 с.

Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.

Носович А.Л. Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.

Кыласов А.В. Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.

Гурвич Э.Б. Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.

Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.

Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).

Стивен Козн. Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).

Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

Б.В. Соколов. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).

Научное издание

Стивен Коэн

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ГУЛАГА.
Возвращение сталинских жертв

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022150-7

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 28.01.2011
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 15,5
Тираж 5000 экз. Зак.